

ХАМИТ
БОТАШ

604622

43

Проклятая поляна

ХАМИТ БОТАШ

1996

1995

ПРОКЛЯТАЯ ПОЛЯНА

(Роман — хроника)

*Перевод с карачаевского
Эльвиры Каитовой-Кубновой*

2008

Москва — 1993

604622

Х. Боташ. «Проклятая поляна»

Акционерная компания «АКЦЕПТ»
Типография издательства «Новости»
107005, Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Обычно предисловие является или кратким объяснением сюжета книги или ответом на возможную критику. Но пока «Проклятая поляна» еще не вышла в свет, ей нечего бояться критики. Думаю, однако, надо дать читателю некоторую справку о том, как мой северо-кавказский народ с женщинами, стариками и детьми, на бричках, лошадях оказался в сердце Европы. Я был свидетелем трагедии «Драу», разыгравшейся в 1945 году в Австрии в местечке Иршен (Обердраубург), где английские войска предательски выдали советским чекистам бежавших от сталинизма кавказцев и решил запечатлеть это в «Проклятой поляне». Благодаря стечению обстоятельств и помощи Аллаха мне с семьей удалось спастись в Альпах и в течение трех месяцев мы жили, испытывая холод, голод и болезни, совершенно изолированно от всего мира. Многие журналисты писали о трагедии «Драу» касательно Донских, Кубанских, Терских казаков. Однако о северо-кавказских беженцах написано очень мало. Хотя того, что мы пережили, хватило бы на целые тома. Поэтому я поставил перед собой цель написать свои воспоминания об этой трагедии не ради публикации, а в надежде, что когда-нибудь историки могут воспользоваться этими записками и изложенным в них материалом.

Помог случай. Ко мне в гости приехали из Карачая известный писатель Дагир Кубанов и молодой поэт Альберт Узденов. Им я поведал о наших

скитаниях в годы второй мировой войны и, как литераторам-профессионалам, решил показать рукопись «Проклятой поляны». Ознакомившись с ней, Дагир Кубанов сразу взялся за ее подстрочный перевод на русский язык и обещал помочь в ее издании на Кавказе. Альберт Узденов оказал мне любезность, переложив мои стихи с латынского на русский алфавит и опубликовав их на страницах периодической печати.

Я не нахожу слов благодарности за их внимательное отношение к моим скромным произведениям, о публикации которых на Родине я и не мог мечтать до их приезда.

Хамит Боташ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Май 1945 года

Кто бы мог подумать, что наше безрадостное путешествие, начатое три года назад на Кавказе, завершится в глубине Европы, в одном из многочисленных ущелий высоких Альп!

Уже в начале весны явно чувствовалось приближение хаоса, когда, как говорят в народе, «собака не узнавала своего хозяина». Стало ясно, что Германская империя вообще и нацизм в частности, вот-вот должны отдать концы.

И мы, беглецы из Северного Кавказа, поняли, что теперь наша судьба находится в собственных руках. И хотя сопровождавшие нас немцы по-прежнему приказывали нам никуда не отлучаться без их разрешения, уже мало кто обращал на них внимание.

Мы продолжали двигаться вперед и никто нам не препятствовал. К рассвету 5 мая 1945 года мы достигли Плокленского перевала в Альпах, на стыке границы Австрии с Италией. Дождь, который лил почти всю ночь, к утру перешел в снег, набросив на перевал белое покрывало. Уже был на подходе последний фургон нашего жалкого, измученного обоза и можно было двигаться дальше. Задерживаться на Плокленском перевале было рискованно. На высоте

1360 м дул сильный сквозной ветер, превращая все вокруг в снежную пургу и пронизывая людей, как говорят, до мозга костей.

Через три километра пути, преодолев крутой опасный путь, под непрерывным дождем, совсем ооченев от холода, мы спустились в одну из долин Гаилского ущелья и, свернув с дороги, остановили обоз на зеленой лужайке. К нашему счастью усилившийся ветер быстро разогнал тучи, открыв путь теплым лучам весеннего солнца. Под воздействием неожиданно разлившегося приятного тепла быстро ожила природа и мы явственно чувствовали аромат запахов молодой еще зелени. Сделав кратковременный привал, мы двинулись дальше. Проехали через города Маутхан, Костшах и спустились в долину Драу (Обардраубруге). Здесь мы услышали о конце фашистской империи и встретились с передовыми мото-стрелковыми частями английских войск. Они остановили наш обоз и направили его по параллельной дороге на восток. Через 5—6 километров нашу колонну вновь остановила английская танкетка. Находившийся в ней военный патруль, вернее представитель полевой жандармерии, приказал нам повернуть направо. Мы остановились. Я повернул голову туда, куда указывал англичанин и увидел реку Драу, спокойно текущую по извилистому руслу. Зрелище было великолепное: кругом под теплыми лучами солнца буйствовало зеленое покрывало земли. Противоположный берег реки был укреплен выпуклыми и серыми скалами, окруженными пышным лесом и казалось, что, шевеля своими макушками, деревья кланяются древней реке, проводя ее в далекий путь. Ничто не говорило о том, что где-то бушевала кровопролитная опустошительная война.

Берег реки, на котором стоял наш обоз, был отлогим и ровным. Были видны зеленые участки земли, оставленные, видимо, под покос и то там, то тут чернели выпаханные недавно огороды. Эти гем-

ные пятна на обширном зеленом поле напоминали черные облака, появившиеся невзвезд отсюда на голубом ясном небе. У самого берега виднелся плотный ряд тальника, пышная листва ветвей которого, словно зонтами, укрывала часть воды от солнечных лучей. То там, то тут взгляд натыкался на колонии кустарников и кучи камней, убранных с пахотных и покосных полей. Все это напомнило мне мой далекий прелестный Кавказ и сердце резануло острой болью...

Между рекой Драу и асфальтированной дорогой, по которой следовала наша колонна, черной лентой тянулась извилистая железнодорожная линия. С другой стороны виднелись леса и поляны, которые были застроены небольшими группками острокрыших, разноликих и красивых домиков.

Нашу колонну остановили на одной из неотжитых полян...

«Удобную же поляну нашли нам наши новые хозяева. Мы здесь будем себя чувствовать словно необученная лошадь в загоне, опутанная на все четыре ноги», --- подумал я, следуя за товарищами, которые направились к английской танкетке. Как только мы подошли к ней, появилась военная легковая машина и остановилась около нас. Из «Джипа» выпрыгнули четыре англичанина в военной форме.

Один из них взобрался на танкетку, изучающе оглядел нас и, повысив голос, обратился к нам по-русски:

— Внимание! Внимание! Ваш длинный путь, проделанный на повозках от далекого Кавказа до Альп, окончен! Все, кто прибыл сюда: карачаевцы, балкарцы, кабардинцы, адыгейцы, осетины и те, кого я не назвал, соберитесь по национальным группам и обживайте эту поляну. Соблюдайте установленный здесь порядок. Отныне вы находитесь в ведении частей 8-ой английской армии. Если возникнут какие-то проблемы, вопросы, приходите в штаб — он расположен в Обердраубруге. Мы еще будем

встречаться, а пока устраивайтесь. Война уже кончилась, но нанесенные ею раны еще будут кровоточить очень долго. — И после небольшой паузы как бы на вздохе добавил: —Итак, чтобы были порядок и дисциплина!

Он соскочил с танкетки и, не сказав больше ни слова, сел в «Джип» и уехал вверх по ущелью.

— Чувствуете, что он о нас знает лучше, чем мы сами и точно осведомлен обо всем? И говорит на чистейшем русском языке без всякого акцента, — заметил один из моих товарищей.

— Говорят, что у англичан самая сильная разведка. Их агентура располагает о нас всеми необходимыми данными, можете не сомневаться в этом, — вмешался в разговор кто-то другой.

— Могу поспорить на что угодно, — сказал третий, выглядевший значительно старше остальных, — что он переодетый работник НКВД...

Не обращая внимания на эти разговоры, я направился к своей повозке. Согласно указаниям англичан, мы должны были приступить к «оживлению» поляны, но в это время появилась агитационная машина и из репродуктора приказали: «Внимание, внимание! Все взрослые мужчины выходите к обочине дороги и соберитесь около оврага!» Это было то место, где располагался штаб нашей Кавказской колонии...

Глава вторая

В объединении — сила

Итак, мы расположились на отведенной нам поляне по национальным группам в том же порядке, в каком жили на Северном Кавказе. Карачаевцы и балкарцы объединились в одну группу и расположились неподалеку от нашего штаба. Восточнее нас устроились кабардинцы, адыгейцы и осетины. Левее

карачаево-балкарской группы устроились представителями Дагестана и Чечено-Ингушетии. Это были, в основном, молодые бессемейные люди.

Мы были в приподнятом настроении — конец войны вселял в нас какие-то радужные надежды. В ход пошли шутки-прибаутки. Окликая друг друга, мы решили собраться на зеленой лужайке, чтобы поговорить о нашем дальнейшем житье-бытье. Собрались и расселись, говорил чуть-ли не каждый, перебивая своего соседа. И вот тут вступил в силу извечный закон Кавказа: когда говорит один, остальные слушают. Этот закон восстановил один из старших, который властным голосом сказал:

— Джамагъат!¹ Мы оказались вдали от своих родных мест, на чужбине. Мы находимся в стране, чей язык, чьи нравы и обычаи нам не известны. Не известны нам, людям, выросшим в условиях диктата, так же нравы, политика и цель англичан, в чьих руках мы оказались. Мы все здесь братья, нам не на кого опереться, потому что оказались вне наших домов, вне наших аулов, вне наших гор, рек и ущелий. Вне Родины. На что нам рассчитывать в это смутное время? Пусть Аллах бережет нас всех! Мы, северо-кавказские братья можем выжить лишь при условии единения, взаимной выручки и дисциплины. Мы беглецы от тирании — это факт, но мало кто поймет это в нынешней обстановке... До сих пор нас берегла судьба, а дальше все будет зависеть только от нас самих. Берегите единство, как зеницу ока! Не забывайте традиции отцов и они помогут нам в это тяжелое время.

На этом наше совещание закончилось. Старшие впереди, мы молодые за ними, — все направились к месту стоянки. Все остальные кавказцы, по своим национальным группам, начали устраиваться на площадке перед пригорком. Успокоившись, люди расспрашивали друг друга, искали своих близких,

¹ Джамагъат — народ, люди (по карачаево-балкарски)

находя, радовались. Получив печальные вести, плакали. Такое большое скопление северо-кавказских горцев, оказавшихся в центре Европы, вряд ли кто видел у себя на Родине. Диву даешься множеству языков, на котором говорят выходцы из Кавказа. Географически сравнительно небольшая территория — Северный Кавказ и столько языков!

Говорят, в Дагестане существует 32 наций, общающихся на разных языках. На берегу реки Драу мы не раз вспоминали легенду, бытовавшую на Кавказе: сперва Аллах создал людей и расселил их на Земле. Потом он придумал языки, собрал их в большой мешок и приказал Ангелу взять этот мешок, полететь над Землей и бросить каждой людской группе один язык. Раздавая языки, в один из дней Ангел оказался над Кавказом. Эльбрус был окутан густыми облаками и Ангел, не подозревая, что в них прячется вершина исполина, решил пересечь облака. Произошел страшный удар, разделивший вершину Эльбруса на две главы. При ударе треснуло дно мешка и языки посыпались на Кавказ. Большая часть их ветром была отнесена на территорию Дагестана...

И хотя на Кавказе существует очень много языков, есть у его народов нечто такое, которое, словно алмаз, сверкающий среди обычных камней, отличает их от других народов — это строго соблюдаемые, передаваемые от поколения к поколению обычаи и обряды, такие как уважение старших младшими, беспрекословное поклонение женщине — матери. Я смело могу заявить, что почет, каким пользуются у нас старики, женщины, гости, младшие члены семьи, милосердие к нищим, равноправие между людьми — эти высоко гуманные принципы, нигде так строго не соблюдаются, как у нас на Кавказе.

Всем этим законам Кавказа мы старались следовать даже сейчас в этой тяжелой обстановке на берегу реки Драу. К сожалению здесь была нарушена наша мужская национальная форма, которая

должна была сохраниться в чистоте, как и наш язык. Пестрота внешнего вида мужчин резко бросалась в глаза. Отдельные атрибуты немецкой, итальянской, кавказской, русской формы, подобранные кое-как и сидевшие на стройных мужчинах мешковато, резали глаз. Среди нас была небольшая группа военнослужащих, связавшихся с немцами. Не лучше дело обстояло и у них. Кроме того, форма многих имела знаки отличия, абсолютно не соответствовавшие их званиям в действительности. У одних какие-то старые царские погоны, у других немецкие, у третьих итальянские. Полагаю, что очень немногие из них знали, что означают нацепленные на их плечи погоны. Наши пестрые одежды, казалось, были необходимостью переживаемого момента, но сторонний трезвый наблюдатель мог по ним определить унижительность нашей внешности, опустошенность наших истерзанных душ.

Судя по этой форме, офицеров было больше, чем солдат. Бывало так, что один и тот же человек вечером был в форме рядового, а к утру выглядел офицером. Достать офицерские погоны не составляло никакого труда. Некоторые, ездившие в Берлин, привозили эти погоны мешками и раздавали своим знакомым и близким. Подавляющее большинство этих «офицеров» были самозванцами, офицерами без образования, без военной подготовки, без практики, без войска, без совести. Эти малообразованные горе-офицеры и полагали, что раз у них на плечах сверкают погоны, они будут пользоваться определенными льготами.

Как-то, когда по какому-то поводу собрались в одно место все мужчины, я решил испытать себя и попробовал определить, кто из них какой национальности. Я, не торопясь, прошел с одного конца собравшихся в другой и кроме различия языков, никаких внешних отличительных черт не нашел. Как мы были похожи тогда друг на друга! Мы ходили друг на друга и внешним видом, и печальным обли-

ком, и тяжелым состоянием души, и думами перед неизвестностью.

Опершись спиной о ствол ели, одиноко стоявшей над обрывом, я стал созерцать поляну, на которой мы обосновались. словно Большая Медведица на ночном небосклоне, на ней были разбросаны группы беженцев почти в том же порядке как мы жили на Кавказе. Сами группы тоже разделены на подгруппы уже по семейным, родственным или дружеским связям. Их повозки поставлены друг около друга полукольцом, ограждая как-бы семейный двор. Около повозок снуют женщины в разноцветных платках и передают друг другу новости, услышанные невесть от кого. Несомненно одно: у них новостей значительно больше, чем у мужчин. Среди них есть и такие, которые стремятся рассекретить чьи-то тайны или спрятать своих мужей от стороннего глаза. Здесь есть и дети, которым все нипочем. Они, как и дети во всем мире, везде находят забаву, если сыты, конечно. Они не знают ни вражды, ни мести, они лишены житейских забот, сплетни и дразги им не знакомы. Они живут сегодняшним днем, сиюминутным счастьем. Бог пощадил их, избавив от забот о завтрашнем дне. И вознаградил нас, дав возможность радоваться их рождению, воспитывать и растить их, слышать их детские голоса, радоваться их радости, наслаждаться их смехом. Да, среди нас, блудных сынов, лавры счастья принадлежат детям. Как я завидую им!

Глава третья

Военный парламентар

Вновь появилась в нашем лагере агитмашина и из репродуктора послышались слова: «Внимание, внимание!» Я посмотрел на дорогу. Там стояли двое военных, повернувшись в нашу сторону. К ним

вплотную подъехала танкетка и остановилась у обочины. Тут же появились еще две машины. Из переднего «Джипа» вышли три англичанина и один итальянец в гражданской тирольской форме. Из второго «Джипа» вышли три немца в военной форме. Одного из них я узнал сразу: то был гауптман Тайрер.

Этот Тайрер в 1943 году встречался с кавказскими беженцами на Украине как представитель немецкого командования. С тех пор он был закреплен за нами и всегда следовал с нами. И все мы знали его хорошо. Он исполнял для нас роль крепкого кнута третьего рейха. Если сказать правду, он был и не так жесток, как требовалось в его роли, но все равно он был представителем диктатора. В народе говорят: «Не будь женой дурака, но, если стала — терпи». Вот и он стал рабом тирана и терпел. С диктаторством, тиранством мы познакомились у себя на Родине и знаем как себя вести. Попробуй не подчинись приказам!

Один из англичан вышел вперед. Видно было, что он и по возрасту и по званию является старшим. Он внимательно посмотрел на собравшихся беженцев и подозвал к себе одного из сопровождавших, начал говорить по-английски:

— Вы уже знаете, что война в Европе закончилась, но яд войны не нейтрализован, раны, полученные в ней заживут не скоро. Они, эти раны, очень тяжелы. И вам, видимо, не легко будет жить на чужбине.

Стоявший рядом англичанин перевел его слова на русский язык.

Затем выступавший подозвал гауптмана Тайрера, и предложил выступить «с прощальным словом». Тайрер подошел и стал рядом с англичанином. Его обычно веселые глаза, смотревшие из-за роговых очков, были печальными. Он сделал шаг вперед:

— Дорогие северокавказцы! — обратился он к

нам по немецки. Тот же переводчик, который переводил с английского, начал переводить и с немецкого.

Голос Тайрера звучал не так бодро и звонко, как прежде, он продолжал:

— Война закончилась. Германия капитулировала перед четырьмя союзными державами. Адмирал Дениц подписал акт о капитуляции от имени Германского правительства. Все мы, каждый на своем месте, должны подчиниться этому акту. Беженцы и переселенцы тоже. Поскольку мы находимся на территории, занятой 8-ой армией английских войск, которыми командует фельдмаршал Александер, мы должны подчиняться приказам командования этой армии.

Вы являетесь беженцами от коммунизма. Среди вас находятся и те, кто бежал на Запад во время 1-ой мировой войны. Есть среди вас и бежавшие из немецкого плена. Английское командование хорошо знает, что вы являетесь политическими бежанцами. В течении двух лет мы жили и работали вместе. Видели мы с вами и плохое и, возможно, хорошее. Шла война. Вы простите меня. Сколько было в моих силах я старался защитить вас и помочь вам. Многому хорошему научился я у вас. Память о вас навсегда сохранится в моем сердце. Ваши обычаи, ваш этикет заслуживают глубокого уважения и почитания. Пусть Бог хранит всех вас! Не поминайте лихом. До свидания! — Он снял фуражку, прижал ее к груди и низко поклонился нам.

В ответ с разных мест послышались слова благодарности.

В заключении выступил английский офицер:

— Мой штаб находится в Обердраубурге. Штаб, который будет обслуживать вас непосредственно, размещен в доме, расположенном рядом с Гастхаузем. Все вопросы, касающиеся вас, будут решаться там. — Вытянув руку, он указал на упомянутый дом. Попрацавшись с нами, он вместе с сопровож-

давшими его лицами сел в свой «Джип» и уехал в направлении Лиенза. Немецкие офицеры, сопровождаемые танкеткой, поехали вслед за англичанами...

Глава четвертая

А мы?

Мы вернулись на свои стоянки, встревоженные и задумчивые. Здесь все разделились по группкам (старшие отдельно от младших) и начали обсуждать происшедшее. Это событие каждый старался истолковать по-своему, но к четкому ответу и ясному выводу никто не приходил. Были среди нас и оптимисты и пессимисты. Многие боялись гладить проблему против шерсти. Но все были единодушны в одном — надеяться на что-то хорошее пока рановато.

Не было спокойно и в моей душе. Надеясь несколько рассеяться и успокоиться, я направился к реке Драу. Я сел на валун у самой воды. Река текла спокойно, почти незаметно. Движение воды выдавали лишь волны, менявшие свой облик ежесекундно. Свежий ветерок, образуемый движением и прохладой реки, ласкал мое лицо, успокаивал нервы и через каких-то десять минут я почувствовал свежесть во всем своем изнуренном организме. Но это успокоение покинуло меня также быстро, как оно пришло. События последних двух часов стиснули мою голову стальным обручем. Меня беспокоило главным образом заявление англичанина, который однозначно сказал: «...ваш длинный путь завершился». Эти слова были сказаны в строгом тоне. Неужели все закончилось на этой поляне? Неужели он знает что-то определенное, решенное кем-то, но объявленное нам? Или он просто пугает нас? Эти мысли никак не хотели освободить мою голову. «Нет, он ошибается», — ответил я на собственные

же вопросы. Может быть он имел в виду первую фазу нашего пути. Мог ли он знать или хотя бы догадываться, что нам предстояло проделать почти нескончаемый и по своей тяжести значительно превосходящий, чем даже при фашизме, путь? В одном он безусловно был прав: здесь нам предстояло расстаться со своими верными помощниками, горячо любимыми конями. Какой титанический подвиг совершили эти умные и преданные животные! Как бы добрались мы до этих дальних мест без их бескорыстной помощи и почти человеческой верности. Кавказцы всегда, во все века высоко ценили коня и оружие, как свою душу и тело. Но до этого путешествия, пока все не увидел своими глазами, я к этим высокопарным словам относился скептически. А жаль, что я был так слеп!

Я думал много, но никак не мог убедить себя в том, что наш путь завершился именно здесь. Я сердцем чувствовал, что это далеко не конец наших мытарств. Я сопоставлял аргументы «за» и «против» и приходил к вполне логическому выводу: нам предстоит еще долгий мучительный путь. Но куда? Вот этого я не знал и знать не мог. В момент, когда я, находясь во власти своих мыслей, размышлял на эту тему, я услышал чей-то голос. Совсем рядом. Я оглянулся. И увидел своих друзей, устроившихся под сенью немолодой развесистой ивы.

Я встал, подошел к ним и, поприветствовав их кивком головы, сел рядом.

— Ей богу, вы вправе не соглашаться со мной, — сказал один из сидевших, — но я считаю — немцы мужественный народ, не смотря на поражение. Видели вы как Тайрер вел себя: говорил спокойно, справедливо и мужественно.

Но его тут же перебил другой:

— Бог рассчитался с ними сполна. Он ответил им теми же жестокостями и мучениями, которые они причинили другим. Может бог накажет их и с некоторым перебором. Тебе следовало бы сперва вспом-

нить все то зло, которое они причинили миру, а потом подумать, стоит ли восторгаться их мужеством. Где твой народ и где ты сам? Сейчас у нас нет пристанища ни здесь, ни там на Родине. Кто может быть несчастнее человека, лишенного Родины? Человек без Родины... Это страшно. Надо думать прежде, чем говорить. Да, немцы побеждены, но они остались жить на своей земле. И будут жить в своих домах, в своих селах и городах, пить свою воду, дышать своим воздухом. А мы?

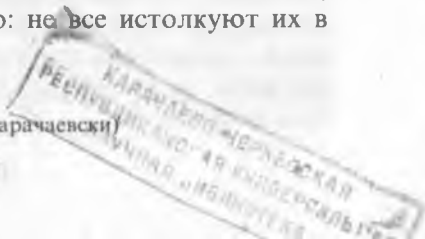
Никто его не перебивал и после такого прямого искреннего вопроса воцарилось молчание. Я внимательно слушал и с нетерпением ожидал выступления очередного «философа» и он не заставил меня долго ждать.

— Все, что ты сказал, мой брат, чистейшая правда, — сказал он. — Разве не по их вине мы вынуждены скитаться по миру? Нам надо глубоко осмыслить и разобраться в том, кто виноват и кто прав, почему мы оказались в таком позорном положении. Причин здесь не мало. И каждой из них надо заняться отдельно. Поскольку это требует значительного времени, я не вижу смысла продолжать сейчас этот разговор.

Взвешенные и справедливые слова этого человека расставили все суждения по своим местам. Он говорил спокойно, уверенно и убедительно. Его слова тронули меня за живое и я увидел в нем своего единомышленника. Мне стало стыдно, что этого человека я не знал и не замечал до сих пор. С трудом дождавшись конца его монолога, я поднял руку, как школьник, и попросил разрешения высказаться. Мне захотелось излить свою душу. Все повернули головы в мою сторону.

— Алан¹, как ты справедлив и точен в своих суждениях! Я согласен со всеми твоими доводами, меня беспокоит лишь одно: не все истолкуют их в нужном смысле.

¹ Алан — товарищ, друг (по-карачевски)

Не успел я высказать и половину того, что задумал, как меня перебил один из молчаливо сидевших:

— Аланла! О чем вы мелете здесь? Кому нужна бурка после дождя? Все произошло, все в прошлом. А прошлое вспять не вернешь. Надо говорить о том, что нам следует делать дальше. Искать выход. И есть ли он вообще? Об этом надо говорить открыто, не таясь. Есть ли среди нас человек, который мог бы предсказать наше будущее? Сказать нам, что нас ждет? Разве кто-нибудь нам сказал: «Приветствуем вас, дорогие кавказцы, вас, кто бежал от коммунистов! Ваш поступок достоин восхищения!» Никто этого нам не говорил. Заметил ли кто из вас как был холоден этот англичанин, как во время своего выступления, так и во время выступления Тайрера. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

Его перебил кто-то из сидящих позади:

— Как бы ты ни старался, как бы громко не кричал, ты от воли Аллаха никуда не денешься. Кто из вас знал, что наше путешествие закончится здесь? Никто. И то, что произойдет дальше тоже никто не отважится предсказать. Потому что не знает. Все мы ходим под Аллахом!

— Дорогой друг! Если ты не умеешь плавать, не суйся в реку Драу. Как-бы ни любил тебя Аллах, он тебе не поможет. — Говоря это, он вытянул руку в сторону Драу. — Утонешь и не просто погибнешь, а станешь пищей для хищных рыб.

— Ребята! — обратился к нам один, из молчавших до сих пор, вставая с места. — У всех нас есть более важные сиюминутные заботы. Надо накормить и напоить лошадей. Давайте расходиться. Спокойной ночи всем вам! — Помахав нам рукой, он пошел в сторону стоянки. Все остальные последовали его примеру. Только двое задержались на месте, продолжая спорить, может-ли Аллах помочь человеку, не умеющему плавать, преодолеть глубокую реку или нет.

Глава пятая

Это радость для всего мира

После этого стихийного собрания я вернулся в свой «двор», который представлял собой клочок земли, огороженный четырьмя повозками, своего рода очаг, вокруг которого были теперь сосредоточены дела и мысли моих близких и не очень близких родственников. Каждый был занят своим делом, мать готовила ужин. Зная ее любознательность, я был уверен, что она уже успела разузнать некоторые подробности из жизни родственников, с которыми нам суждено было встретиться именно здесь: как они жили, чем занимались, в каких местах побывали до нашей встречи. Я знал то, что сведения, полученные мамой, могли быть и правдивыми, и полуправдивыми и вымышленными. Одна лишь встреча с глазами матери убедила меня, что услышанным, узнаанным она не очень довольна. И она меня считает и взрослым, и на редкость проникательным.

— Что нового? Твои сверстники давно уже на месте. Где ты пропадаешь? Сейчас, когда «собака не узнает своего хозяина», когда все перевернуто вверх дном, ты должен быть осторожным и не причинять мне боль! Приходил один парень и спрашивал тебя. Я предложила ему подождать, но он отказался. Сказал, что он осетин и обещал придти в другой раз. Кажется, он назвал себя Терком или вроде этого. Да, точно, он назвал себя именно так и сказал, что, если ты услышишь его имя, вспомнишь кто он такой, — сказала мать уже более спокойным тоном.

— Интересно, и Терк попал сюда! Мама, как же так, почему ты отпустила его?

— Я упрасивала его, как могла. Сказала, что пошлю за тобой кого-нибудь из ребят, но он, ссылаясь на то, что его ждут товарищи, ушел, не задерживаясь.

Я чувствовал, что у мамы есть еще какой-то ко мне вопрос и стал ждать. Интуиция меня не обманула и она спросила:

— Я хотела тебя спросить, о чем говорили на сходе наши новые хозяева, но ждала, думая, что ты сам расскажешь...

Я постарался показаться веселым и беззаботным и с улыбкой ответил:

— Сказали, что Германия проиграла войну и катипулировала перед четырьмя союзными державами т.е. перед Соединенными Штатами Америки, Великобританией, Францией и Россией. Что, хотя война в Европе закончилась, причиненные ею раны будут заживать еще очень долго. Предупредили, чтобы мы соблюдали дисциплину и порядок. Вот и все. Ничего нового, чего ты не знаешь, я от них не услышал.

— Но твои глаза говорят о том, что особым почетом и уважением они вас не наградили. Улыбка твоих глаз фальшива, — сказала мать. — Но ничего. Аллах, который помог нам добраться сюда целыми и невредимыми, придумает еще что-нибудь. Не горюй. Будем молиться, чтобы он и впредь был милостив к нам!

— Ты права, Гулистан, — сказал человек, который перекладывал поленья в костре. — Не даром говорят, что не увидев того, что ему суждено, человек не уходит в могилу. И мы увидим, что нам суждено. — Высказав эту школьную истину, он встал и пошел к своему фургону.

Я искал слова, чтобы успокоить мать, но она выпрямилась, приняв какой-то значительный вид и сказала:

— Ты слышишь? Там играют на гармошке, танцуют и поют.

Действительно недалеко от нас кто-то запевал, кто-то подпевал и поддерживал. Дальше играли на гармошке с трещетками. Короче говоря, какая-то компания веселилась от души.

— Конец войны — большая радость. Это празд-

ник всего мира. И для всех, кто победил, и для тех, кто потерпел поражение. Поздно или рано правый побеждает. Не только век, но даже день и даже час без войны и кровопролития — это уже праздник. Те, кто рассуждает: «После моей смерти пусть хоть потоп» подобен голодному зверю. Так рассуждают не люди, — сказала мама торжественно.

— Ты совершенно права, дорогая Гулистан, — включился в разговор сосед. — Даже минута мира спасет сотни, если не тысячи жизней от гибели. Нет большей радости и другу и врагу, чем мир. Особенно для тех, кто мир встречает у себя дома, на своей родной земле. На сегодняшний день мы самые несчастные. Судьба забросила нас на чужбину. И язык, и религия, и обычаи, и образ жизни этого народа нам не понятны и почти чужды, — сказал он и тяжело вздохнул.

Видя, что бесполезный разговор может длиться еще долго и, решив его прекратить, я сказал:

— Я заметил местечко, где много травы. Иду ночным табунщиком. Давайте мне своих лошадей. А сами отдыхайте, уже поздно. — Я отвязал уздечки своих лошадей и подождал, пока это сделают другие.

Глава шестая

Что вы решили о нас?

Я пас лошадей под лунным светом. Трава была высокая и сочная, животные рвали ее с хрустом и жевали с аппетитом. Время от времени они поднимали головы, поглядывая на меня. Некоторые из них ржали, приглашая собратьев на вкусную трапезу. Недалеко пасли лошадей соседи, держа их за недоуздки. Конечно, можно было бы опутать лошадей на четыре ноги, лечь и отдохнуть, как и другие, но я никогда не делал этого: не люблю ограничи-

вать движения благородных животных. Это подобно тому, как держать человека в кандалах. Мне думается, что нет в мире народа, который так заботливо, нежно, с любовью относился бы к домашним животным, чем мы, кавказцы. Испокон веков кавказские горцы были не просто пастухами, чабанами или табунщиками, но одновременно они были и настоящими ветеринарами. О, если бы они занимались политикой также скурпулезно, как животноводством, видимо, наша жизнь была бы устроена другим образом. Для каждого кавказца незыблем закон: накорми и напои животных и только тогда подумай о себе. Но лошадь — особая статья! Это наши верные друзья, тащившие нас на себе от Кавказа до Альп без жалобы и упрёка. Ничто на свете не заменит Кавказу настоящего коня!

Кони ржут, фыркают, соединяют морды и знакомятся друг с другом, разговаривают. Эх, как бы хотелось знать, о чем они говорят. Кажется они догадываются о моих мыслях...

К полуночи лошади насытились. Одни стоя, другие лежа, предались ночному покою.

Мы, ночные табунщики, видя, что кони сыты и отдыхают, собрались под кроной развесистой ивы.

Все знают, что ночью звуки слышнее, чем днем. Этим и объясняется то, что, находясь на значительном расстоянии, мы ясно слышим игру на гармошке, голоса поющих, как-будто все это происходит совсем рядом.

Жизнь устроена так: одни веселятся, другие грустят, переживают, оплакивают кого-то. Вот тут рядом люди веселятся, поют, танцуют — им не о чем особо тревожиться. Но есть среди нас, в нашем лагере, я знаю, и такие, которые лежат в своих фургонах или палатках и не могут сомкнуть глаз. Все люди разные и поступками, и характерами, и судьбами. А разве народы одинаковы? И народы разные — одни сумели устроить свою жизнь, а другие влачат жалкое существование.

— Хорошо, что люди поют. Плачут только слабые и беспомощные, — сказал один из табунщиков.

«Со дня рождения ты плачешь и плачешь. А чего ты добился? — спросил как-то карачаевец одного нытика, тоже карачаевца. «Ничего», — ответил тот. «Тогда попробуй спеть что-нибудь». Тот начал петь и дела его пошли в гору. Создал он крепкую, дружную семью, жил в достатке и с благодарностью вспоминал своего советчика. Говорят, слезами горю не поможешь и милости не выпросишь у врага. Конечно, есть, были и будут обстоятельства, когда слезы являются естественной необходимостью. Тогда слеза выступает твоим другом и помогает легче перенести горе...

В разговор вмешался другой табунщик:

— Друзья мои. Война кончилась. Настало мирное время. И те, кто победил, и те, кто потерпел поражение, я имею в виду тех, кто уцелел и остался в живых, возвращаются домой. Так ведь? Кроме тех, конечно, кто совершил преступление. С нами случится, видимо, тоже самое: грешных выдернут, а остальным скажут убирайтесь к себе домой. Но где теперь наш дом, наш Карачай? Известно, что наш народ депортирован под корень и разбросан по степям Средней Азии и Казахстана. Нет уже нашего Карачая и нет уже нашего народа. Куда нам ехать? Кто нас ждет? Кто там живет сейчас на наших землях, в наших домах? Почему? Почему так случилось? Что послужило причиной такому неслыханному акту, такому жестокому опустошению? Откуда все это, о, Аллах! Как теперь решится наша судьба?!

Это были вопросы прямые, горькие и беспощадные. Это были вопросы, выжимавшие слезы из глаз, наносившие сердцу глубокие раны.

— А куда денутся наши балкарские братья, чечено-ингушские друзья? Куда? К кому они поедут? Какие земли займут и где? Это такие же бездомные, безродные несчастные, как и мы! Где теперь моя

семья? Допустим нам скажут: «Поезжай, дорогой, домой, ты уже свободен», — Куда прикажешь теперь ехать? По какому адресу? Если кто-то и остался жив, где ты его найдешь? Дорогие наши семьи! Бесценный наш беззащитный народ! Где вас искать? Какое горе, какое горе, боже мой! Может не будем думать об этом? Может так будет лучше и легче? Кто-нибудь ответьте мне! Утешьте мою душу!

Те кавказцы, чьи народы не были депортированы — кабардинцы, адыгейцы, осетины, дагестанцы — были счастливее нас. Поздно или рано они вернутся к себе на родину, войдут в свои дома, увидят родных и близких, будут делить горе и радость вместе со своими народами.

А мы?

Этими бесконечными, беспощадными и тяжелыми вопросами он атаковал нас, обстреливал, как из пулемета и мы, понутив головы, молчали, не зная что ему ответить.

— Э-э, дорогой брат, разве мы не задаем себе эти же вопросы? Разве мы не такие же сыновья своего народа, как и ты? Может ты полагаешь, что наши семьи избавлены от этого несчастья и благоденствуют? Нет! Горе постигло нас всех без разбора и у всех нас одна тревога, одни и те же вопросы. Но кто ответит на них? Никто. Мы вдали от родины и находимся в неведении. Ясно лишь одно: наш народ оклеветан и это нужно кому-то. Очень. Не нужно завидовать тем, чьи народы не тронула депортация. Им тоже нелегко. Ведь система у нас была и есть такая, при которой никто не дышал свободно. Сколько безвинных людей унесли тридцать седьмой, тридцать восьмой годы, в том числе наших братьев и отцов! Сколько людей фальшивили, наговаривали, продавали ближнего. И идеология была фальшивой. Помните так утверждали: «красноармеец, командир не сдаются в плен. Последний патрон, последняя пуля принадлежит им». А что получилось на деле. То, что обычно бывает на войне. Война без

пленных не бывает. Скажите честно, кто из нас попал в плен по своей воле? Да никто. А вопросы будут: «почему оказался в плену? Почему остался жив? Почему не застрелился? Работал ли ты на врага? Служил ли ты в его войсках?» Да, друзья мои, будут вопросы, тяжелые, беспощадные, справедливые и несправедливые. Вот такие-то дела... Никого не пощадила эта проклятая война. Возможно, даже тех, кто будет задавать нам эти вопросы...

Он замолчал, опустив голову. Видимо устал. Устал не физически, а душевно.

— Но почему такая несправедливость к пленным в нашей стране? Не к единицам, десяткам, а к миллионам? Даже сын Сталина Яков Джугашвили попал в плен! А как и генералы и комиссары оказались в плену? Жить всем хочется, жизнь слаще всего. Самые несчастные отвергнутые люди — это русские пленные. Это оттого, что «товарищ» Сталин сказал: «У меня пленных нет». Все пользуются помощью Красного Креста, кроме русских пленных. Бедные народы России, никто из народов мира так не обезличен и не обездолен, как мы, — заключил он свой диалог.

— Будет и так: если, допустим, человек попал в плен, оказался в концлагере, где гибнут люди, как мухи, и, чтобы выжить и потом бежать, он пошел служить в РОА или в один из легионов, то с ним будут говорить так: «Ты, сволочь, служил немцам и с оружием выступил против СССР. И когда НКВД-ист посмотрит на тебя колючими глазами и начнет допрашивать, мурашки побегут по спине. Тогда проклянешь свое рождение на свет и поймешь, что с каждым днем палка будет бить по тебе все сильнее и сильнее и что завершишь ты свой бесславный путь в Сибири, коченея от холода и мучаясь от голода. И это не год и не два, а целых двадцать пять лет! О, страшный век! Ты превратил мир в огонь и золу.

— Все это правда и требует размышления, — сказал следующий оратор. — Но хочу заметить, что

разразилась невиданная доселе в истории человечества грандиозная война, охватившая весь мир. Миллионы людей попали в плен. Мы сами были среди них и видели и позор, и издевательства, и стыд за свое положение, и униженность и голод, когда люди поедали друг друга. Жизнь сладка. Любому герою, любому патриоту не легко идти на смерть. А рядовым смертным, абсолютному большинству пленных, тем более. Мы были в их числе, решили спасти свою жизнь, чтобы любой ценой вернуться к своим, на Родину. А для этого нам пришлось пройти не очень почетный и быть может не самый лучший путь. Да, чтобы вырваться из когтей неминуемой смерти, мы были вынуждены исполнять их приказы, работать на них. Никто из нас ни на службу, ни на работу добровольно не ходил. Выходя из концлагерей, никто из нас не мог знать в какую ситуацию он попадет. Разве человек, истощенный голодом, способен рассуждать? Там, в лагере, я столько раз думал о семье и, странное дело, забыл как звали мать. Родную мать, понимаете, и не мог вспомнить несколько дней. Говорю это к тому, что сперва нас превратили в животных, у которых в голове, кроме мечты о пище, никакой мысли не остается, чтобы потом гнать нас, куда угодно и делать с нами, что угодно. Лишь тот не мог пойти в услужение немцам, кто понимал, куда его толкают. И мы бы не пошли, если бы знали...

Я слышал, что в плен к немцам попало около трех миллионов советских военнослужащих. Конечно, большинство из них погибло. Да, погибло очень много, ведь все это мы видели своими глазами. И остались в живых, очевидно, только те, кто пошел в РОА, или в легионы, как мы. И хочу понять, кто из нас остался в выигрыше: те, что умерли, не выходя из лагеря, или те, кто невольно навел на себя тень изменника и отсидит в Соловках или в Сибирской тайге двадцать пять лет, испытывая презрение людей, оскорбления конвойных. Где лютый холод, не-

посильный труд и постоянный голод. И кто выживет такой срок и вернется к своей семье? И какой семье нужен будет калека по существу?

— О чем тут говорить, когда все яснее ясного. Если у того Сталина, которого мы хорошо знали, усы по-прежнему на месте, — сказал один крепыш показывая на свои черные усы, — то ни о чем не стоит беспокоиться. Он мужик совсем не глупый и сделает все возможное и невозможное, чтобы заманить к себе не признанных им же военнопленных. А дальше все просто. Всемогущий диктатор, «мудрейший из мудрых, отец всех народов» отправит нас по выбору: кого в Сибирь, кого на тот свет. Это уже его воля. Что такое ему одиночки, если он сумел расправиться с целыми народами? Вам же все это хорошо знакомо...

Я считаю, что все неверные поступки пленных — заслуга Сталина: он еще в начале войны заявил, что у него нет пленных, и те, о которых говорит весь мир, не его люди. В итоге общество Красный Крест, не оказывало им помощи и они гибли. Гибли от холода, гибли в газовых камерах, в крематориях. Сталин знал об этом, но молчал. Молчал, чтобы дать возможность уничтожить советских людей. По существу он действовал заодно с Гитлером. Пусть не осознанно, но это так! Вот вся правда о плене и пленных.

Мы выжили. Мы должны быть благодарны судьбе и Аллаху, что живем до сих пор. Мы должны жить и дальше, а для этого надо бороться. О нашем возвращении на родину сейчас и речи быть не может. По крайней мере пока жив диктатор. Если он сумел расправиться с нашими народами, то с нами расправится и подавно. Все решится быстро. Куда же нам деться, спросите вы. Мир не так тесен, как полагает диктатор. Найдется и для нас место. Мы скитались везде, жизнь научила нас многому и мы найдем в себе мужество жить и трудиться и на чужбине. Мы должны быть бдительны, чтобы знать, кто нам желает блага, а кто нет. Только борьба и

труд позволят жить нам свободно. Развязка нашей судьбы не за горами. Скоро мы узнаем, что англичане скрывают от нас. Да будет милостлив к нам всегомущий Аллах.

Глава седьмая

Совсем не верю

Мы опять собрались вместе. В основном здесь была молодежь двадцати-двадцати пяти лет, и несколько человек старше тридцати. Среди нас оказался совсем молодой паренек, у которого только недавно стали пробиваться усы и борода. До сих пор на него никто не обращал внимания. Внешность выдавала в нем кавказца. Держался он скромно, даже застенчиво. Впоследствии выяснилось, что он был свидетелем всего нашего разговора. Видимо, у него накопились вопросы и он робко выступил вперед и попросил разрешения задать вопрос.

Получив согласие, он начал неокрепшим еще тоненьким мальчишечьим голосом:

— Если все это, что вы сказали давеча, правда, то, как я понял, для нас жизнь закончена. Никто из вас не сказал, что есть выход из этого положения. И не указал на него. Вы меня извините, но я хочу спросить. К кому бы я не обращался с этим вопросом, получал разные ответы. Может я их не понимаю... не знаю. А спросить хочу вот о чем: говорят, что карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей выселили из Кавказа. Всех. Всех под корень. Как это так? Я не верю. Почему? Да потому, что не могли ведь выслать целые народы. Я допускаю наказание виновных. Это законно, хотя у вины тоже есть причинные корни. Но чтобы наказывали безвинных, этого я не могу представить себе. Это пахнет ложью.

Его перебил один из взрослых:

— Ты, очевидно, слышал слова усатого: «Сын за

отца не отвечает». Но, дорогой мой братишка, диктатор поступает так, как он считает нужным. Его законы в его карманах. Давай продолжай, мы тебя слушаем.

— Четверо моих старших братьев, отец и я, т.е. шестеро из одной семьи, добровольно пошли на фронт, чтобы защитить Родину от фашистов. Дрались, не щадя жизни. Я еще не был призван, когда нам принесли похоронки на отца и моего старшего брата. Как я сказал, из нашей семьи шестеро (а всего нас было восемь человек) воевали против фашистов. Дома оставались только старая мать и моя младшая сестренка. И я никак не верю, чтобы их выселили. Как это могло быть? С какой совестью могли они выслать женщину, которая послала на фронт своего мужа и сыновей? Как можно верить в такое? Где же тогда справедливость? Неужели такое могли позволить себе руководители двухсот миллионного советского народа? Мужчин на фронт, а женщин за решетку — что за чудовищный закон? Как же так, сыновья проливают кровь, отдают жизни на фронтах, а родителей, главным образом матерей, детей, стариков выселяют как преступников? Сегодня мне один человек сказал, что народ депортирован из-за тех, кто бежал из Карачая вместе с семьями. Когда я встретился с этими беженцами из Карачая, очень обрадовался, полагая, что воссоединился с близкими мне людьми, с сестрами и братьями. Теперь же я их просто ненавижу. Если действительно выселение произошло из-за них, наверное, и вы чувствуете к ним неприязнь? О, мама родная, сестренка дорогая! Если я не найду вас, не стану жить. Для чего тогда мне жизнь? — Слова молодого человека нас сильно взволновали.

— Дорогой наш брат, — обратился к нему один из сидевших рядом, — мы глубоко опечалены твоим сообщением. Ты ищешь правды и справедливости, возмущаешься вполне законно. Но эти гуманные и справедливые понятия мало кто соблюдал. Всюду господствовали насилие и ложь.

Перед началом войны коммунисты и фашисты были друзьями, обнимались и целовались. Ездили друг к другу в гости, фотографировались вместе. А что в итоге? Началась взаимная резня и чем кончилось мы сами увидели воочию. Коммунисты обвиняли фашистов, а фашисты — коммунистов. И каждый из них считал себя правым. Но в наше время прав тот, кто сильнее. Всегда было так. В одной из своих басен Крылов сказал: «У сильного всегда бессильный виноват». Ты еще молод, чтобы понять все перипетии жизни. Никто в мире не одобрит действия тирана Сталина, выгнавшего из родного дома и выславшего твою мать и сестренку, когда ты, твой отец, твои братья бросались в атаку с его именем на устах, проливали кровь и отдавали жизнь. Но кому сейчас пожалуешься. Ты сам как пленный — вне советского закона. А народы России не заступятся за твою мать и сестренку, за тысячи таких же, как они, потому что они сами бесправны. Правды не было никогда. После свержения царя, всех или почти всех, кто служил ему, уничтожили. А кого уничтожил Сталин в двадцать девятом-тридцатом году как кулаков и в тридцать седьмом-восьмом годах как троцкистов и врагов народа? Родителей и близких тех беженцев из Карачая, которых ты перестал уважать! Зная, что после войны начнутся новые репрессии, они бежали, чтобы сохранить хотя бы себя. Всякое действие вызывает противодействие. Так что зря ты обижаешься на них, мягко говоря. Причина выселения кроется совсем в другом. Ты обрати внимание кого выселяли: карачаевцев, балкарцев, чеченцев, ингушей. Эти народы занимали самые красивые курортно-туристические места Северного Кавказа. Теперь подумай, с кем граничили территории этих народов. С Грузией. Берия и Сталин вместе с ним вынашивали далеко идущие планы: расширить границы этой республики и вывести их на Северный Кавказ. Вот истинная причина трагедии наших народов, а не кучка людей,

бежавших с Кавказа. Думаю, что теперь ты изменишь свое отношение к подавляющему большинству этих людей, исключая, конечно, тех, кто верой и правдой служил Гитлеру.

Раз уж начал, то расскажу тебе вот еще о чем: массовое изгнание людей с обжитых родных мест происходило у нас в стране и при царизме. Так, в середине XIX века было изгнано с Северного Кавказа полтора миллиона человек. К концу века столько же. Разница была только в том, что не было случая, чтобы были выселены целые народы. Белая Россия до этого не додумалась, а вот красная коммунистическая Россия смогла. И это было сделано спустя десять месяцев после изгнания немцев с Северного Кавказа, когда немцев гнали отовсюду и советские войска вышли к Днепру и стало ясно, что война Германией уже проиграна. Это о чем-то говорит?

Другой пример. Ты тогда был ребенком и не можешь помнить, но возможно слышал, когда подрос, о событиях 1935 года. А я их видел собственными глазами, будучи взрослым. Так вот тогда никакой войны ни с кем не было. Не было и угрозы ни с какой стороны. Тогда шла кампания по выселению так называемых «кулаков — кровопийц». Выселяли всех, кто имел пару быков, корову, лошадь и десяток овец. Всю семью — детей, женщин, стариков. В голодные стены Узбекистана и в болота Калмыкии. Мало кто выживал из этих несчастных.

Все это имеет известное название — геноцид — уничтожение отдельных групп населения или целых народов по национальному или религиозному признакам. Это самая настоящая фашистская идеология. У нас в стране она применялась по отношению одних слоев населения или целых народов, чтобы напугать остальных и держать в рабском повиновении...

Короче говоря, дело здесь в самой системе и диктаторстве. Пример твоей семьи — свидетельство

тому, что при такой системе и при диктаторском правлении народом ничего святого не может быть. Узурпатору было наплевать, что все шестеро мужчин вашей семьи проливают кровь на фронтах. Ему надо было и он без зазрения совести изгнал твою мать и сестренку и десятки тысяч таких же семей.

Растоптана их честь и отнята родина. И помни, дорогой мой братец, из всех существующих несчастий на земле самым тяжким является потеря Родины...

Глава восьмая

Если ты мужчина, будь только таким

Человек, который хотел поговорить с нами, был одет в темно-синий хорошо отутюженный европейский костюм, обувь на ногах была модельная, был он чисто выбрит и тщательно причесан, напоминая собой итальянского аристократа. Лет ему было не более тридцати, но выглядел он старше. У него было истинно кавказское лицо. Во всем его облике чувствовалась культура и порядочность. Свою речь он начал приятной улыбкой, настраивая нас на доброжелательный разговор:

— Каждый, кто родился на свет, должен пользоваться правом на свободную счастливую жизнь, — сказал он. — Иначе бог не создал бы его. И во всем мире, во всех странах говорят об этом. Но в действительности это не так. Вы сами видели, что мы за свою короткую жизнь испытали на собственной шкуре. А что нас ждет впереди, кроме Аллаха, никто не знает. Мы в своем большинстве уже знакомы друг с другом. Знакомство надо продолжать и вы увидите, что мы связаны одной судьбой. Мы прошли горнило войны и многих своих близких оставили на полях сражений. А чего достигли? Никто не оценил наш подвиг. Мы отстаивали свободу

нашей Родины и в знак «благодарности» наших отцов, матерей, наших братьев и сестер — поголовно всех изгнали с их собственной родины. А что мы сами испытали в фашистском плену? Какую только гадость мы не ели и не пили вплоть до собачьей мочи? Скольких из нас обглодали бродячие собаки? Кто из нас пошел служить немцам по своей воле? Да никто. Мы Родине не изменяли никогда. Это скорее всего сделал сам Сталин, бросив нас, пленных, на произвол судьбы. Перед войной я пять лет провел в Сибири, где меня «обучали» рубке леса, рытью каналов, строительству дорог. Там я увидел сколько стоит человек для сталиных. Там я увидел, как пухнут и умирают люди от недоедания. Там творилось то же самое, что в концентрационных лагерях фашизма. До сих пор мы все прошли одинаковый адский путь. Дальше наши судьбы сложатся по-разному. Я, как старший среди вас, прошу о следующем: где бы вы не находились, берегите родной язык, не вмешивайтесь в проблемы, которые не касаются вас. Будьте правдивыми и порядочными. К сожалению, среди нас были и такие, которые ради спасения собственной шкуры, продавали и предавали других и это мы видели собственными глазами. Могут появиться провокаторы — не поддавайтесь. Будьте мужественны и никогда не падайте духом. Даже в самых безвыходных ситуациях. Только так, только таким путем вы можете отстоять свое право на свободную жизнь. Сейчас всем нам кажется мир тесен и нам отведена только эта поляна. Но это не так. Мир велик и нам найдется место в нем. Пока еще нас окружают черные тучи, но, даст Бог, они скоро рассеются. Будьте молодцами!

Не ожидая ни вопросов, ни ответного слова, он повернулся и пошел к себе на стоянку...

Луна уже заходила за гору, пряча от нас свое тусклое освещение. Сытые кони по-прежнему отдыхали. Нам тоже пора было расходиться. «Если ты

мужчина, то будь только таким», подумал я, глядя вслед удаляющемуся аристократу, как я назвал его про себя.

Глава девятая

Мать покраснела

Абсолютный покой сытых лошадей свидетельствует о том, что время перевалило за полночь. Предвещая скорый рассвет, на небосклоне слабо мерцают звездочки, словно потухающие костры.

Во многих стоянках еще горит огонь и хорошо слышны голоса людей. Видимо, тревожная обстановка взбудоражила их и они заняты обсуждением темы дня. Не нарушая покоя лошадей, я, ступая, тихо, направился к нашему стойбищу. И в нашем «дворе» горел огонь. На жерди, прикрепленной к колесу повозки и торчащей над костром, висел котел. Мать моя хлопотала у огня, готовя еду из того небольшого, чем мы располагали. Висевший над огнем котел кормил восемнадцать человек. Четверо мужчин сидели, устроившись у «очага», остальные спали кто в повозках, кто прямо на земле, подостлав под себя что-то из постельных принадлежностей.

Я подошел тихо, чтобы не разбудить людей, так же тихо поздоровался и устроился около своей матери.

— Ты что так задержался, сынок? Приходил один балкарец с товарищем и спрашивал тебя. Они посидели здесь значительное время и, не дождав-шись тебя, ушли, — сказала она мне шепотом.

— Мама, я не шатался без дела и очень многое успел сделать. Во-первых, я накормил лошадей австрийской травкой на берегу Драу. Во-вторых, участвовал в собрании ночных табунщиков и услышал там кое-какие интересные хапары. И, в третьих, по

пути сюда увидел множество костров. И еще больше таких же полуночников, как вы, — старался отшутиться я и спросил:

— Ты сказала о каком-то моем балкарском друге, приходившем сюда. У меня много друзей — балкарцев. Не помнишь, как его зовут?

— Да тот, о котором говорят, что он хороший человек. Но я его недолюбиваю: шутит он грубо, не считаясь, кто при этом присутствует — дети или взрослые. Помнишь, он рассказывал о парне, который не мог различить дыню от тыквы. Он говорил, что товарищ его прибыл недавно, видимо, разыскивает знакомых или друзей. Его товарищ выглядел довольно прилично. И одет был хорошо и годами, наверно, тебе ровесник. А твой друг пытался сделать мне замечание, сказав:

— Как же так, вы, такая умная женщина, могли отпустить от себя своего сына? Разве вы не знаете, что мы находимся на берегу большой реки Драу? Надо быть осторожными. Благодарение богу, что он подарил нам ясное ночное небо, полную луну и свет английских танкеток, а то ваш сын, увидев туман над рекой, мог бы принять его за перину своей бабушки и прыгнуть в нее. У него хватило настроения на шутку и мы от души посмеялись.

— Кто бы он ни был, если он сегодня вызвал улыбку на ваших устах, это безусловно хороший человек.

— Гулистан, — обратился к маме один из сидящих у огня мужчин. — В народе говорят: «Если ты снял у кого-то шапку, сторожи свою». Если кто-то вместо колесной смазки «одолжил» товарищу разжиженный битум, и вывел тем самым его повозку из строя, то и с шутками пострадавшего можно согласиться. С ним такую шутку сыграл твой сын и он об этом догадывается, но не знает точно. Пришел просто поразведать. Я знаю, что твой сын у них частый гость и, очевидно, Гулистан, вам суждено породниться с этим балкарцем. Ведь у него прелест-

ная дочь! — сказал он, глядя на меня с хитрецей в глазах и улыбнулся.

— Пусть бог благославит тебя и твои слова. Это моя мечта. Лишь бы прошло смутное время благополучно и нашлась девушка по его душе, — ответила мама и покраснела. Она была еще молода и ее смущала, очевидно, предстоящая новая роль — роль свекрови.

Собеседник мамы посмотрел на меня и искренне сказал:

— Пусть Аллах бережет твоё счастье. Ты уже взрослый, а рядом мать, которая лелеет тебя, как ребенка. — Потом он повернулся к маме и строго сказал: — Гулистан, хватит его баловать.

— Что делать, видно все матери таковы, — ответила мама. — Есть в народе поговорка: «Дума матери о ребенке, дума ребенка о вольном поле». Мать не замечает возраста детей. Дети ее всегда, в любом их возрасте, только лишь дети. Еще говорят: «Тот, кто вышел из нутра — вечная болезнь нутра». И твоя бедная мать, где бы не скиталась, думает только о тебе. И умирая думают матери только о детях. Бедные матери! — Мама нагнулась над котлом, специальным половником достала мясо. — Попробуй, пожалуйста, может уже сварилось.

Собеседник достал нож, отрезал кусок, бросил в рот, и смачно разжевывая, утвердительно кивнул.

— Снимите котел и поставьте под повозку. Уже рассветает, надо всем поспать хоть немного, — сказала мама и, подняв край тента, вошла в фургон.

Холодное черное небо начало уже светлеть с восточной стороны и звезды тускнели прямо на глазах. Потухал и наш очаг, остатки головешек дотлевая, гасли и покрывались серым пеплом. К нашему счастью дождя не было, каждый устраивался, как хотел. Большинство людей спали во дворе, предпочтя свежий весенний воздух. Я тоже лег во дворе, лег в постель, которую приготовила мне мама около фургона. Лег я на спину и устремил

свой взгляд в глубину светлеющего неба. К моему удивлению я обнаружил, что расположение звезд здесь такое же, как на Кавказе. Мне показалось, что это не случайность. Я знал из астрономии, что звезды движутся. Но чтобы они следовали за людьми, как верные псы, никогда не думал. Я смотрел на Большую Медведицу и вспоминал, как я это делал в родном ауле. Правда, там звезды были более крупными и яркими, чем здесь, но расположение их точно такое же, как и над нашей поляной. Свежий ночной ветерок, дующий со стороны реки Драу, напоминал о родной Кубани. Мне слышался ее убаюкивающий шум, и я отчетливо видел бурное и стремительное течение реки, неповторимый рисунок ее волн, омывающих круглые валуны, оттачиваемых на протяжении столетий. О, как хотелось мне сейчас оказаться на берегу своей родной реки, пасть на колени, прося прощения, что я ее покинул, пить и смаковать целительную прозрачную воду! Сон совсем не шел ко мне. Я перенесся мысленно на Кавказ и прокрутил молниеносно всю свою жизнь там. Пройдя все ее этапы, я, наконец, остановился на дате, которая фиксировала последний день моего пребывания на моей милой родине — Карачае. Это было 11 января 1943 года. Вся обстановка того кошмарного дня предстала перед моими глазами. Мой последний прощальный взгляд на Эльбрус, на родной аул Карт-Джурт, на Кубань, на могилы предков... Тяжелая разлука и печальная дорога в никуда, в неизвестность. Потом Тамань, Крым, Украина, Белоруссия, Польша, Австрия, Италия и вновь Австрия. А дальше? Куда? Что.. Что ждет меня, нас **всех** на чужбине? Начатая три года назад темная дорога осталась такой же, как и в своем начале. Дорогою в никуда. Черной и отвратительной змеей извивается эта дорога перед моими глазами...

Что только не предстало моему взору в эту ночь. И пришло решение: если мне посчастливится оста-

ться в живых, я сяду за стол и опишу подробно эти видения. И если хватит на то мастерства, получится большая интересная и очень поучительная книга. Пока я мысленно побывал на Кавказе и проделал описанный выше долгий и мучительный путь до берега реки Драу, на небе не осталось ни одной звезды и снежные пики были освещены щедрыми лучами восходящего солнца.

Долина реки Драу во многом напоминает долину Кубани: ущелье такое же глубокое как Кубанское, такое же темное, малодоступное солнечному и лунному свету, так же отдыхает здесь душа человека, как и там.

Видимо, я спал не долго. Проснулся я, услышав голоса людей, посмотрел на часы и увидев, что уже десять, быстро оделся. Все, что видит глаз вокруг, было освещено ярким теплым весенним солнцем. Солнце — это большое счастье. Его живительные лучи впитывает в себя пробужденная от зимней спячки природа, словно новорожденный младенец молоко своей матери. И кажется, что трава, цветы, листва деревьев и даже холодные камни сегодня улыбаются, как живые существа. Все вокруг благоухает, поют на разные лады сытые и согретые солнцем птицы. Жужжат без усталости пчелы, перелетая от цветка к цветку, собирая нектар и для себя и для неблагодарных людей. Видимо, с облика весны скопировано представление о потустороннем прекрасном рае!

Как благодарен я был Богу за вознаграждение нас таким прелестным днем на нашем новом стойбище!..

Я пошел на берег реки, разделся по пояс, умылся, обдал себя прохладной водой и, вернувшись обратно, позавтракал с большим аппетитом. Теперь я был готов исполнить любое мужское задание грядущего дня.

По чьей-то инициативе было решено созвать сход карачаевцев и, услышав об этом, я пошел к

месту сбора. Тут выяснилась причина сбора: получено было указание, чтобы каждая община выбрала себе руководителя. В этот же день должны были определить руководителя всей Северо-Кавказской колонии.

На сходе выступили несколько человек старшего поколения. Сразу стало ясно, что предстоит решить не очень легкую задачу. О законах демократии мы не имели никакого понятия. Подчинение меньшинства решению большинства не прошло. Каждый из претендентов казался себе неприступной скалой. Оставалось одно: воспользоваться древним обычаем гор, который не раз выручал нас до сих пор: подчиниться решению старейшин общины. По этому принципу для исполнения наших внутри общинных дел были избраны пять человек.

Теперь предстояло избрать руководителя всей северо-кавказской колонии. Все остановились на кандидатуре генерала Солгана Клыч Герия. В пользу избрания его на этот пост говорило следующее: он отличился в годы Первой мировой войны, был награжден английским орденом, в годы Второй мировой войны преследовался немцами как агент английской разведки, и самое главное, он был хорошо знаком с командующим 8-ой армии англичан фельдмаршалом Александером. Поскольку мы находились на территории, занятой этой армией, такое знакомство имело важное значение. Мы, карачаевцы, выступили за его назначение. Видимо, здесь сказались и то, что Клыч Гери был нашим земляком.

Были такие, которые предлагали кандидатуру Улагая, считая, что он среди старой эмигрантской гвардии наиболее яркая личность, занимал более ответственные посты, чем другие и знакомства у него хватает и т. д.

Некоторые настаивали отвергнуть кандидатуры старых эмигрантов и выдвинуть кого-то из новых людей, доказывая что они лучше ориентируются в

жизни и текущей международной политике, но... несмотря на разнобои, руководителем северо-кавказской колонии был избран генерал Солтан Клыч Герий...

Глава десятая

Мы знаем вас

В жизни нашей никаких изменений не произошло. Люди, лошади, питание — вот все наши заботы. Продуктов хватит еще на неделю. К нам приходят новые люди не весть откуда, розыскивая своих близких и знакомых. Встречаются и просто заблудившиеся. Ходят по стойбищу разные слухи, но правду никто не знает. Очень скрытно ведут себя те, чье прошлое было связано с фашистами. Нам раздают бюллетени, выпускаемые англичанами, но, к сожалению, никто из нас читать не умеет.

Я лично больше думал о лошадях и пас их там, где было больше травы (они теперь совсем не дотрагивались до сена). Заметив, что я вывел коней за пределы отведенного нам участка, один из моих балкарских друзей сказал:

— Слушай, что ты делаешь? Это тебе не урочище Бийчесын в Карачае, а земля австрийских крестьян. Не забывай, пожалуйста, где ты находишься.

— Ты совершенно прав. Но, я вижу, и ты пасешь своих лошадей не там, где положено. Не забывай, что находишься не в балкарском Генделене, — шуткой на шутку ответил я и, поздоровавшись, мы сели.

Таких, как мы, кто пасет своих лошадей, здесь было много. К нам подошли еще три балкарца.

— Теперь нас стало четверо, — сказал мой друг, улыбаясь. — Посмотрим как себя будет чувствовать один карачаевец среди четверых настоящих горцев.

— Наше счастье, что настал день для шуток и веселья, начинайте, я готов, — сказал я.

— Нет, — возразил один из них. — Раз твои лошади пасутся на нашем участке и нас большинство, выходит ты наш гость.

— Спасибо вам за оказанную мне честь. Я безмерно рад, что установилась хорошая погода и нигде тумана¹ не видно. Но мы, карачаевцы, поселились рядом с вами и находимся всегда начеку, чтобы предупредить возможный прыжок в туман наших дорогих братьев, — сказал я на полном серьезе, без тени улыбки.

— Дорогой карачаевец, — обратился ко мне один из них, вытянув руку в сторону противоположного берега реки. — Вон ту скалу ты видишь?

— Вижу, — ответил я.

— У вас там, в Карачае, есть так называемая Ахматова скала?

— Есть!

— Вот эта скала, что за рекой Драу, походит на Ахматову скалу?

— Нет! Ахматова скала великан против этой. Ну и что дальше?

— А ты не знаешь, как твой дед там ел мед?

— Нет не знаю. Я там не присутствовал.

— И слышать не слышал? Интересно. А я полагал, что ты осведомленный человек. Какая непростительная ошибка! Ну, если ты не лукавишь «действительно» не знаешь, послушай и наматывай на ус. Я расскажу тебе как это было.

Мой генделенский друг смотрел на меня с улыбкой и хотел, видимо сказать: «Ну, дождался?» Но его земляк, который парировал мою шутку, не дал ему говорить.

— Так вот рядом с Ахматовой скалой находились кошары твоего деда. В один из дней сын твоего

¹ Среди карачаевцев бытует шутка, будто балкарец, стоя на скале, увидел густой белый туман у ее подножья и прыгнул, полагая, что это куча обыкновенной ваты.

деда пас овец прямо у подножья этой скалы Ахматовой и увидел в ней отверстие, из которого вылетал рой пчел. Вечером, вернувшись в кош, сын рассказал своему отцу, т.е. своему деду об увиденном. У старика глаза разгорелись, он страшно обрадовался и сказал:

— Аллах смилостивился над нами и послал сладкую пищу.

На утро он собрал все ремни, веревки, какие нашлись в коше, забрал с собой троих сыновей и пошел к этой самой скале. Старик, то есть твой дед, суетился, спешил, чтобы поскорее забрать мед. У подножья горы он растелил кошму и поставил на нее большой медный казан. А сыновья его взобрались на скалу, связали ремни и веревки, чтобы с их помощью спуститься сверху и добраться до отверстия. Более легкий из сыновей прикрепил конец связки к своему поясу, а остальные двое братьев взяли за другой конец ремня и начался спуск. Спускаться по отвесной стене такой страшной и высокой скалы отважится не каждый. Видимо, сын твоего деда был не из отважных, испугался и описался. Моча лилась прямо в казан. Твой дед обрадовался, думая, что льется мед, вытянул ладонь, набрал жменю «меда» и попробовал на вкус. «Мед» ему совсем не понравился и он повернув голову в верх, крикнул:

— Сынок, если он весь такой не вкусный, не утруждай себя и спускайся вниз, нам не нужен такой мед!

— Теперь ты понял какой смекалистый народ карачаевцы. Раз не вкусно, не едят и все тут. У меня еще есть в запасе свидетельства о смекалке и предприимчивости твоего народа. Если хочешь, могу рассказать еще, — сказал шутник с ехидцей в глазах. Его товарищи посмеялись от души.

— Друг мой, ты очень складно и мастерски рассказал все это, будто это случилось с кем-то из твоих односельчан из Холама. Ведь скалами Аллах

не обидел и балкарцев. Я даже подозреваю, что непосредственным участником этого события был ты сам и «мед» отведал тоже сам. Только очевидец и дегустатор может так точно передать подробности события и так смачно рассказать о вкусе «меда». Что же касается Ахматовой скалы, то там действительно много меда, — ответил я без тени улыбки.

Мой старый друг, гунделенец, хлопнул меня по спине и сказал:

— Ну как, признайся, получил на закуску? То-то, брат! Ты ошибочно полагал, что все балкарцы похожи на меня и слово молвить не умеют. Ты почувствовал теперь, что на какой бы чаше весов ни находился наш брат балкарец, никто не перевесит его!

— Да, груз солидный, — ответил я. — Только хорошему мулу под силу перевозить такую тяжесть...

В это время мы услышали голос вещателя: «Внимание, внимание». Он приглашал всех собраться к месту, где обычно проводились сходы общин и колонии.

Я встал и сказал балкарским товарищам:

— Я с превеликим удовольствием посидел бы еще с вами, чтобы продолжить наши шутки, но что делать, раз зовут, надо идти. Пойду туда, как Ходжа Насретдин с мешком, соберу в него хапары и принесу к вам. А ты, мой друг, — обратился я к шутнику, — помни, диалог наш не окончен, когда у коня копыта накаляются, он скачет резвее. Готовься к дальнейшим состязаниям.

— Дорогой друг, я знаю, что ты любишь посещаться с начальством, будь так добр, вынеси там хорошее решение и принеси нам хорошие вести. Я позабочусь о твоих лошадях. Что-то я сам не хочу следовать за тобой, сердце не велит, — ответил мне басханец.

— Спасибо. Признаться и я иду туда не с такой

уж большой охотой. Но и выхода другого нет. Надо идти, — ответил я и направился к месту сбора. По пути туда я встретился со своим другом — осетином. Поскольку мы расстались более года назад, безмерно обрадовались нашей встрече и крепко обняли друг друга.

— Вчера я приходил в вашу общину и искал тебя. Увидев твою мать, я вспомнил свою и от волнения провел бессонную ночь. Заснул только под утро и встал совсем недавно.

— Ты думаешь я провел спокойную ночь? Как бы не так. Я тоже спал скверно. Ведь обстановка такая! Находимся в неведении. Как твое самочувствие, как и какими путями добрался сюда? Выглядишь ты совсем не плохо. Ты, я полагаю, много ездил и многое повидал, наверное.

— Да, повидал много, не буду лукавить. Был в Берлине и во многих городах Европы, — ответил он.

— Воспользовался моментом, не так ли? И правильно сделал, молодец.

— Ты прав, я воспользовался моментом, хотя, признаться и рисковал.

— Когда мама вечером сказала, что приходил какой-то мой друг-осетин, я сразу догадался что это был ты. Услышав о предстоящем сходе, я спешил туда, надеясь встретиться с тобой.

— Я шел сюда с такой же надеждой. «От сердца проложил путь» говорят в народе. И вот подтверждение мудрости этой поговорки. Мы сердцами чувствовали друг друга и шли навстречу, — сказал он мне, улыбаясь.

— Надо благодарить день, который свел нас снова, — сказал я. — Мы живы, это главное. Как ты смотришь на наше пристанище? Как на дикую лошадь, смирившуюся с арканом, не правда ли?

— Да, сказать тебе правду, не нравится. Надо было думать об этом раньше. Надо было разъехаться в разных направлениях, кто куда, а не собираться

чихом. А теперь куда ты денешься, надо подчиняться законам загона.

— Я думал об этом и хотел смотаться, просто некоторые товарищи помешали мне. Но а ты, почему приехал сюда? Разве ты не видел в какую обстановку мы попали? Разве некуда тебе уйти?

— Я об этом не думал. Меня тянуло к землякам и я последовал к ним. У русских есть поговорка: «Там хорошо, где нас нет». Я рассуждал так: чтобы ни случилось, пусть случится вместе с земляками.

В это время кто-то крикнул сзади:

— Терк!

Мы обернулись и я увидел стройного молодого человека, идущего в нашу сторону. Оказалось, что это и был тот человек, который приходил к маме вместе с Терком. Он подошел и Терк представил нас друг другу.

— Это наш человек, не стесняйся, — сказал Терк, обращаясь к своему другу. — Говори, что нового.

— Там собрались несколько человек и попросили, чтобы я позвал тебя, — ответил тот.

Терк посмотрел на меня умоляюще и, как бы извиняясь, сказал:

— Разреши, дорогой друг, покинуть тебя. Даст бог, вечером увидимся. Я должен сообщить тебе кое-что очень важное. — Крепко пожав мне руку, осетины удалились.

С Терком мы познакомились в 1941 году в городе Теркала совершенно случайно. Хотя время было и не спокойное, он часто приглашал меня к себе, организовав танцы с гармонью, щедро угощал. Потом нас разлучила судьба и, спустя полтора года, мы вновь встретились на Украине. Тоже случайно. С тех пор мы стали друзьями и очень дорожили этим.

Наряду с превосходными качествами друга, у него было и такое достоинство, как коммерческая жилка. Не зря осетинов называют кавказскими евреями. По правде говоря, все осетины, которых я знал,

были людьми умными, умели находить выход из любого положения и жили достойно, соблюдая все законы северо-кавказских народов, как адет и намыс. Это были настоящие кавказцы.

Увидев Терка, я понял, что он время не тратил даром, объезжая города Европы. Я знал, что такой человек, как Терк, лицом в грязь не ударит и не опозорит имя кавказца. Я был рад не только нашей встрече, но и тому, что мой друг был одет с головы до ног с большим вкусом, изысканно. Через годы мы вновь, в третий раз, встретились на берегу Драу. Опять случайность? Безусловно мы расстанемся с ним и на этот раз. Но встретимся ли мы еще раз? Хотя бы случайно? Вряд ли. Такого постоянного везения не бывает... «Всех представителей Северного Кавказа, которые живут между Черным морем и Каспием, здесь, в Европе называют черкесами, а русские — кавказскими горцами. И дагестанцев и осетин, и чеченцев, и ингушей, и кабардинцев, адыгейцев, и карачаевцев, и балкарцев без разбора называют только так. В этот же список входят сами черкесы, абазины и ногайцы. Эти народы, за исключением ногайцев, считаются коренными жителями Северного Кавказа. По сути, оно так и есть. Потому что, кроме языкового различия, все у этих народов одинаково: и одежда, и религия, и законы (обычай, адет, намыс). По существу это одна разноречивая семья. Но на протяжении веков меж этими народами вбивался клин, не давая сплотиться, травили их друг на друга, организовывали набеги, умыкание женщин, кражу детей, угон скота, рождая тем самым искусственный антагонизм среди них. И с течением времени эти народы начали чуждаться друг друга, холодный сквознячок пробежал меж ними, а жаль.

Этот откровенный антагонизм живет уже в нашей крови, он пустил свои корни довольно глубоко. Разные правители: императоры, цари, князья, вожди все они сеяли между нами раздор, а не дружбу и братство. Веками мы жили рядом, не зная границ,

но нас разделили, назвав одних республиками, других областями, третьих округами, а четвертым и имени не дали. Разделили нас на народы первого, второго, третьего и четвертого сортов. Какая дружба могла оставаться между народами, если они разделены по сортам? По сортам разделили людей и в самих народах — на кулаков-кровопийц, на крестьян-середняков, на крестьян-бедняков, на троцкистов, на врагов народа. Одних загнали в тюрьмы, других выслали, третьих поработили. Не по этой ли причине мы оказались на берегу Драу вдали от могил своих предков?»

Размышляя так, я прибыл к месту сбора. Тут раздался чей-то голос: «Прибыли!» Я встрепенулся, очнулся от наседавших на меня мыслей о далеких для сегодняшнего дня вещах и оглянулся.

Подъехал «Джип» с четырьмя пассажирами, за ним следовала танкетка. Остановились рядом с собравшимися. Из «Джипа» вышли трое военных (англичанин, француз и итальянец) и четвертый в гражданской форме. Манера поведения и внешний вид четвертого говорили о том, что он русский.

Англичанина мы встречали не первый раз. Это был тот, который завернул нашу колонну на эту поляну, сказав: «Ваш длинный путь завершен».

И сегодня он шагнул вперед, давая знать, что мы должны слушать именно его. Свою речь он начал, как и тогда, с повышенного высокомерного тона:

— Северо-кавказцы! Мы хорошо знаем каким образом вы оказались в центре Европы. Кто-то из вас бежал от советского режима, кто-то попал в плен и вышел из лагеря, кто-то был вынужден работать на немцев, кто-то находился у них на службе и небольшая часть из вас эмигрировали из России еще в годы революции.

Всем вам надлежит сдать в штаб имеющееся у вас оружие. Лишь отдельным лицам высшего звания и руководителям общин разрешается оставить при себе пистолет. Те, кто уклонится от сдачи ору-

зия и те, кто будет нарушать установленный здесь режим, будут строго наказаны! Всем понятно?

Не сказав больше ни слова, он и его товарищи сели в «Джип» и уехали вверх по ущелью в направлении Обердраубурга.

Один из стоявших рядом со мной спросил:

— И какие выводы следуют из этого?

— Для того, кто что-то соображает, все ясно, — ответил ему сосед слева.

— Ну разъясни мне, чтобы и мне было ясно.

— А что разъяснить? Нам внушали, что нас, северо-кавказцев, как беженцев от коммунистического режима, как людей лояльных к англичанам, трогать не будут. А он доказал всю абсурдность таких заверений и намекнул, кто есть кто. Это во-первых. Во-вторых, они на всех нас — и на стариков, и на женщин, и на детей, и на молодых — смотрят как на своих военнопленных. Разве ты этого не понял? И третье. Обратил ли ты внимание на человека в гражданском, на его манеры, одежду, лицо?

— Да. Он смотрел на нас далеко не дружелюбно и его зеленые глаза так и сверлили каждого из нас. Что плохого мы сделали этому австрийцу?

— Э-э, дорогой брат, плохо ты разбираешься в людях. Этот человек не задумаясь расстрелял бы всех нас, если бы мог. Это был представитель Советского Союза и, очевидно, работник НКВД. Как изучающе смотрел он на нас!

Все мы были встревожены появлением этого человека. Не затеяв больше никакого разговора, мы молча разошлись по общинам...

Глава одиннадцатая

Бедный, как ты этого не поймешь?

По пути к себе я заметил красное полотнище, которое реяло на одной из веток высокого дерева, которое стояло на углу нашей поляны. Оно манило

меня к себе и я направился туда. Подойдя ближе, я понял, что это флаг Советского Союза. У основания ствола дерева стоял портрет Сталина в раме. Увидев сразу и флаг, и портрет, я чуть не отшатнулся, но потом взял себя в руки и начал приглядываться. То тут, то там, среди кустов и деревьев сидели группы людей и тихо беседовали. Среди них я заметил и земляков, которые говорили на карачаевском языке. Были здесь и другие представители Кавказа, были украинцы, белорусы и русские.

Я подошел к одной из групп и поприветствовал так, как было принято у нас на Родине:

— Здравствуй, товарищи!

— Здравствуй, товарищ, — ответили мне.

И вдруг из-за моей спины кто-то крикнул:

— Товарищ Боташев! Добро пожаловать! Пришел тоже записываться?

— Я пришел, увидев красное полотнище. А куда вы записываете и понятия не имею. Что за запись?

— Люди, которых ты здесь видишь, желают вернуться к себе на Родину и пришли записываться. Тут представители всех народов. Как же, надо же вернуться домой! Сколько можно странствовать и как дальше жить? Лучше, если мы объявим о своем добровольном желании вернуться, чем по принуждению. И тебе советую записаться добровольно.

— Спасибо. Я тоже живу заботами об этом. Но нас много и мы, очевидно, составим свой отдельный «список». Интересно, откуда появились флаг и портрет Сталина? Как будто все было готово, заранее решено. Видимо, достали из чьего-то чемодана.

— Ничего удивительного тут нет. Англичане и русские — союзники. То, что требуется, они достанут. Портрет Сталина тоже принесли из штаба. Тот, что был в гражданской форме, — русский. Мы это поняли сразу.

— Да, в этом не могло быть сомнения... Был похож...

— Не только похож. Есть среди нас люди, которые знают его. И портрет Сталина и флаг — дело его рук.

— Оказывается разворачиваются большие дела, — сказал я, не скрывая своего удивления.

— Верно, — согласился мой собеседник. — И надо воспользоваться моментом, прикинуться активистом...

— Помнишь ли ты первую речь этого английского офицера? — спросил я своего собеседника. — Тогда он говорил: «Мы всех вас хорошо знаем». Насколько мне известно, твои следы не так уж безобидны и чисты. Как ты себя почувствуешь, если приведут и поставят перед тобой тех, кто от тебя пострадал? — Я открыто и жестко высказал свое мнение о нем. Его лицо изменилось до неузнаваемости.

— Ты прав, но... — едва вымолвил он из себя.

— Значит, ты хочешь прикинуться активистом, плясать «и нашим и вашим» и этим способом затеряться среди безвинных людей. — Я повернулся к портрету Сталина, указал на него пальцем и спросил: — Ты видишь его? Видишь как он смотрит на тебя?

— И правда... он смотрит на меня ... алан!

— Он никаких аланов-маланов не признает. И знает свое дело хорошо, — сказал я, намекая на последствия его поступка, и, не сказав больше ни слова, повернулся и ушел.

По пути к стоянке я думал и сортировал людей и не смог придти к определенному выводу, чтобы сказать кого же среди нас больше, плохих или хороших. Люди менялись на глазах и было очень трудно узнать у кого что лежит на душе.

Прежде, чем пойти и пообедать, я решил еще раз проверить на месте ли мои лошади и не следует ли повести их на водопой. Пройдя сотню метров, я увидел своих лошадей и... балкарцев, продолжающих сидеть на том же самом месте. Я обрадовался и пошел прямо к ним.

— Где пропадаешь? — обратился ко мне баксанец. — Твои товарищи давно уже вернулись со схода, а тебя все нет и нет. Что нового?

— Неужели вам никто ничего не сказал? — вопросом на вопрос ответил я.

— Мы слышали только о том, что говорил англичанин. У тебя больше нет, что нам сказать?

— Есть. Может быть ты и шутишь, задавая мне вопрос, но я очень далек сейчас от шуток. Я оказался в таком месте, о каком давно не думал. Другой бы на моем месте сразу бы прыгнул в Драу и пошел бы к его дну...

— Вот беда. Что же случилось с тобой?

— Это лучше показать, чем рассказывать. Пойдемте.

Я пошел впереди, они последовали за мной. Мы прошли сквозь густой кустарник и вышли на открытое поле. Отсюда хорошо было видно дерево и красный флаг по-прежнему висел на его откидистой ветке.

— Увидели? — спросил я.

— Да видим.

— Что же вы видите?

— Очевидно, кто-то постирал красную тряпку и повесил сушить...

— Правильно, кто-то повесил. Теперь давайте вернемся обратно. Нам лучше поговорить там, чем здесь. — Когда мы уселись, я им рассказал все подробно и о флаге, и о портрете, и о списках добровольцев, которые хотят вернуться домой...

— Не удивляйся, мой друг, — сказал баксанец. — С такими вещами теперь мы будем сталкиваться часто. Кого ты увидел из наших знакомых?

— Несколько человек... Но главным зачинщиком, главным активистом оказался ваш человек, балкарец.

— Кто же он такой, как зовут? — забеспокоился баксанец.

— А угадай! Ты ведь ясновидец!

— Поверь мне, я угадал. Это известный проходимец Ботдаев. Так?

— Да. Ты угадал, ясновидец!

— О Аллах! Что делается, что творится, а мы сидим, развесив уши, и не знаем что происходит под нашим носом. Они рассчитывают уговорить кого-то и за счет своих жертв выйти сухими из воды. Но они ошибаются. Усатый, если попадут в его руки, быстро разберется с теми, кто служил Германии. Ты сказал, что видел портрет Сталина. Усы были на месте?

Кивком головы я подтвердил, что да.

— Да, друзья мои, мне кажется, что наши дела пошли по нехорошему пути. Надо быть осторожными, беречь себя от возможных провокаций, — сказал баксанец, затих и задумался.

Болтливых людей терпеть не могу, но бывают такие, которые насильно навязывают тебе разговор. И сейчас, в создавшейся обстановке, болтуны представляют самую большую опасность... Мне стало жалко своих балкарских друзей. Парни, так остро шутившие и веселившиеся совсем недавно, сникли и стали печальными, как на похоронах.

Я попрощался с друзьями, пожелал им всего хорошего и пошел к своим лошадям. Пора было возвращаться «домой».

Я вошел во «двор» уселся у «очага».

— Где ты пропадаешь, парень? Целый день без горячей пищи? Ты еще не обедал, а остальные уже успели поужинать, — сказала моя всегда чуткая мама и принялась разогревать обед.

— Где мог я пропадать, мама, все время пас лошадей да и аппетита не было совсем, — соврал я маме впервые в жизни. Мне не хотелось волновать ее событиями, свидетелем и участником которых я был.

— Ты всегда ссылаешься на лошадей... Обходили всех нас и потребовали сдать оружие. Надо все

делать своевременно. Могут наказать за неповиновение, если сдашь с опозданием. — Мама положила хлеб и поставила чашку горячего мясного супа передо мной.

— Мама, обратился я к ней, оглядывая все вокруг себя, — спрячь, пожалуйста, куда-нибудь то, что завернуто под моей подушкой. Ночью я возьму у тебя и закопаю. Будь что будет, но это я им не сдам.

— Об этом ты не думай. Я уже все сделала. Поешь и увидишь, — успокоила меня мать. Когда я закончил свой обед и помыл руки, мама дала мне знать, чтобы я последовал за ней. Мы направились в сторону реки Драу. Мама остановилась под большой раскидистой ивой и сказала:

— Посмотри на этот корень, который лежит на поверхности. В пяти шагах от корня в том же направлении на глубине одного метра лежит твое оружие и кое-что еще. Вчера, когда ты бодрствовал у лошадей, я привела сюда двоих наших ребят, они выкопали яму и я собственноручно спрятала все это там.

— Моя чуткая, моя добрая мамочка. Как хорошо, что ты поступила так. — Я обнял маму. Мы вернулись и я, собрав кое-что из остатков своего оружия, направился в штаб.

Глава двенадцатая

Конь и оружие — крылья горца

Я не ошибусь, если скажу, что нигде в мире так высоко не ценятся конь и оружие, как у горцев Кавказа. Оружие передавалось от отцов к сыновьям, от сыновей к их наследникам. Его берегли, как зеницу ока, как драгоценность. Нет у нас более дорогого подарка, чем оружие. Те, кто дарил оружие, украшал кобуры, ножны, рукояти серебром и

золотом, гравировал на них слова добрых пожеланий. Это считалось одним из величайших жестов признательности и глубокого уважения дарившего к тому, кому он оказывал эту честь. Для настоящего горца конь и оружие, что крылья у птицы. Это чувство прививалось горцам столетиями и оно, даже сейчас, в век технического прогресса, сидит у них в крови.

Очевидно, немцы были осведомлены об этом и ни у одного горца не отнимали оружия. Были среди нас и такие, кто не имел и не носил оружия. Но наличие оружия нас спасло от многих бед и неприятностей — мы были способны защитить себя от всяких неожиданностей на нашем нелегком пути.

В этот день я понес в штаб и сдал наган и старый карабин, оставшиеся у нас в семье еще с 1930-х годов. Я смотрел на кучу сданного оружия и не видел ни одного ценного экземпляра. Ценным считается дарственное оружие, а такое никто не сдаст. И я не сдал, конечно. Очень трудно расставаться с подаренным именовым оружием.

В этот день мы воочию убедились, что англичане нам не доверяют и, что слухи, будто они не будут трогать оружие, не будут нарушать традиционный обычай горцев, оказались ложью...

Ведь говорят, что англичане хорошо знают обычай кавказских народов. Если это правда, так почему они пренебрегают ими?

Наш прежний шеф гауптман Тайрер говорил: «Англичане хорошо знают, что вы бежали от коммунистического режима». Старший из англичан подтвердил слова Тайрера, заявив: «Мы вас хорошо знаем...» Тогда в чем же дело? Все новые и новые тревоги мучают меня. Мне кажется, что меж этими словами таится что-то страшное.

Я представляю себе сданную кучу оружия и думаю: не они ли, эти пистолеты, автоматы, винтовки, сабли, кинжалы виной всему?

Да, на всем свете помощником исполнителей зла

является оружие. Оказавшись в руках Гитлера и Сталина, оружие пролило реки человеческой крови.

На всем протяжении существования человечества лилась кровь с помощью оружия, совершенного или не совершенного, не имеет значения. И тем не менее нужно иметь оружие, чтобы защитить себя. На протяжении трехлетнего пути зимой и летом, при лютых морозах и под палящим солнцем, ночью и днем, в степях, горах и лесах мы постоянно подвергались опасностям и уцелели благодаря оружию.

Почему так дорого ценится оружие на Кавказе! Видимо потому, что после искусственно созданных распрей между народами участились набеги соседей и надо было обороняться...

Сдав оружие, я направился к себе «домой». Когда уже был рядом с лагерем, я увидел небольшие группы людей, которые горячо обсуждали событие, связанное со сдачей оружия. Говорили и спорили громко, а некоторые даже брали друг друга за грудки. «Отняли у нас оружие запросто. Что за этим последует, мы не знаем», — кричит кто-то. Честно говоря, зрелище это было не из приятных. И я, махнув рукой, пошел к своей общине...

Глава тринадцатая

Друзья надежды на жизнь

Общину я застал в полном сборе. Здесь тоже шло обсуждение событий текущего дня. И среди наших нашлись «дипломаты» которые выступали горячо, будто только они знают, что нас ждет и как надо поступать. Я подошел, сел с краю и решил послушать, о чем идет речь.

Один из «дипломатов» начал говорить высокопарно, желая, словно факир, затуманить головы слушателей, чтобы подчинить их своей воле и заставить верить его идее.

Годами он был старше, но особым почтением с моей стороны не пользовался. Когда он переходил границы дозволенного, мне приходилось дважды ставить его на место. Зная, что я в курсе всех его проделок, вплоть до предательства безвинных людей, он не слишком беспокоился.

Не замечая меня или делая вид, что не замечает, он сказал:

— Я убежден, что скоро меж союзными странами, вернее между остальными союзниками и Советским Союзом начнутся раздоры, которые перерастут во вражду. Вот тогда-то мы им понадобится и вы лично убедитесь в том, что они нас будут ценить во сто крат больше, чем немцы...

— Конечно, нас посадят на самое почетное место и будут любоваться лично тобой, говоря: «Откуда же среди простых смертных нашелся такой мудрый человек», — сказал я саркастически. — Увидев твое появление, они обязательно крикнут: «Долой Сталина! Да здравствует карачаевский дипломат из Долины Драу!» Примерно так звучат твои слова. Но это блеф! Надо иметь очень и очень много свидетелей, чтобы убедить нас в твоей правоте. Торопись ты в своих суждениях, дипломат!

— Зря ты петушишься, — сказал «дипломат» с обидой. — Ты пришел поздно и не знаешь, о чем здесь шла речь. Не известно, что они сделают с нами.

— Было бы большим счастьем узнать заблаговременно об их намерениях относительно нас. Только это для нас непостижимо потому, что это их тайна. Но, я думаю, не далек тот день, когда тайное станет явным. Одна надежда на Аллаха, другого выхода у нас нет. Надо было сразу расходиться после перевала, а не держаться «в обнимку». Я тогда хотел сказать об этом, но кто тебя послушает, если у тебя нет ни седых усов, ни седой бороды? — сказал я.

— Брось, пожалуйста, остальные тоже не лыком

шиты. Видимо, они тоже что-то соображают. Иногда ты выставляешь свой тяжелый характер и разговариваешь с людьми грубо. Пусть Аллах не разлучит тебя с народом из-за характера.

— Амин! Пусть Аллах не разлучит всех нас с народом, — согласился я. — Прошло уже три года, как мы разлучены с народом, с Родиной. Но я почти не вижу таких, кто бы был предан народу. И чем могут быть полезны здесь эти патриоты? Не так уж трудно понять, что мы — старики, женщины, дети и тем более молодые являемся пленниками англичан. К чему сейчас заниматься пустой демагогией! Я скажу вам откровенно: интуиция мне подсказывает, что наш предстоящий путь и судьба связаны с более трудными испытаниями, чем те, что перенесли мы до сих пор.

Меня опять перебил «дипломат». Он сказал:

— Что ты нас пугаешь. Думаешь, что англичане прямо возьмут нас и сдадут Сталину? Если судить по-твоему, нас могут посадить и в тюрьму? — Он уверовал, что берет надо мной верх и хорохорился. Его сторонники даже закатились смехом. Остальные молчали, глядя то на меня, то на «дипломата».

Я сразу отпарировал:

— Ты не смейся, а думай головой. Оружие у нас отобрали. Со всех сторон окружили танками. К нам свободно впускают прибывших, но никого из нас за пределы зоны не выпускают. На нас смотрят как на своих пленных, но не как на беженцев. Что здесь непонятно. Или тебя надо посадить в одиночку, чтобы ты осмыслил что сейчас происходит? Победитель имеет право изъять оружие у побежденной армии и пленить ее личный состав. Но где это видано, чтобы то же самое делалось с гражданским населением, с беженцами, вместе с которыми находятся их матери, жены, дети, старики? Разве вы не видели сегодня, что англичане явились сюда не одни, а привезли с собой и человека в гражданской

одежде? Я познакомлю вас с ним: это был посланник Сталина для проверки нас, представителей народов Северного Кавказа. Это был сотрудник НКВД. Этот человек связан с некоторыми лицами из нашей среды. С теми, кто агитирует нас вернуться на Родину. Этот человек доставил к нам в лагерь советский флаг и портрет Сталина. Кто из вас сильно соскучился по ним, может пойти и посмотреть вон там. — Я поднял руку и показал направление, куда следует идти.

Один из моих сторонников взял слово:

— Я с тобой согласен. Все обстоит именно так, как ты говоришь. «Гражданского» я тоже заподозрил. Взгляд его не сулит нам ничего хорошего.

Меня поддержал еще один член общины:

— Безусловно, твое заявление — серьезный повод к размышлению. Живем и находимся мы в сложнейшей обстановке, когда война смешала все на свете: и страны, и народы, и люди — все перемешалось. И, я думаю, не так легко будет разобраться во всем, восстановить и поставить все по своим местам. Думаю также, что те, кто сумел поставить на колени третий рейх, сумеют позаботиться и о нас. Союз великих держав тоже не вечен. Придет время, когда между ними начнется раздор. Когда? Это вопрос времени. Вспомните договор о дружбе между Германией и Советской Россией, пожар войны между вчерашними друзьями — фашизмом и коммунизмом. А мы, простые рядовые люди сгорели в огне этого пожара. Сейчас коммунисты дружат с капиталистами. А что будет завтра никто не знает. Никто в мире не предполагал, что когда-нибудь американский капитализм пойдет на дружбу с Советским коммунизмом. А пошел же! Мы живем в непредсказуемом мире. Но не будем терять надежду. «Надежда опора жизни» говорят.

В разгар нашего разговора, к нашей группе подошли двое друзей, поприветствовали нас и сели рядом.

— Ваши голоса доходят до конца света. Нам слышен был весь ваш разговор, — сказал один из них.

— Если это так, вы уже знаете, о чем идет речь, — ответил я ему. — Что нового вы принесли нам?

— Есть хорошие слухи, — вступил в разговор второй. — И многие верят в их достоверность. Но лично я не знаю как отнестись к ним, ведь мы живем в лживое время.

Мы все затаили дыхание, полагая, что услышим что-то очень хорошее.

— Помните город Лиенц, до которого мы добрались однажды и завернули обратно? Тогда говорили, что вокруг этого города много казацких поселков и что возглавляют их генералы Краснов, Шкуро, Даманов. Говорят, что эти генералы где-то недалеко от нас со своими казаками. Так вот ходят упорные слухи, что англичане предложили сдать оружие им тоже. Генералы категорически отказались подчиниться распоряжению англичан, потребовав объяснить причину такого отношения. Комендант англичан спросил у генералов: «Что же вы хотите конкретно?» Генералы ответили: «Мы хотим знать, что вы собираетесь делать с нами. Сдадите Советам или оставите в покое? Без точного ответа на этот вопрос мы сдавать оружия не можем». — Комендант сказал, что в Россию поедут только те, кто сам изъявит желание, остальные получают право ехать куда им заблагорассудится. Он сказал также, что заверяет в этом от имени английской царицы. Говорят, что после таких слов коменданта казаки, за исключением генералов, сдали англичанам имеющееся у них оружие. И еще говорят, будто генерал Краснов и фельдмаршал Александер близкие знакомые, давно поддерживают дружбу, регулярно переписывались и чуть ли ни ежедневно разговаривали по телефону.

— Пусть даже ложная, — сказал я, — но очень

приятная новость. Это несколько успокаивает нас. От кого бы ни исходил этот слух, я выражаю ему сердечную благодарность.

Оба друга были очень довольны, что своим сообщением вселили в наши сердца надежду и покой.

Мне пора было уходить и я, прощаясь с вестниками о казаках, сказал:

— Даст бог, все случится именно так, как вы рассказали. Однако радоваться еще рановато: в душе у меня появилась какая-то неведомая мне до сих пор тревога и я не могу избавиться от нее. Нельзя верить слухам слепо, не проверив и не убедившись в их достоверности. И все же я еще раз выражаю вам обоим свою признательность за приятные вести.

Пожав им руки, я заторопился в сторону пастбища, где находились мои кони.

Глава четырнадцатая

Сыновья Большой Медведицы¹

На пастбище я застал группу людей, среди которых сидели и мои старые знакомые-балкарцы. Судя потому, что разговор велся на русском языке, можно было легко догадаться о присутствии здесь разноязычных представителей народов Северного Кавказа. Как ни странно, и тут разговор шел о казаках, о том, как они сдавали оружие. Правда, говорили об этом под другим ракурсом и окраски давали этому событию, кто какую хотел.

— Ты никогда не опаздывал к нашему сбору. Что случилось? Я не в шутку забеспокоился, мало ли что... Из семерки отсутствуют только осетины, остальные на месте, — сообщил мне баксанец, улыбаясь.

¹ Имеется ввиду количество национальностей Северного Кавказа, находящихся в колонии: карачаевцы, балкарцы, кабардинцы, осетины, чеченцы, ингуши и дагестанцы. Их семь и у Большой Медведицы тоже семь звезд.

— Не спрашивай. Попал я в гущу спора и с трудом избавил свою голову от этого шума.

— И тут не легче. Если послушать, что тут говорят, будешь хвататься уже не за голову, а за сердце. Но надо набраться терпения. Не сразу удастся понять, кто что говорит и какую преследует цель. Говорят о разной чепухе, о мелочах, питают какие-то несбыточные иллюзии, противно их слушать. Но что делать? Встать, плюнуть и уйти противоречит нашим кавказским обычаям. Хочешь, не хочешь надо сидеть и выслушивать.

— Слушай, как мы легко понимаем друг друга в двух-трех словах, а иногда и без слов. Или мы люди очень мудрые или последние идиоты, — сказал я, улыбаясь.

— Если, как говорят, сердца людей сообщаются, то нам достаточно встретиться глазами, чтобы понять кто из нас о чем думает. — Баксанец глубоко верил в существование «дороги» между сердцами и согласованность наших мнений объяснял только этим.

— Бросьте хитрить, не думайте, что вы мудрее других и ваши намеки не понимают, — сказал нам один из присутствовавших с упреком.

— Ты извини меня, дорогой брат, — обратился я к нему. — Мы просто шутим между собой, нам показалось, что каждый говорит о чем хочет и позволили себе поболтать о чем нам захотелось. Если помешали вам, просим прощения.

Тут подошел новый посетитель, благодаря чему наши реплики прекратились. Он сел рядом с нами и закурил.

— Пришел наконец товарищ из осетин, — сообщил мне баксанец шепотом. — Теперь семерка в сборе.

Помолчав он добавил:

— Будь внимателен. Я знаю, что ты многому не веришь. Вот мы собрались здесь. Какие мы все разные по языку, но остальным признакам — по

обычаям, нравам, неписанным законам и культуре почти одинаковы. Твои способности позволяют заняться этим и увековечить на бумаге.

Мой друг баксанец был прав. Это было моей давней мечтой. Много лет думаю я над этим. Мечтаю как-то собрать представителей северокавказской молодежи и передать им традиции наших народов, рассказать об общности наших обычаев, обрядов и о нашей высокоцивилизованной культуре. Потому что эти ценности должны быть переданы из поколения в поколение. Необходимо им объяснить, что все мы и внешне и внутренне одинаковы, за исключением разницы языков и по существу являемся одной семьей.

И, если я буду жив и наступят спокойные времена, молодежь я обязательно соберу... И, несмотря на поразительное сходство образа жизни, внешности, обычаев, несмотря на то, что кавказские народы выглядят как одна «семья», раздоры и недопонимание между ними встречаются с избытком. Это является результатом политики, проводимой веками среди этих народов. Этот яд сидит у нас в крови, мы до сих пор не могли очиститься от него и привезли этот яд до берегов реки Драу.

Мы, кавказские парни, собравшиеся здесь, лучше понимаем роль политики, которая проводилась на Кавказе, чем наши отцы. Однако, как только возникнет какой-нибудь спор, мы моментально разделяемся на группировки: по сходным языкам: адыгейцы, черкесы, кабардинцы — одна группа, карачаевцы и балкарцы — другая, чеченцы и ингуши — третья, дагестанцы — четвертая, осетины — пятая. Это доказывает то, что мы, молодежь, тоже не свободны от отравляющего душу антагонизма. Такова обстановка сейчас.

Бросается в глаза и такая дурная привычка, присущая только нам: каждый считает себя титаном мысли и думает, что он умнее других. Есть у большинства народов еще одна болезнь: разделение лю-

дей по сословным и классовым признакам — на князей, узденов и кулов. От этой болезни вылечились, причем очень давно, чеченцы, ингуши и дагестанцы. И в нынешней обстановке эти народы выглядят более демократичными, чем остальные.

Короче говоря, я пришел к выводу, что эти пороки кавказских народов принесены извне, политикой империализма, зачинателем этого был четвертый царь России Иван Грозный. Женившись на кабардинской княжне Марии Темруковне, он начал насаждать на Кавказе свою политику разъединения народов, чтобы легче было управлять ими...

За этими размышлениями застал меня подошедший к нам мой близкий друг из Кисловодска.

— Эй, кавказские орлы, что понурили свои головы, словно у вас окошел ишак? — пошутил он.

— Как хорошо, что ты пришел, — сказал я, вставая, поприветствовал его и познакомил с товарищами. — К сожалению, среди нас нет более прозорливого, чем ты, и мы готовы следовать по пути, который ты укажешь нам.

И действительно, это был человек, который до тонкостей знал все этнические группы Северного Кавказа с их плюсами и минусами. Судьба его бросала то в Осетию, то в Чечено-Ингушетию, то в Кабарду, то в Дагестан и знал он эти народы не хуже, чем свой собственный, знал их языки. Говорят, нет худа без добра. Если бы не раскулачили его отца, если бы не конфисковали его имущество и, если бы не выгнали его из родного дома, то, очевидно, такого турне он не проделал бы и остался обыкновенным карачаевцем. Но именно беда помогла ему побывать среди этих народов, жить их жизнью, разговаривать на их языке.

— Ребята, что вам спеть? Я хочу поднять ваше настроение? — обратился он к нам.

— Начни с Шамиля, — попросил я.

И он начал. Пел дагестанские, осетинские, чеченские, кабардинские песни на их языках. Следом

переводил нам их содержание на русский язык. Русским владел он в совершенстве. Да во всех отношениях он был очень одаренным человеком, так как Аллах не поскупился, наделяя его талантом. Он спел потом более близкие и знакомые нам, карачаевцам, песни: абазинские, черкесские, балкарские. И в заключение он спел, карачаевскую песню «Аймуш». Эта песня была знакома всем и в переводе не нуждалась. Устав от этого занятия, мой друг перешел к рассказу анекдотов, шуток и прибауток, бытовавших у разных народов Кавказа. Те, кто понимал язык, смеялись сразу, а мы потом, после сделанного перевода... Вслед за ним песни своих народов исполнили адыгеец и аварец. Видно было и по голосам, и по мастерству исполнения, что это были профессиональные певцы. После таких мастеров никто не осмелился петь.

Тогда кисловодчанин сказал мне:

— А ну, друг, спой-ка «Айджаяк» («Лунолицкую») и я буду аккомпанировать на губной гармошке.

Я согласился и спел от души. Судя по аплодисментам, мы не ударили лицом в грязь.

Всю ночь до восхода солнца мы провели без сна, предаваясь то песням, то танцам, то шуткам.

Расстались мы в приподнятом настроении. Я поспешил к себе, лег в постель, приготовленную мамой и сразу заснул...

Глава пятнадцатая

Английская пицца

— Эй, вставай! Уже полдень, а ты все спишь и спишь! Гулистан, что ты такого соню вырастила, куда это годится! — кричал кто-то. Я слышал все эти слова в полусне.

Я проснулся. Действительно солнце висело пря-

мо над Драу, показывая, что первая половина дня уже прошла.

Постоянная моя заступница мама ответила:

— Не такой уж он соня, как вы утверждаете. Всю ночь он пас лошадей и лег спать только утром.

— Мама, не обращай на них внимания. Они того и хотят, чтобы посмотреть, как ты сердишься. Они не замечают, что стоят здесь сытые лошади. — Я встал, оделся и отвел коней из-под палящего солнца в тень размашистой ивы.

Затем я пошел на берег Драу, умылся как следует, вернулся, пообедал и только встал из-за стола, как по громкоговорителю сообщили о необходимости получить продукты.

Выдавали пайки и взрослым и детям одинаково. Говорили, что это из рациона английских солдат. По качеству продуктов чувствовалось, что англичане питаются значительно лучше, чем немцы. Нам выдали кроме основных продуктов и шоколад, и кофе, и ароматизированные сигареты. Предупредили, что паек выдан на неделю. Мы были рады такому повороту дела. Особого внимания заслуживали кофе, шоколад, сигареты, так-как у себя на Кавказе и тем более в пути, нам редко приходилось баловать себя такого рода продуктами. Кофе в нашем обиходе непривычная редкость, а к сигаретам не успели еще привыкнуть. Мы курили махорку, завернув ее в газетную бумагу. Махорка в России была самым распространенным и доступным табаком, подавляющее большинство курильщиков покупало ее как дешевый и внушительный по крепости табак.

С появлением английских продуктов в лагере открылся черный рынок. Тут продавали сигареты, продукты, одежду, даже виски. С таким рынком я встречался впервые и поэтому с большим интересом ходил по его «торговым рядам». Главными поставщиками рынка были малознакомые нам люди, прибывшие сюда со стороны. Продавали в основном за

американские доллары, английские фунты, австралийские шиллинги, немецкие марки, итальянские лиры, швейцарские франки; золотые деньги и серебряные изделия ценились особо. Было здесь много одежды. Все это я созерцал с большим любопытством. Больше всего мне было интересно знать, как люди ориентируются в стоимости этой разнообразной валюты, золота и серебра.

Увидев на краю рынка группу знакомых мне людей, я подошел к ним. Один из них, хорошо владевший немецким, читал газету на этом языке.

— Не надо обращать на себя внимания, отойдемте подальше, сядем где-нибудь в тени и спокойно послушаем там, — предложил один из них.

Согласившись, мы последовали за ним и сели в тени огромной красивой ели. Приступили к чтению. Газета вышла несколько дней назад и представляла интерес. В ней сообщалось о взятии Берлина русскими и о том, что Гитлер покончил с собой. Сообщалось так же, что его труп предали огню, облив бензином. Писали в газете и о том, что вся семья Геббельса тоже покончила с собой, приняв яд. Газета публиковала фотографии генералов Эйзенхауера, Жукова, Монтгомери, Де Голля, поставивших Германию на колени. Сообщалось и о том, что весь состав верховного командования Вермахта бежит на Запад и старается попасть в руки американцев.

— Вот все, что было интересно в газете и я старался перевести тексты, как умел, — сказал тот, кто ее читал.

— Пусть Аллах благославит тебя, большое спасибо! Ты сообщил неведомые нам новости. Я в восторге от твоего блестящего знания языка. Вот пример того, дорогие друзья, как знание чужого языка помогает человеку в жизни. У карачаевцев есть поговорка: «Кто не учен, тот слеп, а слепой о камень спотыкается». Видно, наши предки этой поговоркой хотели сказать и о том, что надо изучать чужие языки.

Тут же мы начали обсуждать сообщение из газеты. Ни один новорожденный человек не копирует собой другого. Все люди разные, начиная от оттисков пальцев, кончая видением окружающего мира и его пониманием. И умом, и мыслями, и выводами, и взглядами — всей совокупностью интеллекта люди резко отличаются друг от друга.

Можно задать резонный вопрос: почему Аллах или Бог (а это одно и то же) создали людей разными? Ведь люди, созданные одинаковыми, могли бы жить без раздоров и распрей, потому что будучи идентичными, думая и рассуждая одинаково, они бы жили мирно, объединившись в одно свободное общество.

Но сейчас этими философскими умозаключениями никто не занимался. Речь шла о Гитлере и Геббельсе.

Один из присутствующих сказал:

— Гитлер поступил как фюрер, мужественно, не сдаваясь в плен и не подвергаясь мучениям.

— Подлец умирает подлю, как поступал и в жизни, — возразил ему другой.

— Гитлер превратил в пепел и свою любовницу. Разве это не говорит о зверином нраве этого человека? Тоже самое нужно сказать и о семье Геббельса. Как может умиртвлять своих родных детей родитель, если он не зверь? Кто бы тронул его детей, останься они в живых! — возмутился третий.

— С этим можно поспорить. Может быть Геббельсиха и поступила правильно. Вспомните судьбу семьи Николая второго. Расстреляли его самого, жену и детей. Говорят даже предварительно изнасиловав дочерей, — сказал еще кто-то.

— Детей могут убить только люди со звериной душой. Даже звери берегут свое потомство. И не убивают детенышей себе подобных. Рождаясь на свет, каждая человеческая душа имеет право на жизнь. Но Геббельс был натренированным человеком. Он набил руку на убийстве евреев и их детей.

Он, видимо, понимал, что детям убийцы пощады не будет. Этим своим действием он ставил цель: пропагандировать перед немецким народом свою верность идеалам национал-социализма и фюреру, — подвел итог второй оратор.

— Как ни говорите, они отделались дешево. Весь мир облили кровью, стерли с лица земли тысячи сел и городов, истребили миллионы людей и превратили их в пепел, предав огню в крематориях... Народам принесли голод и нищету, детям кроме этого и сиротство.

— Причину случившегося валить просто на Германию или на поступки отдельных личностей в ходе войны — поверхностное отношение к трагедии. Надо начинать с того вопроса, почему стало возможным приход к власти национал-социалистов во главе с Гитлером? Почему Гитлеру, человеконенавистническую идеологию которого все знали хорошо, дали укрепиться у власти? Разве не виноваты те соседи, которые видели, как душит Гитлер их соседа и не заступились?

Автор этих слов встал и отряхнул себя.

— Почему встал? Продолжай, пожалуйста, ты говорил умно и интересно и мы слушали с большим вниманием, — сказал его сосед.

Вставший ответил:

— Ты ручайся за себя. Верю, что тебе было интересно, однако есть здесь еще другие люди. Интересно ли им всем слушать такой разговор? Мне кажется мы заходим слишком далеко.

— Кому не нравится или кому некогда, могут уйти. Каждый свободен и может поступить, как его душа желает. Дорога открыта всем... Твои слова заставляют думать и объясняют многое.

— Какие тут нужны слова и объяснения, когда все яснее ясного, — включился в разговор мой друг. — Всегда зачинщицей войн была Германия. Она больше терпела поражений, чем побеждала. И тем не менее уроков из этого никаких не извлекала.

Она грозила и кусала народы как гремучая змея. Раньше только ранили и пугали эту змею, теперь раздавили ей голову. Она уже не оживет. Все с ней уже покончено и думаю нет смысла тратить время на эту гадину. Не лучше ли нам заняться каким-нибудь полезным делом?

— Дорогой брат, мы здесь обсуждаем события, которые сыграли драматическую роль в нашей личной судьбе и в судьбах целых народов, да и всего мира. Ни один из выступающих не сказал ничего ложного и несправедливого. Все хотят понять, что нас ждет впереди. Если тебе такие заботы чужды или некогда сидеть с нами, — дорога свободна, никто тебя не держит, можешь идти, — холодно ответил я ему.

Он посмотрел по сторонам, желая найти, очевидно, своих сторонников, потом повернулся к нам спиной и ушел, ускоряя шаг.

Глава шестнадцатая

Все краски стран одинаковы

Мы долго сидели в безмолвии и следили за ушедшим, пока он не скрылся за кустами...

— Друзья мои, — обратился к нам человек лет сорока-сорока пяти, который все время следил за ходом разговора и старался, чтобы между нами не возник спор (говорили, что он имеет профессорское звание) — не следуют обижаться на него, тем более горячиться. Споры и раздоры возникают из-за недопонимания. У нас, горцев, чувство эгоизма ни к чему хорошему не приводило, а вредило много раз. Человек должен изложить свои мысли, не спеша, обдумывая каждое слово и считаясь с мнением других. Тот, кто громко говорит и считает, что прав только он, человек не серьезный. Отстаивать свою правду должен каждый, но только в тех случаях,

когда он с абсолютной точностью знает, что он прав и может доказать это. И не следует обвинять того, кто по своему уровню мышления или по малообразованности, или по убеждению недопонимает или не соглашается с твоим мнением. Надо уважать другую личность, внимательно выслушать его мнение (если даже он не прав) и выразить свое мнение о нем вежливо и тактично. Учитесь, пожалуйста, этому правилу.

Я внимательно выслушал все ваши выступления и пришел к выводу, что все вами сказанное — сущая правда. Но не спешите со своими выводами, не стремитесь стать судьями восьмидесяти миллионного немецкого народа, народа трудолюбивого, талантливое и достигшего огромного технического прогресса. Осуждая Германию, мы осуждаем народ. Собственно, я согласен со всем тем, что было сказано здесь, за исключением итогов Первой мировой войны. Да, руководители Германии были зачинщиками войны, да, Германия потерпела поражение. Но как с ней поступили победители? Отняли все ее колонии, отняли значительную часть ее собственной территории, вывезли начисто все ее богатства и все время держали ее на «штрафной площадке». Не слишком ли много? Народ озлобился и создалась благодатная почва для появления реваншистов — национал-социализма и Гитлера. Последствия этого всем нам известны. Благодаря этому просчету, просчету по подведению итогов Первой мировой войны, и развернулись трагические события в мире, превратившиеся во Вторую мировую войну. И как прямое следствие этого мы, кавказские горцы, которые в своем подавляющем большинстве никогда не выезжали за пределы Северного Кавказа, горцы многие из которых вообще не знали, что существует такая страна как Австрия, оказались на ее территории — на берегу реки Драу. Мы надеемся, что на этот раз извлекут настоящий урок из результатов войны, принесшей народам России и Германии да и

другим народам тоже неслыханные по масштабам и жестокости беды, все страны мира и в первую очередь сама Германия. Должен быть поставлен общими усилиями надежный барьер перед возникновением нового и возрождением старого фашизма. В противном случае появится новый Гитлер, начнется месть.

Первая мировая война не принесла ничего хорошего даже победителям. Что принесут миру итоги Второй мировой войны? Какие будут приняты международные законы, какие новые краски появятся на картах мира?

Живы будем, увидим. Да пусть Аллах укажет всем нам правильный путь.

Пользуясь тем, что профессор закончил свое выступление, один из сидящих сказал:

— Пусть перекрасят все карты мира! Нам-то что? Хваленый XX век спалил все и превратил в пепел. Век, когда цивилизация и прогресс достигли своего апогея, чтобы лить реки крови, разрушить все ценное, что создавалось веками, чтобы топить печи телами миллионов человеческих жертв, чтобы процветали ложь и зверство! Что мы видим в этом веке: сильный давит и душит слабого! Пусть красят и перекрашивают карты мира. Опять же, что нам из этого. В нашем народе говорят: «Дохлый ишак волков не боится». Нам-то теперь какая разница? Людям без дома, без крова, без Родины?

Как-то из заднего ряда спросил:

— Извините, что перебиваю. Что за краски, перекраски карт? Что-то до меня не доходят намеки на этот счет?

— Например, двадцать четыре года назад прежний царский цвет карты России превратился в красный, вместо расстреленного царя Романова на престол поднялись диктаторы Ленин и Сталин, место немецкого кайзера Вильгельма занял Гитлер, место турецкого короля Солтана Хамида занял Кемал Паша... Соответственно менялись цвета карт

этих стран. Вот эти-то изменения и пожар охвативший тогда огромные пространства от Испании и до Китая, стали причиной Второй мировой войны. И если не поумнеют люди, правящие миром, может вспыхнуть и Третья... Вот что имеется в виду под словом краски.

Задавший вопрос кивнул головой, давая знать, что он уже все понял. Может быть кто-то еще хотел говорить, но совсем недалеко от нас появился генерал Солтан Клыч Гери в сопровождении семи человек. Шли они прямо к нам. Мы встали и приготовились к встрече.

Генерал был одет в коричневую черкеску, ладно сидевшую на его стройной фигуре. Его широкие плечи и тонкая талия свидетельствовали о том, что он был еще довольно молод и имел настоящую воинскую выправку. На голове его красовалась коричневая каракулевая шапка, на груди — белые газыри. Подпоясан он был позолоченным поясом, на котором висел великолепный кинжал в серебряных ножнах. На боку — маузер с серебряной рукоятью. Ноги генерала были обуты в сверкающие блеском сафьяновые мягкие ноговицы и добротные кумыцкие чувяки. Чувствовалось, что идет настоящий кавказский генерал. Короче, вся его одежда состояла из давно и хорошо известных нам атрибутов. Видеть генерала в нашей родной кавказской форме было для нас большой радостью.

Рядом с генералом шел наш односельчанин, который объяснил ему, что перед ним стоят карачаевцы. Когда они подошли совсем близко, генерал поздоровался с нами и сказал:

— Молодцы, карачаевские парни! Вы мне напоминаете ваших храбрых отцов из Карачая, с которыми я расстался двадцать три года тому назад. Это были тяжелые дни, когда мы вынуждены были покинуть свой народ и Родину. Но по милости Аллаха нам представилось счастье встретиться вновь. — Генерал коротко, буквально в двух словах,

поведал нам историю своих подвигов, побега из России и пребывания за рубежом. Он помнил своих старых знакомых и безошибочно назвал их имена. Он вспомнил имена и тех, кто был к нему не справедлив, кто и обидел его. Более не задерживаясь около нас, он попрощался с нами и, вытирая платком прослезившиеся глаза, в сопровождении своих спутников направился в сторону лагеря.

Мы вновь заняли свои места на траве. Среди нас был человек, который сидел молча и с потемневшим лицом все время слушал. Так вот сейчас заговорил этот человек:

— Видели вы этого подлеца? Всех, кто ему был полезен, помнит. Помнит и тех, кто был против него. Но тех, кого он угробил и сгноил в земле не помнит. У его жертв уже и кости истлели, а он ходит по Европе как ни в чем не бывало. Ходит героем в сопровождении свиты. Сколько он горя причинил нашему народу? Только благодаря его действиям Сталин обозвал нас контрреволюционным народом!

Он тяжело дышал, глаза его горели злостью.

— Эй, как ты смел произнести такие бессовестные слова? — напал на него кто-то из сидящих. — Стыдно! Человек обязан знать, что он говорит и отвечать за свои слова!

— О каком стыде ты говоришь? Я знаю, что говорю. Что, неправду я сказал? — Он посмотрел по сторонам, ища поддержки среди нас. Но его никто не поддержал. Более того, начали его атаковать.

— Если бы ты не верил в то, что говорил, видимо не стал бы выступать. Но ни одно твое слово правдой не пахнет. Ты просто не понимаешь, что говоришь. Почему ты не стал генералом? Если бы было легко стать генералом, желающих нашлось бы сколько хочешь и ты был бы в том числе. Он кавказец, человек уже в годах и стыдно выступать против такого человека. Он служил царю и отечест-

ву, получил чин генерала в царское время. И дал присягу на верность царю. И на Кавказ он попал по приказу командования армии, в которой служил. Он бежал из России не потому, что был генералом. Он просто не хотел изменить данной им присяге. Давай посмотрим на это на нашем примере. Вот ты, например, почему бежал? Ведь ты вовсе не генерал? Он не из тех, кто может служить и твоим и своим. Он дорожил честью генерала. Сколько раз ты присягал в верности Советскому Союзу. Не раз, правда? А почему оказался здесь, что ты тут потерял? Теперь ты понял насколько велико расстояние между тобой и этим генералом. Он остался верным данной присяге, ты изменил ей, он отстоял свою честь, ты и понятия не имеешь о долге чести и растоптал его грязным сапогом. Так вот, зная свое лицо, не ерепенся и молчи!

Получив по заслугам, он встал молча, и, как трусливая собака, побрел прочь.

— Если его голова не совсем пуста, должен делать соответствующие выводы, — сказал кто-то.

— Я что-то сомневаюсь, — возразил другой. — Если бы он каялся в сказанном, уходя отсюда что-нибудь да сказал бы. Он не мог скрыть свою грязную душонку. Он демонстративно показал нам, кто он есть такой в самом деле. Даже не удостоил нас чести попрощаться с нами.

— Ничего удивительного. В народе всегда найдется человек, который не отличается постоянством. Они поднимут любое знамя: и коммунистическое, и немецкое и пиратское. И предать могут кого угодно. Что, собственно, тратить слова на таких мерзавцев. Слишком много чести.

Когда все переговорили и успокоились, слово взял я. — Ты дал ему достойный ответ, спасибо, — сказал я своему предшественнику. — Видимо, наличие таких подлецов в народе явление закономерное. Было бы не интересно, если бы люди походили друг на друга. Разве кто-нибудь из вас слышал о каком-

нибудь обществе, народе, государстве, где полностью искоренены подлецы, двурушники, предатели. Нет, такого общества вы не найдете. Поэтому не старайтесь исправлять их или избавиться от них — все равно ничего у вас не выйдет. И позвольте мне пожелать всем вам удачи и попрощаться. — Я пожал им руки и направился к себе:

— Слава Аллаху, — сказала, мама, увидев меня. — Сегодня ты вернулся вовремя. Тут недавно проходил кривоносый. Обычно он всегда приветствовал меня. А сегодня даже не посмотрел в мою сторону.

Глава семнадцатая

Читайте молитву: Эшхедю эн лазилеахе...

Ночь я провел спокойно и спал глубоким сном. Проснувшись утром, заметил, что вершины гор затянуты густым туманом, предвещающим перемену погоды. И небо было усыпано мелкими темногрудными облаками. Они увеличивались в размерах буквально на глазах и закрыли собой весь небосклон. Потемнело все вокруг, подул низкий прохладный ветерок. Такая быстрая перемена погоды была обычным явлением у нас на Кавказе. Видимо, такое явление присуще для всех гор, покрытых вечными ледниками. Усиливающийся ветер напомнил мне нашу карачаевскую поговорку «Ветер — предвестник дождя». В обстановке, в которой мы находились, ничего хорошего дождь нам не обещал, поэтому люди засуетились, забегали, прибирая и заноса под тенты фургонов разложенные «во дворе» вещи.

Дождя еще не было, но мы точно знали, что он придет. Видимо, тут оказывалась наша вековая привычка, выработанная в условиях гор. Да, мы горцы, всегда умели распознавать капризы погоды, пред-

сказывать их заранее. Но странное дело, будучи такими наблюдательными и мы не всегда умели быть готовы и к этим неожиданным, но вполне естественным явлениям природы. Подтверждением тому является наша поговорка: «Схватился за бурку после прохождения дождя». Что это: самонадеянность, легкомысленность или лень? Почему мы вспоминаем, что есть у нас бурка только после дождя? Видимо, это естественная беспечность свободного вольного жителя гор.

Облака ежеминутно меняя свой облик, то темнея, то вздуваясь, то вздымаясь, находились в постоянном движении, будто неведомая рука управляла ими. Движение этих облаков мне напоминало волны огромного разбушевавшегося океана. Я стоял, не отрывая взгляд от неба. Вдруг сверкнула ветвистая молния и полоснула своими «щупальцами» по вздутым животам облаков. Все вокруг залилось нестерпимо ярким светом, как при электросварке, и вмиг погасло. Сразу стало темно, так темно, что я не сразу различил предметы, стоявшие рядом. Через секунду вновь вспыхнула молния, длинная ветвь которой коснулась вершины высокой скалы на противоположном берегу реки Драу. И за этими двумя молниями последовал страшный раскат грома, завершившийся звуком, напоминающим разрыв многотонной авиационной бомбы. После наступившей вновь темноты мое внимание привлек огонек, появившейся на вершине скалы: горело дерево, охваченное со всех сторон пламенем.

Затишье продлилось недолго, задул ветер с новой силой и принес с собой крупные капли дождя. С каждой минутой усиливался дождь и оставаться под открытым небом означало промокнуть до ниточки.

На наше счастье моя повозка была накрыта добротной разноцветной кошмой, которая летом защищала нас от жары и дождя, а зимой — от снега и холода. Мы взобрались в фургон.

— Повторите за мной молитву, я ее прочту, — сказала мама и прочла суру из корана: — «Эшхедю эн лза илзахе иллэаллах ве эшхэадио эннэ Мухам еддин абдюхю ве Ресуллах». — Сейчас она напоминала квочку, собравшую под свои крылья птенцов.

О, бедные и славные наши матери! Милые вы наши ангелы! Какая титаническая любовь заключена в ваших сердцах и как мало понимаем мы вас!

Все сердце матери, ее светлые мечты и любовь связаны с ее детьми до конца ее дней!

Моя младшая сестра Сегидат спросила:

— Мама, что это за слова, что они означают?

— Всемогущий Аллах следит за всем миром и, если находит нужным, посылает на землю дождь и изобилие. Дождь орошает и горы, и поля, и пустыни песчаные и камни — все они нуждаются в воде. Дожди — это изобилие. Религия гласит, что шайтан всегда выступает против изобилия и старается преградить путь дождю. И вот Аллах придумал молнию, чтобы сжечь шайтанов и убрать их с пути дождя. И, если люди признают, что Аллах один для всех и Пророк его посланец, шайтан, услышав эти имена, убегает прочь. Вот как раз в этой молитве и есть имена всемогущего Аллаха и пророка Мухаммеда.

При любых обстоятельствах, в любое время, каждый раб Аллаха должен помнить его имя и пророка Мухаммеда и произносить их в своих молитвах. Там, где произносятся эти имена, шайтанов никогда не бывает. Молитву надо прочитать три раза. Это вызывает особую милость, — ответила мама.

Чтобы успокоить маму, мы повторили слова молитвы три раза. И тут же повторился страшный удар грома аж земля колыхнулась под повозкой. Я выскочил из фургона и увидел расколотое ударом молнии дерево, под которым стояла чья-то повозка. Незначительные повреждения получила и она. Мне

объяснили, что ее закатили в тень, когда было жарко, когда начался дождь, выкатить не успели.

Пригнанные сюда могучим кнутом Молнии и Грома проливные дожди, причинив нашему лагерю немало забот и ущерба, промчали дальше. Все вновь стало спокойно и тихо. Лишь слышны были звук и журчания образовавшихся грязных ручейков и карканье перелетающих с дерева на дерево черных ворон. То там, то тут блестели лужи, заполняемые стекающей со всех сторон водой. Голубая гладь Драу помутнела, кое-где река вышла из берегов, не вмещааясь в свое обжитое русло.

Все это нам было знакомо давно. Мы не раз видели ливневые дожди, когда реки выходят из своих берегов и сметаюот все на своем пути — смывают целые участки дорог, сносят мосты, а иногда и жилые дома — с человеческими жертвами.

Увидев разбушевавшуюся и взволнованную Драу, я вспомнил свою родную Кубань и перед моими глазами предстали наши горы, Учкуланское ущелье и мой милый аул Карт-Джурт...

Освободившись от своих тяжелых нош, облака на небе стремительно плывут на северо-запад, гонимые неведомой силой. Попроказничав над долиной Драу, они спешат скорее спрятаться за высокие вершины Альп, будто боясь неминуемого наказания.

Следом за облаками перевалило за горы и солнце, освободив путь наступающим вечерним сумеркам. Сразу пришла вечерняя темнота, желая спрятать все вокруг под свой черный покров. Сырость, грязь; слякоть — союз этих неприятных вещей сразу подавили мое настроение и не знал куда себя девать. Но, к нашему великому счастью из-за горы появился блестящий край луны, которая через несколько минут показалась в полном своем величии и озарила все вокруг холодным серебристым светом. Как происходит обычно после проливных дождей, здесь тоже пробудилась природа, напоенные до сыта деревья, трава, цветы благоухали от

радости. Воздух заполнился пленительным ароматом, дышать стало приятно и легко. Какая прелесть, какое чудо! Чувствуешь себя, словно в раю! Некоторые недооценивают этого, говорят, что запах цветов давит на них. В городах, где свирепствует отравленный загазованный воздух, люди страдают от недостатка кислорода, болеют, гибнут. Там мечтают о глотке чистого ароматного воздуха, а мы, рожденные и выросшие в гуще природы, недооцениваем эти райские условия, не дорожим ими. Мы ценим только то, что потеряли, только то, чем мы не дорожили раньше и прозевали, мечтаем, плачем и тоскуем по Родине, которую покинули по собственной инициативе.

В эту сырую ночь, потеряв надежду, что соберутся табунщики и, не желая остаться наедине со своими тревожными мыслями, я решил пройтись по лагерю и посмотреть, где что делается.

Проходя мимо одного фургона, я услышал чей-то повелительный голос: «Клади сперва деньги, а потом бери карту!» Я остановился. Я не ошибался — это был голос одного из моих близких друзей. Они так же как и я пожелали отвлечься от наседавших на нас тревог, решили скоротать время за игрой в карты. Я направился к ним, чтобы присоединиться к игре.

Шатер, сшитый из разноцветных шкур, водруженный на повозку моего друга, выглядел так, как в день его установки. Я вижу это потому, что принимал участие в этой работе. Кони его находились тут же у повозки и ели овес.

Я постучался о шатер (о высохшую твердую шкуру) и спросил:

— Можно к вам в гости?

— Эй, Боташев, это ты? — спросили изнутри и не дожидаясь моего ответа, пригласили: — Заходи, заходи, что за официальность? — Подняли шкуру, которая служила дверью, чтобы я мог пролезть.

Я вошел и поприветствовал игроков словами:

— Ассалам алейкум!

Никто мне не ответил. Я стоял, растерявшись. Почему мне не отвечают взаимным приветствием? Или я нежеланный гость или они находятся во власти игры и забыли о моем присутствии — подумал я...

Глава восемнадцатая

Ирсхен

Оборудовали мы эту повозку в Белоруссии. чтобы устроить крышу над ней, мы вырубили прутья из орешника, согнули в дугу и прикрепили их концы к кузову повозки. Достали говяжьих шкуры, намочили их как следует и когда они размягчились, растянули и натянули на каркас. Шкуры укрепляли таким образом, чтобы верхняя накладывалась на нижнюю, исключая таким образом возможность протекания крыши. В последствии шкуры высохли, обтянули каркас, как барабан, и при любой погоде не деформировались.

Я с удивлением смотрел на сохранившуюся великолепную крышу и вспоминал, какие трудные дни мы переживали тогда, передвигаясь на запад по почти непроходимым болотистым дорогам. Это заметил мой друг, видимо, он тоже вспомнил эти далекие дни и улыбнулся.

Внутри, в центре фургона, горела обыкновенная свеча. По углам фургона восседали четверо, подобранные ноги под себя, словно турецкие факиры.

— Ты будешь пятым и позволь тебя поприветствовать! Усаживайся, — сказал старший из игроков, указывая место, где я должен был сесть.

— Ты извини нас и не обижайся за то, что мы не ответили на твое приветствие. Мы молчали не потому, что ты был нежеланным гостем, напротив, мы все были рады твоему появлению. Но по закону

нашей религии карты — запрещанная игра и участники этой игры не удостоиваются чести получить мусульманское приветствие «Ассалам алейкум» и отвечать «Алейкум салам». По писанию это большой грех. Теперь ты понял причину нашего молчания? — спросил тамада с доброжелательной улыбкой.

Я кивнул ему и окончательно успокоился.

— Спасибо большое. Честно говоря, я не знал о существовании этого закона. Теперь, благодаря вам, буду знать, — ответил я и занял свое место.

Люди, в компанию которых я вклинился, давно знали друг друга, радость и беду встречали вместе, где надо, заступались друг за друга и являлись испытанными друзьями.

— Дождись, пока мы завершим круг, и, если есть желание, можешь включиться и ты, — сказал тамада, не отрывая глаз от карт.

— Тому, кто не играет, делать тут нечего, — заметил один из игроков.

Все посмотрели на меня выжидаючи.

— За меня ответили. Но неужели у вас нет другого вида развлечения, кроме этих пустых бумажек. Такое, чтобы забыться, рассеять наши тревоги и заботы...

— Нет в мире ничего равного картежной игре, чтобы забыться и ни о чем другом, кроме игры, не думать. Хоть днем с фонарем ищи, не найдешь, — ответил мой сосед.

— Да, ты прав, если постоянно выигрываешь или располагаешь несметной суммой денег. Но когда продуешь все, влезешь в долги и вытурят тебя из игры, тогда поймешь лучшее ли развлечение игра в карты, — сказал игрок, сидевший напротив меня.

— Это верно, — сказал тамада. — Пусть Аллах бережет нас от увлечения этой игрой. Занятие это ничем хорошим не кончается. О нас же говорить не стоит. Мы просто балуемся, чтобы коротать время. Настоящих заядлых игроков среди нас нет. Лучше

подумайте о другом: не найдется ли у кого-нибудь из вас жидкости, чтобы и жажду утолить?

— Утолить жажду — можно по-всякому. Рядом течет река Драу, пей, пожалуйста, сколько хочешь. Но, если ты имеешь в виду что-то другое, говори без обиняков, — сказал мой друг.

— Пусть заболит твой желудок так же сильно, как ты хорошо знаешь, что я имею в виду, — засмеялся тамада. Мы переглянулись, но вступить в перепалку с тамадой никто не осмелился.

— Боташев, старый сундук не бывает пуст, — многозначительно сказал тамада. Все повернулись ко мне.

— Знаю точно, что у меня припасена бутылка лучшего итальянского вермута, пейте на здоровье. Но что такое бутылка вина на пятерых? Дразнить себя и только — ответил я.

— Ты за это не беспокойся. Лиха беда начала, а там видно будет. Сегодня один из «купцов» черного рынка продавал виски. Очень жалею, что не купил. Не знал я, что соберется сегодня такая великолепная компания, — сожалел один из наших партнеров.

— Я сейчас же вернусь, — сказал я и выпрыгнул из фургона.

«Допустим сегодня я отвлекусь от своих дум и тревог игрой в карты. А завтра? А после завтра?.. Что это? Что за напасть такая? Сколько можно находиться в неведении? Что за тайна, которую скрывают от нас? Неужели нет способа избавиться от этих вопросов, выкинуть из головы сразу, раз и навсегда эти идиотские тревоги?» — размышляя так, я добрался до своего «двора». На обратном пути с вермутом в кармане я неожиданно столкнулся с моим балкарским другом. Он стоял, опершись спиной о ствол дерева и повернувшись к Драу, прислушивался к шуму стремительного бега горной реки. О чем думает он сейчас? О Кубани, о Чегеме, о Тереке? Это, конечно, трудно было сказать, но, что каждый из нас, глядя на Драу, обязательно подума-

ет о своей реке, я знал точно. Велика была ностальгия у всех нас!

— Добрый вечер, алан! Чем ты занимаешься здесь в одиночку? Я испугался не на шутку, увидев балкарца рядом с бушующей рекой, причем ночью! Ведь вы прыгаете в воду даже днем? Как хорошо, что я пришел сюда вовремя!

— Спасибо. Хотя ты и шутишь, но по поверью стариков совсем небезопасно находиться рядом с разлившейся вбунтовавшей рекой. По словам стариков в это время «Суу анасы» (то есть старая русалка) гипнотизирует человека и забирает к себе. И я стоял и ждал «Если появится молоденькая русалочка, пойду, — сказал я себе. Но если позовет меня беззубая старая русалочка, взберусь на дерево и покажу ей фигу». А, если тебя интересует правда, то я просто любовался песней реки; подпевал ей и вспоминал вашу Кубань. Что у тебя нового? — серьезно спросил балкарец.

— Ничего такого, что можно было бы назвать новостью. Я направляюсь к своим друзьям играть в карты. Если у тебя в кармане густо, пошли. Будем сражаться «в очко» до самого утра. — Приглашая его, я сильно не настаивал. Ведь я звал его не к себе домой!

— Молодцы, хорошее же вы нашли развлечение. Я сразу догадался, что не зря ты появился здесь...

— Раз так, пошли! — сказал я ему и взял под руку. Входя в фургон, я крикнул: — Вот любуйтесь, я привел вам балкарского кулака! Застал я его на берегу Драу прямо перед прыжком в воду! Вы же знаете привычку балкарцев прыгать в воду. Не знаю, правильно ли я поступил, выручив его от верной гибели? — Все посмеялись и были рады приходу балкарца. Они хорошо знали Баксанца.

— Мой племянник принес нам бутылку вермута, — сказал тамада. — Есть поговорка: «Мясо, сваренное в большом котле, сырым не остается».

Имеется в виду, что ребенок, воспитанный в хорошей семье, подлецом быть не может. Давайте завершим круг и приступим к «чаепитию». Вообще-то будем играть до утра.

Хозяин фургона положил на «стол» хлеб и сыр и сполоснул два стакана.

Все мы заняли места за «столом» как полагается по обычаю кавказцев: старший на почетном месте, самый младший — у дверей. Я занял место у двери. При застолье по обычаю положено также выбирать тамаду и шапу. Тут было соблюдено и это правило. Обычно тамада правит балом и, пока не завершится застолье, не покидает занятого им места. Шапа обслуживает стол: разливает спиртное, подает закуску и так далее.

— Поскольку я появился на свет значительно раньше, чем вы, сидящие за столом, я буду распоряжаться, вы — исполнять. Шапой я назначаю Баташева. Как самого младшего среди нас.

— Вряд ли я справлюсь с этой миссией. Никогда не приходилось быть шапой — сказал я, смущаясь.

— Не прикидывайся. Ты хорошо знаешь обычай. Наливай в стаканы поровну и не забудь изымать за это взноса (он имел в виду сбор денег для пополнения запасов спиртного). Возражений нет? — спросил тамада.

— Возражений нет, конечно. Но где мы достанем спиртное в полночь. Может не будем затевать сбор денег, — сказал сосед тамады.

— Не будем перечить тамаде. Было же сказано: «Лиха беда только начало», а дальше найдется и продолжение, — сказал другой, сидевший рядом со мной.

— Рассудит нас Аллах, было бы желание, питье найдется, — сказал хозяин фургона, будто чувствовал, что это последнее совместное застолье сидевших здесь друзей.

Я стал собирать указанный тамадой взнос. Итальянскими лирами.

Хозяин достал бутылку и поставил ее на стол. У всех на душе стало веселей. Поем и играем, пьем и играем. Тихо, без шума, никто не нарушит правил, никто никого не подстрекает.

Но балкарец не преминул подколоть нас и сказал:

— Что вы за люди, карачаевцы! Свершаете сразу два тяжких греха: пьете спиртное и играете в карты!

— Если грешешь, так грешь как следует, чтобы не беспокоить ангелов божьих по пустякам, — сказал тамада и рассмешил нас.

Глаза наши начали краснеть. Я дал знать тамаде, что собрано тридцать тысяч лир. Покраснение глаз я объяснял себе не тем, что проводим бессонную ночь, а по причине того, что смотрим на карты при очень слабом свете.

Тамада встал, приоткрыл полог, посмотрел в темноту и сказал:

— Давайте, друзья, будем расходиться, у каждого из нас достаточно забот и работы. Пусть шапа отдаст деньги хозяину дома. Он позаботится о столе для завтрашней ночи. — Исполняя желание тамады, мы разошлись... Я вернулся домой и никого не разбудив, лег спать...

— Вставай, сын мой, уже полдень, — тихо сказала мама, потрогав меня за плечо. Я хорошо слышал ее слова, ибо уже не спал, но лежал с закрытыми глазами. Я встал. Действительно солнце висело прямо над вершинами Альп, доказывая, что наступил уже полдень.

— Где и с какими бродягами ты провел ночь? Я видела, как ты вернулся утром. Когда тебя нет ночью, я не могу сомкнуть глаз, ты это хорошо знаешь. Почему издеваешься надо мной? Почему осложняешь мою жизнь в это тревожное время. Что только не приходит в мою голову, когда тебя нет, — мама смотрела на меня печальными глазами.

— Именем Аллаха прошу, мама, прости меня! Я все понял и переживаю за причиненную тебе боль. Вечером мне стало так тоскливо, что не знал куда себя девать. Шел по лагерю и наткнулся на своих друзей, которые играли в карты. Я присоединился к ним и не заметил как проскочила ночь.

— О, Аллах! Как вы смели заниматься этим и брать на душу такой грех? Да еще в такое время. Упаси меня Аллах, чтобы кто-то услышал об этом.

— Мы знали, что это грех. Но мы не нашли другого способа, чтобы отвлечь души от назойливых тревог.

— О, Аллах! Что это ты говоришь? Скажи «Тоба» и раскаивайся за содеянное. Картежная игра — самое греховное занятие. Особенно игра на деньги.

— Мама, я пошутил. Ничего греховного мы не совершили. Просто сидели, рассказывали друг другу смешные истории, пели, смеялись. Вот и все, — сказал я, стараясь успокоить мать. Но вместе с тем я переживал, глядя в усталое печальное лицо матери, в ее покрасневшие от бессонной ночи глаза.

Осуждая себя, я начал готовиться к обыденным дневным заботам. Выйдя со «двора» я встретил друзей Ц. С. и Б., которые возвращались с дежурства. Они рассказали мне, что английские патрули разрешили им сходить в село на пару часов.

А я был из тех, кто умел воспользоваться любой обнадеживающей зацепкой.

— Раз есть такая возможность, сходите, посмотрите, поразведайте какие ходят там слухи. Особенно о нас, — наставительно сказал я. Мы пошли дальше. У каждой повозки дымился огонь, видимо, люди готовили обед. Обстановка здесь, как на кошу, с примитивными, «очагами»: два кола с развилками сверху вбиты в землю, на них положена жердь для котла — вот и все удобства для приготовления пищи.

Когда мы проходим мимо, люди встают и искренне приглашают нас к своей нехитрой трапезе. Благодаря их за приглашение, мы проходили все

дальше и дальше, пока не вышли к шоссе. Тут мы увидели английских солдат, охранявших нас, которые курсировали на дороге туда и обратно. Трое из них направились к нам, подошли, остановились и уставились на нас.

— Хелло! — сказали мы.

Они ответили:

— Хелло!

— Но спик англиш, — сказал я, произнося старательно эти три слова, которые заучивал в течение недели. Они ответили мне что-то, но я не понял.

— Парла италия? — спросил я. Один из солдат спросил тоже по-итальянски:

— Куда следуете?

— Если можно, хотели сходить в село.

Солдаты начали совещаться между собой. Наконец тот же солдат сказал:

— Идите, но чтобы через два часа были на месте.

Мы сказали: «Грацио» и поспешно пересекли шоссе. Англичане владели итальянским не лучше нас. Но, как бы мы плохо не владели, знание этого языка сослужило нам добрую услугу.

Мы поднялись по извиистой крутой горной дороге. Подустав, решили сесть на бугорок под елью и немного передохнуть. Мы смотрели сверху на красивое широкое русло реки Драу. Любовались сказочной природой. Но все равно даже это великолепие не радовало мое сердце. Я смотрел на лагерь Северо-Кавказской колонии и думал о судьбе этих людей, все еще находящихся в неведении.

— Есть у нас еще одна новость, о которой не говорили тебе, — сказал Ц. С. — Поскольку ты обычно не веришь слухам, мы промолчали. Я настоужился и весь превратился во внимание. Ц. С. посмотрел на А. Б. желая, чтобы говорил он.

— Судя по сведениям, которыми мы располагаем, — сказал А. Б., — идет мобилизация добровольцев для отправки на войну с Японией. Говорят, что

многие из казаков записались и готовы выехать на Восток.

— Видите, мы представители Северного Кавказа ничего об этих вещах не знаем и сидим в абсолютном неведении. Мы уподобились пчелиной семье, лишенной матки. И именно это и тревожит меня.

— До каких пор ты будешь жить таким пессимистом? — упрекнул меня Ц. С.

— Ты и днем с фонарем не сыщешь большого оптимиста, чем я. Но этим англичанам не верю, просто не могу верить. Это мне подсказывает сердце, понимаете. Но посмотрим, чему быть, того не миновать. Казаки и Япония... Чушь какая-то, что может делать кавалерия на островах? Туда нужны моряки и их можно найти только среди немецких пленных, — говоря эти слова, я был глубоко убежден, что прав.

Передохнув немного, мы продолжили свой путь. Ирскенен, куда мы очень скоро добрались, оказался небольшим селом из сорока-пятидесяти домов, уютившихся среди гор на опушке соснового леса. В нем мы увидели школу и церковь, улочки крутые и узкие. Обыкновенная горная деревушка. Уютная и чистенькая, потому-что скот содержится на привязи. Поляна, на которой расположена наша колония, тоже принадлежит Ирскенену. На улицах деревушки нам встречались только старики и дети. Все, кроме детей, имели угрюмый вид. И не удивительно. От войны им досталось тоже сполна. Нам встретился только один мужчина нашего возраста и тот без руки. Рукав его пиджака был пуст. Мы поздоровались с ним. Говорил он по-итальянски в совершенстве. Он часто поправлял нас, когда мы искажали слова. Здесь на стыке двух государств (Австрии и Италии), как правило, люди владели и итальянским языком.

Он пригласил нас к себе домой. Ссылаясь на ограниченность времени, я сказал:

— Если судьба позволит, встретимся как-нибудь, спасибо за приглашение. Мы ищем мужского портного.

Он показал дом, который стоял на окраине деревушки обособлено. Каждый из нас сказал «Грацио», пожал ему руку и мы отправились к портному. Мы полагали, что попрощались с безруким навсегда. Но на мою долю выпало счастье встретиться с этим человеком. Спустя тридцать пять лет!

— Как ты мог отклонить приглашение инвалида? — спросил меня Ц. С.

— Молодец, поступил правильно, — сказал А. Б. — Не узнаешь, кто с какими мыслями связывается с нами. Нужно было найти какую-нибудь причину, чтобы уйти, и он ее нашел.

— Ничего я не сочинял и говорил то, о чем думал. До каких пор можно терпеть эту пеструю одежду, особенно на вас? На кого вы похожи? Прямо стыдно.

— А чего нам стыдиться. Что находим, то и носим, — обиделся А. Б.

— Не кипятись. Может он что-то дельное придумал, — поспешил вмешаться Ц. С.

Тем временем мы подошли к дому портного. Подали голос, чтобы нас услышали. На порог вышел человек среднего возраста и среднего роста и вопросительно посмотрел на нас. Видя наше молчание, он что-то сказал по-немецки. Из своего запаса состоящего из пятидесяти-шестидесяти немецких слов, я составил предложение и выпалил.

— Нихт шпрехен дойч. Шпрехен зи итальяниш?

Он хорошо владел и итальянским. Мы ему объяснили, что нас интересует. Услышав это, он пригласил нас к себе домой. Я впервые входил в дом австрийцев. Мебели в доме было мало. Кругом — идеальная чистота. Чувствовалось, что хозяин дома очень любит природу. На стене висели олени и туры рога, много картин разных размеров в разных и красивых рамах. В основном пейзажи, отобража-

ющие горы, леса, озера, водопады, цветы. Он догадывался, что мы пришли из колонии, расположенной на берегу Драу и спросил нас, чем он вообще может быть полезен нам. Мы изложили ему свою просьбу сшить нам одежду, если конечно, есть у него такая возможность. Ничего не ответив, он пригласил нас в свою мастерскую, поставил стулья вдоль длинного стола и пригласил сесть. Он положил перед нами несколько журналов мод мужской одежды и попросил ознакомиться.

— Для чего он морочит нам головы этими модами, раз нет у него материала, — сказал А. Б. — Пусть вам пойдет в прок, я найду материал. Его вполне хватит на троих, есть и подкладной материал, — сказал товарищам я. Они очень обрадовались. Мы сообщили портному, что располагаем необходимым материалом и обещали доставить сюда завтра. Хозяин дома очень хотел знать, какую модель мы выбрали, но мы объяснили ему, что временем совершенно не располагаем, произнесли всем нам знакомое слово «Ауфвидерзеен» — и вышли из мастерской.

Патруль еще был на месте. Мы поблагодарили их по-итальянски и поспешили к себе в лагерь...

Глава девятнадцатая

Разоружили и генерала Клыч-Герия

Заметив, что генерал Солтан Клыч-Герия и его трое спутников направились в сторону нашей общины, я немедленно расстался с товарищами и поспешил к себе. В расположение общины мы прибыли одновременно. Они завернули в сторону повозки нашего прежнего старосты (там уже стояло значительное количество людей). Генерал поприветствовал присутствующих, подал руку каждому из них и, как принято на Кавказе, осведомился о житье-бытье

собравшихся и о их здоровье. Генерал был печален и задумчив. Его лицо, лишенное прежнего задора и улыбки, говорило о том, что у него на душе не спокойно. Он повернулся к нашему бывшему руководителю Кады и сказал:

— Я не нахожу слов, чтобы выразить вам все чувства глубокой благодарности за уважение и оказанную мне честь. Пусть Аллах благославит вас также, как и я. Сердца и мысли наша едины, да поможет нам Аллах. — Он снял со своего плеча ремешок, на котором висел маузер и обернув его вокруг деревянной кобуры, протянул его Кады. Это был тот маузер, серебряной рукоятью которого любовались все. Генерал обнял Кады и сказал:

— Этот маузер представляет для тебя большую ценность, так-как некогда принадлежал твоему старшему брату Джатдаю. Он был им награжден за отвагу, проявленную на Балканах, когда служил в частях «Дикой дивизии». Вручал ему эту награду я лично вот этими руками. Это было во время первой мировой войны. Потом, когда Джатдай вернулся на Кавказ, у одного мастера покрыл рукоять маузера серебром. Когда Джатдай погиб, маузер был при нем... Спустя двадцать пять лет маузер оказался в моих руках именно на тех же Балканах. Разве это не воля Аллаха? Я ради уважения к тебе, Кады, не хотел расстаться с этим драгоценным оружием, но к сожалению, это уже не возможно. Согласно распоряжению штаба английских войск мы должны сдать этот маузер. Выхода у нас никакого нет, надо подчиниться. Сдавай его сам своими руками. Вот, собственно, причина моего появления здесь, — сказал генерал печально, часто моргая глазами и вытирая рукой слезы. Когда я увидел это трогательное зрелище, мурашки пошли по спине. Все, кто окружал генерала, были очень опечалены этим событием и стояли, словно у тела близкого покойника. Держа маузер на вытянутых руках, Кады сказал:

— Дорогой генерал, если маузер подлежит обя-

зательной сдаче, какая разница, какое имеет значение, кто его сдаст — вы или я? Очень жаль. Видно плохи наши дела, — Кады тоже опустил голову.

Генерал Клыч-Гери вновь заговорил. Он обратился к Кады со словами:

— И черкеску, и пояс, и шапку, которые ты мне подарил, пришлю завтра. Сказать за все это только одно спасибо — слишком мало. Но это все, чем я могу отблагодарить тебя.

— Что такое вы говорите, дорогой генерал. У меня есть полная кавказская форма. Вы просто обижаете меня. — Кады замолчал, не зная что еще ему говорить. Потом, несколько успокоившись, продолжил: — Прошу вас садиться. Сейчас нам подадут что-нибудь перекусить.

Генерал поблагодарил Кады, сказал, что очень спешит и начал прощаться. И тут один из стариков подошел к генералу и спросил:

— А разве так можно? По обычаю. Хотя бы попили что-нибудь... На это-то хватит времени, я надеюсь.

— Если бы мы находились на Кавказе, я с превеликим удовольствием выпил бы чашку вашего чудесного айрана. Много его попил, будучи когда-то на Кавказе. Что может сравниться в мире с горами и айраном Карачая? Что делать, надо идти, друзья мои, там меня ждет человек из штаба англичан.

— Дорогой генерал, мы доставили закваску до Альп и делаем айран. И горы, и трава здесь очень схожи с природой Карачая, поэтому и напиток получается очень вкусным. Попробуйте, пожалуйста, — сказал старик. Рядом стояла девочка лет пятнадцати и держала поднос на вытянутых руках. На подносе белой шеренгой стояли заполненные свежим айраном граненные стаканы.

Клыч-Гери приласкал девочку, погладил ее по голове, и взяв стакан, стал пить айран мелкими глотками. Он опорожнил стакан, попросил повторить еще и сказал:

— Пусть Аллах воздаст вам должное. Сколько лет прошло с тех пор как я в последний раз пил айран... Но благодаря вам я вновь вкусил прелесть этого райского напитка. Здоровья и благополучия вам, мои дорогие горские братья. — Он тепло попрощался, забрал Кады с собой и покинул территорию нашей общины. Разошлись и мы, не задерживаясь больше здесь.

Слух о том, что англичане запретили ношение единственного оружия — маузера главе Северо-Кавказской колонии, известному генералу Солтану Клыч-Герию скоро распространился по всему лагерю.

Прибыв в свой «двор», я рассказал нашим об этом малоприятном событии, поужинал и погнал своих лошадей на водопой, чтобы потом попасть их на лугу. Мой постоянный партнер по табунским делам находился уже на пастбище и сидел под деревом, как обычно, прислонившись к стволу. Он, как всегда был заворочен течением Драу, любовался ее волнами, слушал ее шум как колыбельную песню. Проходя мимо, я громко позвал его, но он, по-моему не услышал меня. Я поднял камень с кулак, метнул его в волну прямо против него. Звука удара он не услышал, но увидел брызги на волне и оглянулся.

— Я давно жду тебя. Не зная куда себя девать, сел здесь около берега и, убаюканный шумом реки, чуть не заснул, — сказал он, будто оправдываясь.

— Видимо, ты опять вспомнил наши бурные кавказские реки — Кубань, Чегем, Терек или думал о нашей непростой и не легкой судьбе? — спросил я его вполне серьезно.

— Я вижу, ты опять шутишь со мной, но я действительно думаю о положении, в котором мы оказались, о времени, о месте, где мы очутились, о происходящих сейчас нерадостных событиях — о тревоге и страхе, охвативших всех. И чем все это кончится Аллах знает. — Он грустно улыбнулся и

спросил: — Сегодня что-то не видно было тебя. Где пропал?

Я в двух словах рассказал ему, как мы ходили в село, как там встретились с портным и сказал:

— Материала у нас хватит. Тебе тоже надо освободиться от этой пестрой одежды.

— Спасибо большое. Кто из нас не хотел бы освободиться от этого? Но во что бы одеться? Если действительно есть материал, надо шить, времени у нас хоть отбавляй. Успеем. Но я по твоему лицу вижу, что не костюмные заботы гложат твою душу. Ты сегодня совсем не такой, каким обычно бываешь. В чем дело? Может поделишься? — Он выжидательно смотрел мне в глаза.

— Ты угадал, — сказал я ему и подробно рассказал о генерале Клыч Герие, о его приходе в нашу общину и о диалоге, который состоялся между ним и Кады. — Плохие вести ты принес мне, дорогой друг. Если даже генералу запретили ношение оружия, — это конец. Генералу, которого лично знает фельдмаршал Александер! Похоже что они готовят расправу над нами.

— Ничего теперь не сделать, то что было, уже прошло, ничего назад не вернешь, — сказал я. — не надо вешать головы. Будем думать о том, что следует делать впредь, искать выход из создавшегося положения.

— Ты совершенно прав, но о каком выходе может идти речи, если мы находимся в загоне. Кругом патрули, охрана. Страна чужая, ни близких, ни знакомых, куда податься. Надо сперва точно выяснить, что они собираются с нами делать и сообразно с этим действовать. Вся надежда на тебя. Поразведай, расшифруй их замыслы. И подумай, как это сделать. У тебя голова варит лучше наших, — сказал Баксанец, не поднимая головы.

— Алан, не слишком ли ты переоцениваешь мои возможности? Мы сидим здесь и морочим себе головы всякими небылицами, а они делают свое дело,

как им выгодно. Вначале говорили нам, что считают нас политическими беженцами, а в результате превратили в своих пленных. Почему? Да потому, что с политическими беженцами мороки много: надо одеть, обуть, кормить, представить жилье, обеспечить работой. А с пленными проще... Теперь ты понимаешь их политику? И отобрав оружие у старого генерала, они недвусмысленно подтвердили это: мы все — молодые, старики, женщины и дети — все являемся английскими пленными. И поступят они с нами только как со своими пленными. Это уже факт!

— Первый вопрос ты разъяснил мне основательно и точно, — сказал мне Баксанец. — Остается ответить на второй: что они собираются делать с нами? Теперь о портном. Надо пошить костюмы и сбросить с себя эту румыно-немецко-итальянско-русскую одежду. Оденешь меня сироту — Аллах смое твои грехи...

— А какие у нас есть грехи? — спросил я его. — Грехи совершились над нами и мы бежали от грешных людей. Давай договоримся так: завтра в восемь утра заступают на патрульную службу наши знакомые англичане. В половине девятого приходи к мосту и мы пойдем к портному. А сейчас давай двинемся к чечено-ингушским братьям. К ним в это время собираются и остальные представители Кавказа. Послушаем мнение и наших братьев, — сказал я и решительно встал с места...

Глава двадцатая

Северо-Кавказская колония

В Северо-Кавказскую колонию входили в основном пять общин: Адыгейская, Балкарская, Карачаевская, Кабардинская и Осетинская. Поскольку чеченцев, ингушей и дагестанцев было сравнительно

мало, они самостоятельных общин не имели и вливались в состав тех общин, где они имели более или менее близких знакомых и друзей. Эта колония организовалась в 1943 году на Украине и ее численность тогда составляет около двух тысяч человек. Сейчас на берегу Драу она приблизилась к семи тысячам человек.

В те дни, когда мы появились в долине реки Драу, к нам стали стекаться люди, освобожденные из плена, угнанные на работу в Германию, те, кто отбилсЯ от своих частей и те, кто служил в легионах. Большинство из них состояло из чечено-ингушских, дагестанских одиночек, из которых была и создана отдельная группа. Они не были связаны заботой о транспорте (повозках, лошадях и т. д.) как это имело место у нас...

Мой друг Баксанец владел как выше было сказано, чеченским, аварским, адыгейским и осетинским языками, пользовался у этих народов авторитетом и очень гордился этим.

Визит свой, как и договорились, мы начали с чечено-ингушских братьев. Мы застали группу парней, которые, поставив с двух сторон огня два удобных камня, и воодрузив на них небольшой плоскодонный котел, что-то верили. Собственно, это «что-то» можно было определить по обильному запаху, который исходил от кипящей посуды.

Увидев нас, парни встали все как один. Мы поприветствовали их первыми, как это принято обычаем (приходящий или проходящий первым произносит слова приветствия: «Ассалам алейкум»). Они радушно и настоятельно пригласили нас присоединиться к ним. Все мы сели у «очага».

Один из них, парень лет тридцати и, видимо, старший по группе, обратившись к одному из своих земляков, распорядился, чтобы гостям (то есть нам) было уделено должное внимание. Тот встал с места и, повернувшись к нам, спросил:

— Чай, или кофе? Что вы желаете?

Баксанец ответил на чеченском и сказал что-то такое, которое вызвало у обоих искренний смех, он повернулся ко мне и тихо сказал:

— Я жил среди чеченцев и ингушей, ты знаешь. Эти народы очень обязательные и очень порядочные. Пожалуй, на Северном Кавказе равных им в этом отношении никого нет. Посмотришь, они угостят нас чем-то более популярным в наше время, чем чай.

— Мне только кофе, а ты что хочешь, — ответил я строго, хорошо понимая на что намекает Баксанец.

Пока мы чаевали и разговаривали о том, о сем, подошли два чеченца, которых мы ждали, поприветствовав нас, они сели рядом и один из них сказал:

— Как хорошо, что мы встретили вас здесь. Я намеревался придти к вам вечером, чтобы узнать, что делается в мире. Ведь именно ваши общины являются источниками всех новостей. — Он улыбнулся и посмотрел на Баксанца.

— Новостей особых у нас нет, кроме того, что генералу Клыч Герию предложили сдать оружие. Собственно, он его уже сдал... Может слышали?

— Да. Мы только что слышали об этом. В общем-то это не совсем хорошее предзнаменование. Мы только что встретились с какими-то людьми, которые ходят по лагерю в поисках добровольцев ехать на войну с Японией. Что-то творится непонятное. Надо, по-моему быть готовыми к всевозможным неожиданностям. — На этот раз чеченец посмотрел на меня, явно желая услышать мое мнение.

— Да, о мобилизации людей на японскую войну мы тоже слышали. Не смогли только узнать, чья это инициатива — русских или англичан. Если их агенты рыскают у нас в лагере, — надо вытурить. Довольно кровопролития, довольно ненужных жертв. Сегодня лично был свидетелем разговора генерала с нашими людьми. Его словно подменили. Он, очевидно, знает что-то такое, что грозит ему

лично или нам всем. По крайней мере его вид говорит о том, что наступил какой-то перелом не в нашу пользу, — ответил я.

Только я закончил говорить, как к нам подошли мужчины с какими-то бумагами в руках. Они поприветствовали нас, мы ответила им.

— Милости прошу, садитесь, пожалуйста, — пригласил их чеченец.

— Благодарим вас. К сожалению, не располагаем временем. Нам поручено записать лиц, желающих ехать на Восток для участия в боях против японской армии. Если есть среди вас таковые, записывайтесь. Мы обязаны сдать списки руководству, — сказал один из агитаторов.

— Садитесь, зачем спешить, тем более в таком деле. «Торопливая река не доходит до моря», говорят в народе. Послушаем, что и как, — сказал им тот же чеченец. Гости сели. Чеченец спросил: — Кто вам вручил эти бумаги и что конкретно поручено вам?

— Помните человека в гражданском костюме, который дважды приезжал сюда с английскими офицерами? Того, кто в совершенстве говорил и на русском и на немецком языках. Говорят, что он поляк. Так вот поручение давал нам именно тот гражданский, — ответил один из агитаторов.

— Ребята, — сказал молчавший до сих пор Баксанец. — Я очень сомневаюсь, что вы пришли сюда с благими намерениями. Вы полагаете, что армий не хватает для переброски на Восток? У союзников войск предостаточно. Не хватает? Пусть берут у Югославии, Болгарии, Чехословакии, Польши. И этого мало? Пусть гонят туда остатки немецких армий, вооруженных до зубов — они с удовольствием поедут. Мобилизация солдат среди горстки беженцев — это чистейший блеф. Почему этим мероприятием не занимается официальный орган — штаб англичан? Почему этим делом занимается поляк? Кто его уполномочил мобилизовать солдат на но-

вый фронт? Так вот он такой же поляк, как я папа Римский. Это агент русской разведки и имеет задание вывести отсюда как можно больше людей под любыми предлогами, а потом действительно отправить на Восток, но только не на войну с Японией, а в Сибирь.

Воцарилось гробовое молчание. Агитаторы сидели, понутив головы.

— Знаете, друзья мои, что бы я хотел подчеркнуть? Мы, кавказцы, особенно северо-кавказцы, горячий народ. А это до добра не доводит. По своей горячности мы действуем быстро и опрометчиво. У нас не хватает терпения обдумать свой шаг как следует, предвидеть последствия этого шага. Стоит кому-то крикнуть «Ура!» и мы бежим, не думая, куда и зачем. А результат? Неоправданные действия, жертвы, кровь, горе и слезы. Вот и результат. Все эти вещи нам знакомы давно, с ними мы продолжаем сталкиваться и сейчас. И давайте подумаем не спеша хоть сейчас. У нас есть колония, а у колонии руководители, есть и общины со своими руководителями. И, если это мероприятие по записыванию добровольцев носит официальный характер, то пусть английское командование и поручит нашим руководителям составить эти самые списки. Еще раз повторяю: если это задание исходит от «поляка», а не от англичан, то те, кто попал в эти списки — верные кандидаты на каторжные работы в Сибирь. Надо ликвидировать списки и спасти ребят.

Тот из троих, который держал в руках готовые списки, швырнул их в огонь. Вспыхнули бумаги быстро, горели они не долго, но ярко.

— Надо впредь быть осторожными и рассудительными, — сказал в заключении своей длинной речи чеченец.

Пользуясь установившимся «затишьем», я решил тоже высказать свое отношение к обсуждаемой проблеме.

— Если есть у вас время и желание выслушать, я хотел бы добавить ряд своих замечаний, — начал я. Все обратили на меня внимание. — Все мы понимаем, что вокруг нас сгущаются тучи. Они скоро закроют солнце над нами. Они поступают и поступят с нами так, как им заблагорассудится. Нет сегодня более удобного места и более подходящей аудитории, чем здесь, чтобы поговорить откровенно, прийти к конкретным выводам и принять неотложные меры для выправления создавшегося положения. Так называемая запись добровольцев является своеобразным ситом, через которое они решили пропустить нас. Мы не должны позволить им делать этого. Мы должны настаивать на своих правах, как политические беженцы. Мы бежали не от своих народов и земель, не от нашей любимой родины, а от режима, который установил диктатор Сталин, от самого Сталина, который руками НКВД уничтожил наших отцов и братьев. Мы никогда не изменяли своей Родине и не подлежим ни преследованию, ни наказанию. Но на наш поступок и Сталин, и его подручные «энкеведисты» смотрят другими глазами, и дай им возможность, они запрут нас всех и взрослых, и детей, и стариков, и женщин в лагерь без суда и следствия. Что необходимо, на мой взгляд, сделать? Первое. Ни в какие списки не записываться. Второе. Не поддаваться ни на какие провокации. Третье. Любыми способами: подкупом, угрозой, уговором, чем хотите, но надо уходить отсюда при первой же возможности. И последнее. Любые новости, направленные против нас, должны передаваться друг другу незамедлительно, как по телеграфу. С одиночками все может решиться значительно легче: в случае необходимости одиночка может бежать и ему не трудно затеряться в огромном мире. Значительно сложнее обстоит дело с семейными. Мы, мужчины, всем миром должны постоять за наших стариков, женщин и детей. На сегодняшний день это самый главный вопрос —

постоять за себя и отстоять свою свободу любым путем, — сказал я, и был удовлетворен тем, что высказал свои мысли полностью.

— Спасибо. Все сказано взвешенно и справедливо. Я полностью согласен с тобой и готов помочь, не жалея сил. Все в наших силах, если будем бить в одну точку и подчиняться одному руководству. Есть ли на сегодняшний день какое-нибудь конкретное решение, которое надо выполнять немедленно? — спросил чеченец и посмотрел на меня, ожидая ответа.

— Нет, — ответил я. — По крайней мере мне ничего не известно. Единственное решение, которое мне представляется реальным, это разъезжаться и разбегаться, пользуясь каждым возможным случаем. Повторяю, при первом же возможном случае. Сегодня я и двое моих товарищей, пользуясь знакомством с патрулями, выходили за пределы колонии, ходили в горы, побывали в одной деревне и, поразведав все, вернулись обратно. В общей сложности мы отсутствовали два часа. И вот что мы установили: там такие же места, как у нас на Кавказе. Густой лес, где можно спрятаться, заброшенные домики и сараи, которыми можно воспользоваться, обильная трава, где можно пасти лошадей и другой скот, вода... Этим я хочу ответить на вопрос: «Куда бежать?» Могут найтись и другие варианты, но одно ясно на сегодняшний день — оставаться здесь и ждать — это гибель. Изъятием оружия у старого генерала они сказали нам все. Итак, единственный выход — это уход. И чем раньше, тем лучше. Вот, пожалуй, и все. Теперь думайте и решайте, — сказал я, обращаясь ко всем сидящим.

Глядя на них, я чувствовал, что надавил на нужную кнопку. Здесь присутствовали почти все представители национальных общин. Правда их было не так уж много (по одному-двум представителям), но это практически никакого значения не имело. Важно было то, что хватало на то, чтобы распространить

нашу идею. Я глубоко верил, что идея ухода распространится быстро и сослужит многим добрую услугу.

День был уже на исходе. Золотой свет солнца давно покинул нашу долину и поднимался все выше и выше, предупреждая нас, что скоро совсем исчезнет с нашего поля зрения. Тем, кто имел лошадей или другую живность, пора было думать о них. Считая наш разговор завершенным, мы все встали, поблагодарили хозяев за гостеприимство, тепло попрощавшись, разошлись.

Высказавшись на нашем сходе, я несколько успокоился. Но не надолго. Вернувшись к себе, я вспомнил все события дня и вновь расстроился. Больше всего меня шокировало душевное состояние главы нашей колонии генерала Клыч-Герия.

Наши все были в сборе. Я слышал приятный запах сушеного мяса, исходившего из только что снятого с огня котла. Сушеное мясо. Эта исконная пища кавказцев всегда выручала нас и мы на протяжении трехлетнего путешествия старались заготовить его где только это было возможным. И вообще мы старались беречь, как зеницу ока, все, что связывало нас с Кавказом: и блюда наши, и обычаи и привычки, и предметы обихода. Мама сохранила даже конфеты, которые дала ей на дорогу ее мать, то есть моя бабушка. О, бедные и великие наши матери!.. В этом, в нашей запасливости, сказывается, видимо, наша история, когда мы испытывали нужду во всем, боролись с этой бедой и приучили себя иметь все необходимое на «черный день». Я не встречал семью в нашем народе, у которой не было бы такого запаса. Я побывал во многих странах мира, повидал образ жизни многих — и малых, и больших народов, но ни один из них не запасается «на черный день». И ни один из этих народов, с которыми я сталкивался в жизни, из зарезанного барашка, например, не готовит так много блюд, как наш народ: шашлыки из ребрышек, сохта, джерме

из внутренностей, шорпа по-чабански, тушенка по-чабански, печень с курдюком, котлета по-карачаевски, хычин, жаркое по-карачаевски, головы, языки в тузлуке и многое, многое другое...

Видимо, мои воспоминания о карачаевских мясных блюдах вызвал аппетитный запах сушеной баранины, которую начали вытаскивать из котла, я сел поближе, чтобы скорее приступить к ужину.

Мама посмотрела мне в глаза и сразу прочитала, я в этом не сомневаюсь, все содержимое моего сердца. О, наши милые матери!

— Ты, сын, я вижу, занимаешься и тем, что надо, и тем, что тебя не касается. Ты отнимаешь покой у себя и нам покоя не даешь. Разве не видишь своих сверстников, которые живут нормально, поют, танцуют, веселятся, вовремя едят, вовремя спят. Им ничто нипочем. И правильно делают. Все в руках Аллаха. Он сохранил нас до сих пор, не забудет про нас и в дальнейшем. Прежде чем попасть в могилу, человек должен видеть все, что ему отведено судьбой. Много не думай. Что суждено нам, то и увидим, — сказала мама, стараясь успокоить меня.

— Мама, я совершенно спокоен и ничто на свете, как ты полагаешь, не тревожит меня. Просто я немного устал и тебе кажется, что я переживаю. Ничуть, мама, — сказал я, глядя прямо ей в глаза и улыбаясь.

Не одобряя слишком нежные взаимоотношения между мной и мамой, один из сидящих у очага упрекнул:

— Гулистан, до каких пор ты будешь баловать его? По-моему, он достаточно уже взрослый, чтобы не знать, чем ему следует заниматься и от чего отказаться. Зря ты так беспокоишься. Ничего такого он не делает, чтобы ты тревожилась.

Я мысленно благодарил его за поддержку, ибо его слова, как мне показалось, окончательно успокоили маму.

Один из старших заметил:

— Я, например, думаю, что ходить без забот, без дела, петь и танцевать сейчас не время. Всем нам надо думать о дальнейшем устройстве нашей жизни. Мы же не цыгане, чтобы жить в таких условиях. Ни один здравомыслящий человек не должен сидеть, сложа руки. — Чувствовалось, что он это сказал в поддержку моих действий.

Я все-таки решил держаться линии матери, как-то отвлечь ее и весело предложил:

— А почему, собственно, не петь, не веселиться? Давайте я вам спою, а вы будете подпевать. Что вам угодно исполнить: «Белошея», «Лунощекая», «Цветок», «Кемисхан», «Бийнегер», песню арестантов? Что хотите! Я готов. Исполню вам любые песни и старинные, и современные. Только закажите. — И не ожидая заказа, начал петь песню о девушке с белой шеей. И тут началось невероятное. Собрались к нам соседние группы и пели, пели допоздна. Эти песни переносили нас отсюда на Кавказ и мы с грустью вспоминали прожитое там время.

Не знаю, кто как, но мать была очень довольна и слушала песни с величайшим вниманием.

Мама вдруг встала, подошла к котлу и сказала:

— Очевидно эти песни напомнили вам Кавказ. Сейчас я вас угощу кавказским мясом. — Она принесла сахан (поднос) и начала извлекать из большого котла душистое мясо, разжигая наш аппетит. Мяса сварила она много, будто чувствовала, что и едоков будет не мало...

Некоторые начали отказываться от угощения, ссылаясь, что поужинали только-что, но мама сказала, как отрезала:

— Когда еда подана, не попробовать ее нельзя. Это считается неприличным. Это мясо сушилось в нашем родном Карачае...

Все знали, что по своим вкусовым качествам мясо карачаевского барашка высоко ценится в мире, и с удовольствием принялись за еду...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

С какой поспешностью они ушли...

— Вставай, опаздываем! — крикнул кто-то над моим ухом и я моментально проснулся. Солнце поднялось уже высоко, доказывая, что я проспал больше положенного.

— Ведь мы договорились собраться у моста в девять тридцать, — сказал мне С. Ц., стоя у моей постели.

— Ты оказывается спишь мертвым сном, — упрекнул меня А. В.

Мы все пошли на берег реки, умылись и привели себя в порядок.

— Куда вы так спешите? Сперва поешьте — я приготовила калмыцкий чай, на подносе хлеб, масло, сыр...

— Мама, мы вчера ходили в село и договорились с портным пошить костюмы. Пожалуйста, достань материал, который я купил в пути. Мы должны захватить его с собой.

Мама поднялась в повозку и начала рыться в вещах, суетиться. Видя, что мама моя волнуется, С. Ц. сказал:

— Гулистан, вы не торопитесь, ищите спокойно и приготовьте к нашему возвращению. Мы сегодня пойдем и снимем мерки, а завтра отнесем материал. Нам опаздывать нельзя, мы пойдем, здесь любят пунктуальность.

— Идите и, пожалуйста, будьте осторожны, — сказала мама, выглянув из повозки.

Проходя по лагерю, мы заметили, что против обыкновения у штаба нашей колонии собралось значительное количество людей. Любопытства ради мы завернули к ним.

Увидев нас, один из старших оторвался от группы и пошел нам навстречу. Мы поприветствовали друг друга.

— Очень хорошо, что вы пришли сюда. Только что был здесь представитель английского штаба. Он сказал буквально следующее: «Все руководители Северо-Кавказской колонии, старшего и среднего чина, должны быть готовы к встрече с фельдмаршалом Александром. Сбор ровно в одиннадцать ноль-ноль. Речь там будет идти о дальнейшем устройстве вашей жизни. И вообще фельдмаршал хочет поближе познакомиться с вашим руководством».

Мы осыпали его вопросами, но он уклонился, сказав, что ответы на все эти вопросы привезут участники совещания, которые вернутся к вечеру.

— Что говорит генерал Клыч-Гери по этому поводу? — спросил я.

— Он страшно расстроен. Его удивляет срочность и неожиданность намеченного совещания. Он спросил у англичанина, — Почему такая срочность и почему не предупредили заранее? И почему должно ехать все руководство? Разве не достаточно ехать одному-двум человекам от руководства общин? В ответ англичанин сказал лишь коротко и сухо, что ему приказано доставить к фельдмаршалу все руководство. Не сказав больше ни слова, он сел в свой «Джип» и уехал. Генерал Клыч-Гери тут же позвонил казацкому генералу Краснову. Оказывается на это совещание приглашены и русские генералы. Узнав об этом Клыч-Гери несколько успокоился.

— Кто присутствовал при этом? И вообще, кто приходил в наш штаб и какое приняли решение? — спросил я нашего собеседника.

— Сейчас у штаба были все руководители общин, которых туда созвал генерал Клыч-Гери. Решено оповестить об этом свои общины. Как же еще можно принять решение? Ехать или не ехать каждый решит сам. Каждый теперь отвечает только за себя.

Закончив разговор на этом, он вернулся к собравшейся у штаба группе людей; мы направились к английскому патрулю за разрешением сходить в село Иртшен.

В поведении охранявших нас солдат никаких перемен мы не обнаружили. Никто на нас даже не обратил внимание. Мы свободно пересекли шоссе и по грунтовой дороге направились в село.

Я вспомнил, что с нами должен был идти Баксанец.

— Друзья мои, идите дальше сами. Я немного подожду здесь Баксанца и мы придем следом за вами, — сказал я и отправил их в село. Сам я вернулся к месту, где мы условились встретиться с Баксанцем, но там его еще не было. Я подождал десять, двадцать минут, полчаса, но Баксанец так и не пришел. Я понял, что он не придет и с чувством какой-то необъяснимой тревоги отправился в деревню.

Я очень скоро добрался до дома портного и постучал в окно. Мне открыла дверь приятной наружности женщина и сказала по-немецки:

— Гутен таг!

Я ответил на ее приветствие.

Мы попробовали объясниться на немецком, но она поняла, что я ее почти не понимаю, перешла на итальянский. И хотя она владела итальянским не лучше меня, мы кое-как поняли друг друга.

— Ваши друзья в мастерской, заходите, пожалуйста, — сказала она, указывая на дверь и уступая мне дорогу.

— Грацио, — сказал я и вошел в дом.

Портной снимал мерку с А. Б. Он ответил на мое

приветствие и указал на стул, приглашая сесть. Когда подошла моя очередь, портной пригласил меня. И тут С. Ц. сказал:

— Мы оба решили ехать на совещание. Если ты такого же мнения, подождем. Если же ты не хочешь ехать, то мы пойдем, успеем как раз во-время.

— Я туда, конечно, не поеду. Но и вам не советую. Не надо туда ехать. Не такие уж мы большие шишки. Что мы там, что нас там нет, — погоды не меняет и никто на это не обратит внимание. Чем быть обшарпанным львом в чужом доме, лучше сидеть у себя сытым котом. Будь на вашем месте, я не только не ехал бы туда, а вообще не вернулся бы и в нашу колонию, — убежденно объяснился я с ними.

С. Ц. очень удивился, услышав мое заявление и наставительно сказал:

— Не нравится мне твое подозрительное отношение к англичанам. И вообще ты себя ведешь как-то странно. Не лучше ли ехать и все услышать собственными ушами, увидеть своими глазами, чем ходить и расспрашивать каждого встречного. Ты как хочешь, но мы едем. Это наше твердое решение. Советуем ехать и тебе.

Я понял, что они непоколебимы в своем решении. Они были значительно старше меня и доводились близкими родственниками и поэтому я чуть было не уступил им.

Злая судьба торопила их и даже не попрощавшись как следует, они, словно бабочки к огню, помчались к месту сбора. Несчастные, они не знали, что расстаемся мы навсегда...

Как только они скрылись с глаз, я почувствовал себя так, будто кто-то отрубил одну из моих конечностей. Я как-то обмяк и опустил голову.

Почувствовав, что со мной происходит что-то неладное, портной подошел ко мне поближе и уставился в мои глаза.

Как я мог почувствовать тогда, что расстаюсь с

друзьями навсегда, какая неведомая внутренняя сила могла задержать от поездки я не понимал и не понимаю до сих пор.

Портной тщательно обмерил меня, проверил свои записи.

— Даст бог, кто-нибудь из нас завтра принесет сюда материал. Скажите пожалуйста, сколько будет стоить ваша работа? — спросил я.

Он назвал цену. У немцев не принято торговаться, как это делается у итальянцев. Цена называется приемлемая и изменению не подлежит. Торговаться у них считается неприличным.

— Грацио. До встречи завтра, — сказал я портному и, пожав ему руку, отправился в обратный путь.

Но, к сожалению, в этот завтрашний день нам не суждено было встретиться. Мы вновь встретились с портным спустя тридцать пять лет, когда я приехал из Америки в Иршен по делам установления монумента погибшим. Видимо за это время мы изменились изрядно, т. к. не сразу узнали друг друга...

Преодолев значительное расстояние от села, я остановился, взобрался на бугор у дороги и начал наблюдать и изучать, что делается в нашей колонии. Колония напоминала мне встревоженный муравейник. Люди сновали туда-сюда, бегали, спешили. Среди них были наши руководители, которые торопились на «совещание», не ведая, что они уже преданы.

Около штаба стоял ряд крытых автомобилей, в которые спешно рассаживалось наше начальство.

«Неужели это правда, — думал я. — Ведь в годы наступления Антанты фельдмаршал Александер с одной стороны и генерал Клыч-Гери, Краснов и Шкуро с другой воевали против Советской власти. Таким образом они, как единомышленники, должны быть связаны идейными и дружескими узами. Не может быть, чтобы сейчас затеивалось что-то недоброе. Не может же быть так, чтобы такие люди, как

они, забыли друг друга, потеряли уважение и доверие!», — Такие вполне объективные соображения успокаивали меня.

Неожиданно и одновременно зашумели моторы и машины тронулись с места. Как только машины скрылись из виду, из-за поворота выскочили военные грузовики. За считанные минуты они достигли колонии и из них высыпали вооруженные автоматами солдаты. Их было много. Они оцепили нашу колонию плотным кольцом. По шоссе начали курсировать вооруженные пулеметами танкетки. За два часа, прошедших с утра, все изменилось вокруг, все пришло в движение. Я уже явно чувствовал, что случилось непоправимое. С появлением огромного количества английских солдат, плотно оцепивших нашу колонию, стало совершенно очевидным, что англичане лишили нас нашего руководства, изолировали их, чтобы поступить с нами так, как им заблагорассудится.

Я находился в оцепенении, ноги перестали слушаться меня, но я, пересиливая себя, двигался вперед, спешил в свою общину, в свой «двор», к своей маме, зная, что там сейчас я очень нужен.

Когда я, наконец добрался до шоссе, мимо меня проскочили около десяти десятитонных военных грузовиков. Спереди и сзади их сопровождали машины с конвоем. Мне показалось, что я услышал русскую речь среди конвоиров, но утверждать это точно не мог, потому, что это я услышал сквозь шум моторов десятков машин. Выждав момент, когда они проскочат, я пересек шоссе и направился в лагерь. Англичане смотрели на меня изучающе, но ничего не сказали. К моему великому удивлению, у самого шоссе на бугорке неподвижно стоял А. Д. и тревожно оглядывался, как загнанный зверь. Между тем мимо нас проскочил еще ряд машин с конвоем.

— Ты что делаешь здесь? Разве не видишь, кто проезжает мимо? Ты понимаешь куда они направляются? — спросил он меня.

— Вижу. И понимаю, что к нам нагрянула большая беда. Я только что вернулся из села, — ответил я ему.

— Какого черта ты сюда вернулся? Разве ты не видишь, что мы окружены? Имей крылья и то не вылетишь отсюда. Даже тот берег Драу охраняют, видишь. Они хотят исключить и переправу через реку. Бедное наше начальство! Ты бы видел как они суетились и спешили на свою погибель. Как дешево они их купили. И двое твоих друзей поехали с ними, хотя их никто не неволил. «Какого черта вы едете, воздержитесь», — уговаривал я их, но не тут-то было. Уехали.

Его рассказ перебил гул моторов. Загруженные людьми машины проскочили мимо нас одна за другой. Из одной из них нам крикнули: «Бегите, нас продали Сталину! Бегите!».

— Ты слышал? — спросил я у А. Д., не веря своим ушам.

— Слышал... слышал. Случилось то, чего мы так боялись, — ответил он убитым голосом, и сорвался с места: он побежал в сторону своей повозки.

Я тоже побежал к себе. Когда вошел в свой «двор», меня встретили криком и плачем. Это была страшная встреча. Кто стоял в обнимку, прощаясь друг с другом со слезами на глазах, кто лежал на земле в обмороке, кто-то приводил его в чувство, кто-то бежал, не зная куда. Безвинные дети, совсем не понимавшие, что делается, тоже плакали вместе с родителями. Старики беспомощно и молча смотрели на страдания людей...

В это время мимо меня проскочила повозка. Я оглянулся и увидел И. Б. — одного из моих самых близких друзей. Я быстро нагнал его и крикнул:

— Куда бежишь, эй алан! Подожди и толком объясни, что случилось!

Он придержал коней и ответил:

— Сам не знаю толком, куда я бегу. Но надо бежать отсюда и как можно быстрее. Недавно тут

провезли казаков под конвоем. Они кричали: «Бегите, нас предали! Бегите, нас предали Сталину!» это мне передали люди, которые слышали предупреждение казаков собственными ушами.

— Друг мой, не торопись и не лезь на рожон. Предупреждение казаков я тоже слышал, но надо действовать обдуманно.

— Но разве ты не видишь, что кругом творится? Если крик казаков слышал сам, почему у меня спрашиваешь «Что случилось?»

— Все я вижу и все знаю. Но не понимаю, почему ты мчишься в сторону Драу?

— Человек, который прожил три недели на одном месте, обязан изучить окружающую местность, что я и сделал. Теперь хочу разведать можно ли переправиться через Драу, — ответил мне А. Д.

— Ты и плавать умеешь, может и так переправишься. А что делать тем, у кого семья, дети. И у тебя есть семья. О переправе через Драу забудь. Тот берег тоже охраняется солдатами. Лучше не трать время, вернись и будем искать другой выход, — посоветовал я ему.

Он повернул обратно и я вернулся в свой двор.

Обстановка во дворе еще более обострилась. Теперь женщины и дети плакали хором, мужчины старались успокоить их, но это было уже бесполезно. При виде этого у меня сердце разрывалось на части. То там, то здесь мужчины, стоя группами, громко говорили, перебивая друг друга. Я решил примкнуть к одной из групп и послушать, на что решаются люди.

Весь разговор, который довелось здесь услышать, сводился к одному единственному вопросу: «Как и куда бежать?» И все как один атаковали нашего прежнего руководителя — Кады. Тот стоял молча, не произнося ни одного слова, потом вытянул руку в сторону гор, давая знать, что именно там наше спасение и ушел.

Казалось бы все было уже ясно, но разговор все

равно не утихал; одни говорили, что надо подождать с побегом. Возможно, крики казаков просто провокация, устроенная англичанами для выявления не лояльных к ним лиц. Другие советовали ждать возвращения руководителей, уехавших на «совещание». Третьи утверждали, что руководители уже за решеткой и надеяться нужно только на собственные силы. Эти последние были близки к истине и я был на их стороне.

Спустя два часа после отъезда наших руководителей на «совещание», у штаба колонии заговорил громкоговоритель. Он оповещал всех, что всем взрослым мужчинам необходимо собраться у штаба. Через некоторое время туда собралась значительная группа людей и я в том числе.

Все тот же английский офицер поднял руку и сказал нам следующее:

— Северо-кавказцы! Ваше начальство мы сдали Советскому Союзу. В течение трех-четырех дней мы сдадим и вас самих. Поддерживайте установленный режим. Те, кто будет нарушать режим, пытаться бежать, будут расстреляны на месте! Вы окружены достаточным количеством войск, чтобы обеспечить надежную охрану. Не причиняйте лишних хлопот ни себе, ни нам. Все равно все ваши попытки окончатся крахом. У нас есть твердая договоренность с Советским Союзом. Согласно подписанному соглашению вы должны быть возвращены как граждане Советского Союза. Мы обязаны выполнить наши обязательства! — последние слова он подчеркнул, повысив голос.

— Мы не русские! Почему вы путаете нас с ними? Мы кавказцы! И религия и язык у нас разные. И образ жизни тоже! Мы политические беженцы, бежавшие от коммунистических головорезов! Вы продались им! — кричали присутствующие на перебой, но англичанин не обратил на это ни малейшего внимания, сел в свою машину и уехал.

Все, кто питал хоть маленькую надежду на луч-

шее, понял окончательно, что судьба каждого из нас зависит теперь только от нас самих. Было решено, что мы разойдемся по общинам и примем неотложные меры для спасения нашего положения, наших жизней по существу...

Глава вторая

Продажный день — 28 мая 1945 года.

Дата 28 мая 1945 года вписала горькую страницу в судьбу северо-кавказских беженцев, которые в этот роковой день оказались в центре Европы в руках английских оккупационных войск. Этот день остался в нашей памяти как день предательства.

У каждого из нас этот день оставил свой след: и горе, и слезы, и обида. Мы были печальны, угрюмы и подавлены. Тяжкая доля досталась семьям тех, кто обманным путем был приглашен на «совещание», кто поехал туда в легкой летней одежде, кто не сумел сказать своей семье, своим близким последнее «прости» и исчез бесследно. Это было не только трагедией их семей, но и нашим общим горем.

Все попытки успокоить их какими-нибудь обнадеживающими выдумками не имели ни малейшего успеха. Они хорошо понимали, что случилась непоправимая беда. Все презирали англичан за их сделку. На такую бесстыдную ложь и предательство не были способны даже известные органы ГПУ и НКВД.

Англичане показали нам свое истинное лицо, накрыв нас внезапно с помощью самого наглого беспардонного обмана. Все они организовали так неожиданно и хитро, что мы некоторое время находились в шоковом состоянии.

Несколько опомнившись от нанесенного страшного удара, я стал понимать, что дорога каждая секунда. Я пришел к твердому выводу, что любой

ценой, пусть самой дорогой, мы должны бежать и незамедлительно. У жизни имеется две стороны: рождение и смерть. И у нас оставалось два пути: первая вернуться назад и отдать себя в руки коммунистам, вторая — двигаться в обратную сторону.

Было ясно: нужны смелость, решительность и отвага! Говорят смелый умирает один раз, трус — тысячи раз. Сам я неоднократно испытывал это и имею достаточно много фактов в своей биографии, когда смелость выручала меня от смертельной опасности. Бессмысленная смерть — глупость. Но смерть ради достижения святой цели — подвиг. Надо уходить! Хватит того, что мы отдали своих руководителей для жертвоприношения. Надо уходить, надо спастись! Но куда податься — вот главный вопрос, который терзал мою голову.

Англичане сняли свои маски. Беженцы, которые терпели много бед за двадцать пять лет существования коммунистического строя и надеялись на защиту за рубежом, столкнулись с предательством англичан и их жестокостью. Да, сотрудники НКВД арестовали людей, проводили массовые репрессии, но арестованному разрешали брать теплую одежду, продукты питания. Позволяли прощаться с семьей, сказать прощальные слова детям. А как поступили англичане? Они повторили методы фашистов. До сих пор я считал, что такую изощренную ложь можно встретить только в сказках...

Беженцы были в переполохе. Говорят, утопающий за соломинку хватается. Так и здесь. Хватались за любой совет, за любую рекомендацию от кого бы это не исходило. Были даже такие, которые надеялись на что-то, закрывали глаза и не хотели видеть очевидных вещей. Как интересна природа человека!

В конце концов общины на своем объединенном сходе решили так; обратиться с письмом к Папе Римскому, к президенту США, к королеве Англии, к королю Саудовской Аравии, к премьеру Турции, к

руководству Красного Креста и Красного Полумесяца... и отправить эти письма телеграфом. Было решено также:

1. Развесить вокруг Северо-Кавказской колонии траурные флаги.

2. Вывесить всюду лозунги и плакаты с разъяснением обстановки, с призывами к объединению.

3. Всему лагерю объявить голодовку. Отказаться от получения продуктов.

4. Направить депешу командующему 8-й английской армии фельдмаршалу Александру.

Составление текстов телеграмм, писем было поручено наиболее грамотным и зрелым людям колонии. Эти люди сразу взялись за дело и работали, не покладая рук. Готовые тексты срочно передавались английскому командованию для немедленной отправки. Но ни на одно ответа получено не было. Мы ничего не знали даже о том, отправлены ли наши документы адресатам.

Мы все ждали с нетерпением, с надеждой ответа или какого-то изменения обстановки в лучшую сторону. Но очень скоро многие из нас потеряли эту надежду и все больше стали думать о горах и лесах, видя в них единственный путь к спасению. Я сам принадлежал к их числу.

Говорят Аллах сказал так: «Если ты упорен, я тебе помогу». Упорством достигаются многие цели, я это испытал в своей жизни.

Сердце мое не хочет верить, что исчерпаны все выходы из создавшегося положения. Насколько разные люди сами по себе, настолько же разные их судьбы. Люди, которые «опускают крылья» и говорят: «Все кончено, видно, судьба такая» и перестают бороться, мне отвратительны.

Я не слышал, тем более не видел, чтобы Аллах принес кому-нибудь что-то и сказал: «На бери». У русских есть мудрая поговорка: «На бога надейся, но сам не плошай». Жизнь — это борьба, утверждают философы. Раз так, надо бороться, а если надо

будет, и драться, чтобы отвоевать право на жизнь, надо убрать все преграды с пути...

Итак, по моему глубокому убеждению при нынешней обстановке оставался только один путь к спасению — это горы и леса. И я решил привлечь к исполнению этого замысла некоторых из своих друзей.

Проходя мимо повозок, я видел группки людей, которые, рассевшись около тусклых потухающих огней, печально разговаривали, что-то предлагая, о чем-то споря. Каждый теперь говорил осторожно, взвешанно, остерегаясь своего соседа — настало такое время, когда благодаря англичанам, мы все меньше доверяли даже друг другу.

У некоторых повозок не было видно ни огня, ни людей. Лишь из-под тентов был слышен безутешный плач женщин и детей — это были повозки наших арестованных руководителей.

Проходя мимо этих печальных зрелищ, я дошел до «границы» балкарской общины и перешел ее. Тут я направился прямо ко «двору» моего балкарского друга Баксанца. То, что он утром не явился к условленному нами месту, сильно беспокоило меня. Его не оказалось на месте. Другие балкарцы сообщили мне, что он ушел утром рано и не вернулся до сих пор. Никто не видел его и среди уехавших на «совещание». Я забеспокоился еще сильнее. Что могло случиться с ним? Уехать добровольно в Россию он не мог — я это знал совершенно точно. Не поехал он и с руководством. Тогда где же он может быть? Может он знал все, что нас ожидает, прямо с утра и покинул лагерь? «Где бы он ни был, пусть Аллах поможет ему», — сказал я сам себе, попросился с балкарцами и взял курс к общине осетинов.

Увидев меня, один из друзей Терка побежал мне навстречу и сказал:

— Я думал, что ты тоже уехал вместе с Терком, — не дожидаясь моего вопроса, он дал мне страшный ответ. Значит и Терк тоже за решеткой!

— Какое несчастье, боже мой, — сказал я, — он всегда предостерегал меня от опрометчивого шага, а сам не уберется. Видимо, вот это и есть госпожа судьба!

— А, какая разница, — махнул рукой друг, — сегодня их, а через два-три дня нас. Всем один конец. Англичане ведь предупредили, что и нас бросят в пасть крокодила. А ты, ваши вообще, что думаете?

— Дорогой брат, думать теперь не о чем и некогда. Если ты спрашиваешь мое личное мнение, я скажу: надо бежать в лес, в горы. Лично я поступлю только так! — сказал я, указывая на горы. Мы крепко обнялись и расстались.

Когда я, наведавшись в адыгейскую и кабардинскую общины с целью изучения обстановки вернулся, луна уже была в зените и освещала ровным матовым светом оба склона ущелья Драу.

Я почувствовал, что в нашей общине, кроме детей, никто не спит, но движение людей резко уменьшилось. Лишь единицы сидели у костров и молча передвигали догорающие головешки. Свет костров точно отражал портрет обреченного, беспомощного, бездомного, безродного и лишенного родины человека на лицах этих людей.

Среди одной из таких групп я услышал голос своего друга и направился к ним. Но разговор тут же прекратился. Я обратился к своему другу, назвав его имя, и сказал:

— Я не из тех, кого надо бояться. Можно к вам в гости?

— Алан, это ты? Извини нас и присаживайся! Очень хорошо, что ты пришел.

Я подошел, поприветствовал всех и сел. Мой друг продолжал прерванный диалог:

— Надо быть осторожным. Среди нас есть случайные, не знакомые нам люди, причина появления здесь которых находится под вопросом. Могут быть провокации, другие неожиданности. И главное, дер-

жите языки за зубами, не давайте пищи для предателей.

— Он совершенно прав, — сказал один из сидящих. — Если позволите, я хочу сообщить вам одну новость.

— Говори, говори! — настояли сидящие.

— Однажды я пошел искать одного ингуша, с которым служил в Красной Армии и содержался в одном концлагере немцев. Иду, оглядываясь по сторонам, и вижу знакомое лицо. Мы встретились взглядами. Я сразу вспомнил его, так как, повторяю, почти два года служили вместе в Красной Армии. Это был кумык из Дагестана.

— Мустафа! Какими судьбами здесь? — крикнул я от радости и бросился к нему, чтобы обнять.

Он отпрянул от меня и холодно сказал по-русски:

— Не пойму, что вы говорите. Вашего языка я не понимаю. Видимо, вы обознались. — Сказав мне это, он покраснел.

Я понял, что он не хочет, чтобы его признали.

Я тоже ответил ему по-русски:

— Извините. Я ошибочно признал в вас одного презренного идиота, с которым доводилось служить в Красной Армии целых два года.

Человек, который сидел с ним рядом, заметил:

— Мало ли похожих людей среди трех миллиардов человек, населяющих нашу планету.

Очень скоро я нашел своего ингушского товарища и рассказал ему об этом эпизоде. Он удивился не меньше меня. Мы решили еще раз посмотреть на этого типа и пришли к тому месту, где я его увидел. Но он исчез. Мы искали его всюду — безуспешно. Исчез, как в воду канул. Мы сразу поняли, что это подосланный в наш лагерь агент НКВД. Думаю, что их среди нас не единицы.

— Враг всегда действует разными методами. Может подослать своих агентов, может натравить нас друг на друга. Это нормальное явление: так

было, так продолжается, так и будет впредь. И, если мы сейчас собрались здесь, чтобы найти выход из создавшейся обстановки, давайте не отвлекаться, а искать этот выход, — сказал один из старших. — Времени у нас мало. Надо действовать быстро и наверняка. Прошу высказать свои предложения.

— Неужели нет ни одного ответа на наши телеграммы и письма? Говорят, что где-то совсем рядом находятся представители Красного Креста и Красного Полумесяца. Они хорошо знают, что мы отказались от получения продуктов и объявили голодовку. Они знают, что среди нас есть беспомощные дети, женщины и старики. Должно же быть проявлено какое-то чувство милосердия. Может, подождем немного. Может, не нужно торопиться, делая рискованный шаг, — сказал один человек вполне зрелого возраста. — Может быть сделают какую-то сортировку и уберут из нашего лагеря тех, кто не является выходцем из России и путается среди нас. Должна же быть какая-то справедливость!

Один из моих друзей резко возразил:

— Извините, пожалуйста, что перебиваю. О какой справедливости вы тут говорите? Нет больше веры англичанам? Они показали нам то, что мы не видели ни в действиях ВЧК, ни в действиях НКВД. За три года своего тяжелого путешествия тоже не видели такого кощунства. Ни одному слову, ни одному обещанию англичан я теперь не поверю! Никто теперь нам не поможет, кроме самих. Надо избавиться от беды самим и как можно скорее.

— Я согласен с тобой. Нам нечего ждать. Надо бежать в горы, — сказал кто-то сзади.

Мы все единогласно согласились с ним: бежать в горы.

— Только так! Только в горы, — автоматически включился я в разговор, — Это единственный путь. Тем, кто не имеет семью, большого труда это не составит. Труднее будет тем, у кого семья, женщины, дети, старики. Но надо бежать всем. Кто-то

проскочит благополучно, кто-то попадетя в их руки. Что поделаешь, у каждого своя судьба. Но лучше погибнуть части людей, чем всем без исключения. Горы здесь такие же, как и наши. Много в них дичи, животных, прокормимся до наступления лучших времен. Не надо бояться преследования, прочесывания. Горы мы знаем лучше, чем англичане и там мы будем чувствовать себя как дома. Сегодня необходимо, я считаю, сделать следующее: проскочить к реке Драу и найти броды, поставить там ориентиры. Установить наиболее слабоохраняемые зоны лагеря. Подготовить каждому ремни и веревки, что бы с их помощью осуществить переправу людей, не умеющих плавать. Надо учесть буквально все.

— Все сказано абсолютно верно. Возражений против такого предложения нет. Жаль, что осложнилось дело с семейными. Вывезти их и тем более переправить через такую реку, как Драу, почти невысмыслимо. — Это была истина и мы все задумались.

— Кто знает, может повезет и семьям. Надо попробовать. «Попытка не пытка» говорят русские. И Аллах обязательно поможет, — сказал человек, сидевший весь вечер, не проронив ни слова. Он это сказал с такой уверенностью, будто точно знал, что нас ждет успех.

— Мы должны договориться сейчас о двух неременных условиях, — сказал тамада. — Первое. Все, о чем договорились сегодня, остается внутри нас под строжайшим замком. Никому ни слова. Второе, все подготовительные работы должны быть завершены завтра до семи часов вечера. В это время собираемся здесь. Всем понятно? Тогда расходитесь. Спокойной ночи. Да поможет нам Аллах!

Мы попрощались и быстро разошлись по «домам».

Видимо, до утра оставалось не больше двух-трех часов — ущелье уже не освещалось луной. Я тихо вошел во «двор». Ни души на ногах. Почти не

раздеваясь, плюхнулся в постель. Знаю, что мама не спит. Но таких матерей, лишенных сна, сегодня очень много. Все они заняты сейчас думами, заботами о своих детях. Бедные наши матери. Бедные дочери несчастного народа!

Мама тихо подошла ко мне, прикрыла одеялом, нагнулась, поцеловала меня и, оставив на моем лбу свои слезы, так же тихо отошла. «Эх, моя бесценная, милая мама!» — захотелось мне крикнуть на весь мир, выскочить, поднять ее на руки и плакать вместе с ней. Но я сдержал себя, укрылся с головой и заплакал тайно под одеялом. Чувствовал, что слезы режут глаза как острие бритвы. Видимо, им просто пришла пора отдохнуть.

«Надо отдохнуть и им, и мне, — рассуждаю я, уже засыпая. — Предстоит настоящая мужская работа — борьба за жизнь. Но без силы победы не будет, а без сна и отдыха силы тоже не будет. Спать, спать»...

Глава третья

Черные флаги

«Выходите получать продукты!» --- извещал репродуктор и я проснулся. Судя по тому, что верхушки гор уже были освещены солнцем, было около восьми утра. Я быстро оделся, повел лошадей к реке Драу на водопой. Дав им напиться вволю я, как обычно, разделся по пояс и умылся, наслаждаясь прохладой воды. Освежившись, я почувствовал во всем теле прилив сил. Пустив лошадей на вольный корм между повозками, я вернулся во «двор». Мама давно позаботилась о завтраке и мы собрались к столу. Как я говорил выше, в нашей объединенной семье насчитывалось шестнадцать человек. За столом сегодня оказалось только четырнадцать. Двое мужчин отсутствовали. Две постели пустовали со

вчерашнего дня. Это были постели Ц.С. и А.Б. Мы все знали, что они уже за решеткой и помолились Аллаху, перед тем, как дотронуться до еды. Мне было очень жаль этих несчастных не только потому, что они были моими близкими друзьями и родственниками, но и в силу того, что за ними не числилось никаких преступлений с точки зрения НКВД, за что бы их следовало заключить за решетку. В народе говорят так: «Собака всегда бежит за скачущей лошадей». Так и с ними получилось: поехали руководители, поехали и они ради любопытства, но в качестве сопровождающих. Вспомнив их, мне захотелось плакать, но я, сдержав слезы, сел за стол.

— Ты слышал объявление «глашатая»? — спросил тамада за столом.

— Слышал. Надо получить продукты. Они нам очень нужны...

— А ты знаешь, что принято решение объявить голодовку всей колонией и бойкотировать получение продуктов?

— Знаю, — ответил я. — Но это не разумно. Если мы откажемся от продуктов, тем лучше англичанам. Кого разжалобит наша голодовка? Такой чепухой их не напугаешь, это не те люди. Нет у них гуманных чувств. Мы же еще вчера предупредили их, причем в письменной форме, что мы объявим голодовку. А кого забеспокоило это? Может они прислали врачей побеседовать с нами, уговаривая, что этого делать не надо? Ничего подобного. Мы поступим, конечно, как и все, но, уверяю, ничего не изменится. Как я слышал, лагерь кишит агентами, надо быть на чеку и лишнего не болтать. Надо быть готовым к побегу. А беглецам очень нужны продукты, особенно в горах, — подчеркнул я последние слова.

Кругом и вдоль шоссеиной дороги, вдоль железнодорожной линии и со всех сторон колонии были вывешены черные флаги, над самым штабом коло-

нии висел плакат, где на английском языке большими печатными буквами было написано: «Мы являемся беженцами от коммунистического режима, созданного Сталиным. В течение 25 лет наши отцы, деды, братья подвергались систематическим репрессиям! Нас ожидала такая же участь и мы бежали. Сжальтесь над нами, над стариками, женщинами и детьми! Избавьте нас от сталинского террора!»

Такие или подобные плакаты были вывешаны на самых видных для англичан местах. Они были написаны на английском, русском и немецком языках.

По-прежнему во многих группах и общинах проходили сходы беженцев. Очень многие из собравшихся еще надеялись на что-то хорошее. Это чувствовалось по характеру разговоров, полных споров и разногласий.

У нас в народе говорят о незадачливых охотниках: «Медведь стоит прямо перед ним, а он ищет его следы». Так было и здесь: всем совершенно открыто было сказано, что через три-четыре дня нас сдадут Советской стороне, а народ ждал какого-то другого решения, надеясь на помощь вывешенных флагов и плакатов, на помощь отправленных писем и телеграмм.

Мы ходили на львов, брошенных за железную решетку и беспомощно грызущих неподдающиеся их зубам металлические прутья...

В одной из балочек, среди группы деревьев кто-то ковырялся в гнилом дупле старого дерева. Внимательно посмотрев, я узнал в нем своего друга и окликнул. Он отозвался и я подбежал к нему. Поздоровались.

— Похоже, что ты не бездельничаешь в такой глуши, копаясь в дупле дерева, а что-то прячешь, друг мой.

— Ты угадал. Есть такая красавица, которую зовут Надеждой. Так вот эта самая Надежда живет рядом с нами аж до самой смерти, поддерживая наш дух. Эта наша самая преданная подруга, на

которую мы всегда надеемся даже перед казнью, когда петля веревки уже надета на шею. Я сюда спрятал кое-что такое, что пригодиться нам, если останемся в живых. Я это сделал, отдавая свою судьбу в руки этой госпожи Надежды. О надежда, Надежда! Какая неслыханная титаническая сила в твоих руках. Каждый человек со дня своего совершеннолетия, если не раньше, и до своего последнего дыхания живет твоим именем!

— Правильно, что надеешься и правильно делаешь, что прячешь, — сказал я, одобряя его поступок.

А он совершенно неожиданно сказал:

— Есть у меня сногшибательная новость и думаю, что ты ей очень обрадуешься.

Я насторожился, весь напряжился как перед прыжком, сердце забилось часто-часто. Я уставился ему в глаза и ждал следующих слов.

— Ты помнишь парнишку из группы «кукурузников», шустрого и веселого такого? — продолжил он. — Да, ты его хорошо знаешь! Так вот этот парнишка познакомился с одним очень порядочным солдатом и рассказал ему подробно, кто мы, почему здесь оказались и что нас ждет. Солдат заинтересовался его сообщением, походил по лагерю и, увидев плачущих женщин и детей, опечаленных мужчин сказал: «Вам нужно бежать. Я помогу». Он разрешил ему сходить ночью в село и вернуться. Мальчик, конечно, воспользовался такой добротой и сходил в село, погулял там и вернулся. Ну каково? Что ты скажешь?

— Именем Аллаха благодарю тебя за эту новость. И весть у тебя хорошая, и решение твое правильное. Я тоже собираюсь бежать. Мне немедленно надо встретиться с этим мальчиком. Будь здоров, — сказал я ему поспешил в сторону лагеря «кукурузников», то есть Джегутинцев.

Мальчика я нашел не сразу. Ему было около четырнадцати лет, но он был довольно рослый кре-

пыш. Светловолосый, с карими пытливыми глазами и недавно пробившимися усиками он резко отличался от своих сверстников. Но самая отличительная черта этого юноши заключалась, пожалуй, в том, что он был не по годам серьезный и смысленый, отличался уважительным и тактичным отношением к старшим, преданной дружбой со сверстниками, что снискало ему большую популярность и авторитет среди старших и младших.

Выходцев из аула Джегута мы обычно называли (шутя, конечно) «кукурузниками» за то, что жители этого аула получали небывалые урожаи кукурузы и пекли хлеб главным образом из кукурузной муки. В общине «кукурузники» поселились вместе, образовав свою семью.

Когда я вошел в их «двор» (окруженный тоже повозками), у огня сидели пятеро мужчин. Мальчика, которого я хотел увидеть, тут не оказалось. Я поприветствовал мужчин и объяснил им цель своего визита. Старик, возглавлявший группу, пригласил меня к «очагу», сказав:

— Подойди, парень, сядь с нами и расскажи какую-нибудь новость. Проказник, которого ты ищешь, спит вон под тем деревом. Бродил где-то ночь и пришел только под утро. Его сейчас разбудят.

Я подошел и сел.

— Новостей у меня никаких нет. Напротив, я пришел к вам за новостями, причем очень хорошими, которыми располагаете вы. Я узнал, что мальчик не просто бродил где-то, а выходил из зоны, сходил в село и вернулся. Это же здорово!

— Вот и сам проказник явился, пусть расскажет. Мы об этом слышим впервые.

Чувствовалось, что паренек совсем не выспался, но нашел в себе силы вытянуться и приветствовать нас. Тамада предложил нам сесть (я вставал, чтобы ответить мальчику на приветствие, как положено по обычаю). Мы сели.

— Ты извини меня, мой друг, — обратился я к юноше, — это по моей просьбе разбудили тебя. Услышав, что ночью тебе удалось выйти из лагерной зоны и сходить в село, я пришел убедиться в точности этих сведений и спросить тебя, как это тебе удалось. Это очень важно, понимаешь?

— Как вы можете извиняться передо мной? Потребовалось — разбудил, это же нормально, — сказал паренек улыбаясь. — С тех пор, как мы сюда попали, я дружу с одним английским солдатом. Видимо, мне помогло в этом знание языка, ведь я проходил в школе английский и владею им, как утверждают, довольно сносно. Мы встречались с ним почти каждый день и болтали о том, о сем. Он интересовался Кавказом, образом жизни его жителей, я в свою очередь Англией. Вчера он застал меня в слезах и спросил о причине. Я рассказал ему все-все, что нас ожидает. Он очень сильно расстроился, думал долго и сказал: «Беги, если хочешь, я помогу». Он мне показал, где, на каких участках будут стоять часовые с часу ночи и до пяти утра. Он дал мне план расстановки охраны, нанесенный на бумагу. Вот посмотрите, — сказал он вытаскивая бумагу из кармана. — Я свободно ходил в течение двух часов.

— Спасибо тебе, дорогой мой братишка. Это все очень хорошо, но у меня есть к тебе вопрос: это разрешение, как я понимаю, касается только тебя одного. А как быть остальным? И еще. Всегда ли твой друг дежурит в одно и то же время?

— Я спрашивал и об этом, — ответил юноша, — он может пропустить любого с часу до трех ночи, но просил, чтобы это мы сделали тихо, без шума.

— Твоим сведениям просто цены нет, мой друг, — сказал я ему.

— Что бы мы могли сделать, если бы не ты? Ты открываешь путь к свободе многим, очень многим несчастным. Аллах поможет нам выкарабкаться отсюда. — Я еще раз взглянул на план, хоро-

шо запомнил расположение постов и вернул его юноше.

— Пусть остается у тебя. Он мне совершенно не нужен. Я и так все помню, — сказал он, отказываясь от плана.

— Нет, ты возьми его обратно и показывай кому находишь нужным. Надо помогать и другим. Потом люди будут вспоминать тебя с благодарностью. — Я вернул план юноше и попросившись со всеми, поспешно ушел к своим. Радости моей не было предела и я мчался «домой» как на крыльях. «Не узнаешь откуда придет избавление! Разве это не помощь Аллаха, о существовании которого мы иногда забываем? Эта помощь ниспослана Аллахом не только карачаевцам, а всей Северо-Кавказской колонии». — рассуждал я на ходу.

Юношу, с которым я только что расстался, иногда ласково называли «Аланчиком», имея в виду, что и он и все мы карачаевцы и балкарцы являемся потомками древних аланов. Так вот не раз я был свидетелем того, как такие «аланчики» выручали от неминуемой беды. В том числе на пути до берега Драу.

Как только я добрался «домой», отвел маму в сторону и рассказал ей все, как есть. Долго думала она, прежде чем мне ответить. Но, наконец, твердо сказала:

— Должны бежать вы, мужчины, и только. Женщины, старики и дети вам будут мешать! Ясное дело, всех подряд они не пропустят. А если будем бежать гурьбой, начнут преследовать, поймают и растерзают всех нас. Бежать надо только мужчинам. Беги ты сам, никого не нужно неволить. Пусть каждый поступает так, как находит нужным. Конечно, я это говорю с болью в душе, зная, что, если мы сейчас расстанемся, то уже никогда больше не встретимся. Мы трое остающиеся подчинимся воле Аллаха, как он рассудит, пусть так и будет. Правда, я очень боюсь, что меня разлучат с Мукулисмой, но меньших не отнимут наверняка.

Мы долго стояли молча, будучи не в силах смотреть друг другу в глаза.

— Надо торопиться и готовить тебя в путь, — сказала она уверенно и направилась к нашему фургону. Я последовал за нею. Не доверяя мне, она сама начала упаковку моего рюкзака. Делала она это спокойно, будто отправляет меня на курорт. Собирая меня в путь, она положила в рюкзак самое необходимое из вещей и провизию...

Когда рюкзак был уже упакован и завязан, я вынес его во двор. Я взял маму под руку, снова отвел в сторону и, показывая на одно из трех деревьев, которые росли у нашей повозки, сказал:

— Все ценное, что есть у тебя, особенно запас продуктов, зарой вот под этим деревом. Ребята помогут. Останемся живы --- пригодится.

Занимаясь всем этим, мы не могли тогда предполагать, что расстанемся не навсегда и что мы будем иметь счастье жить вместе в течение двадцати восьми лет!

Начали готовиться к побегу и мои товарищи. Под предлогом посмотреть, на месте ли лошади, я вышел со «двора» и прошелся по лагерю, чтобы разведать обстановку. Ни у кого из людей, которых я встречал, ни улыбки на устах, ни веселого задора в глазах — все, как один были похожи на арестантов, закованных в кандалы.

По пути мне встречались и те, кто записался в список желающих вернуться на Родину. Среди них и Энвер Ботдаев. Будучи по положению одним из руководителей, он тем не менее не поехал на «совещание» к фельдмаршалу Александру. Энвар был в превосходном настроении, доказывая тем самым то, что отстал от руководства не случайно и что ему это подсказали агенты НКВД (своего ума не хватило бы у него на такую предусмотрительность). Он к нам явился в чине лейтенанта РОА с двумя медалями на груди. Рассказывал нам, что являлся Героем Советского Союза, но попал в плен, поступил в РОА и

уже воевал против Красной Армии, был ранен, лежал в Берлинском госпитале. И будто после излечения его направили к нам в колонию. Но ни одному его слову я не верил.

Сегодняшнее его настроение свидетельствовало, что я в нем не ошибся и что он является одним из агентов советской контразведки. Я увидел и таких, кто смотрел на него с презрением. Видимо и они уже догадались кто он есть такой на самом деле.

Я все еще ходил по лагерю и всех тех, кому доверял, предупреждал о необходимости немедленного побега, давал необходимые инструкции и шел дальше. Среди встреченных мною единомышленников имелись такие, которые были готовы бежать, но сомневались в успехе. Их смущало незнание языка, обычаев местного, чужого нам народа, незнание местности. Что было им ответить? Они были по-своему правы. Кроме того, в такой сложной обстановке надо было действовать осмотрительно, не настаивая, не принуждая людей делать только то, что ты считаешь нужным. Брать на себя ответственность за их судьбу и гарантировать им полный успех было рискованно. Перед нами, решившими бежать, стояла неизвестность с двумя вариантами — жизнь или смерть — и с этим надо было считаться...

...Точно в условленное время мы собрались вместе. Все благодарили «Аланчика» за то, что он нашел нам путь к спасению. Поскольку с «Аланчиком» встречался только я, надо было еще раз объяснить товарищам, где и как нам следует двигаться, чтобы успешно вырваться на волю.

Видя, что мы взволнованы и суетимся, один из старших поторопил нас:

— Времени у нас мало. Надо спешить. Кому из нас удастся вырваться сегодня, должен ждать остальных. И главное, надо поддерживать надежную связь как между собой, так и с колонией. Важно, чтобы мы продержались неделю. А там обстановка покажет, как нам следует действовать дальше.

Мы крепко обнялись с теми, кто оставался пока на месте и двинулись в путь...

Глава четвертая

В какое проклятое время мы родились

Я вернулся к своей повозке, чтобы попрощаться с мамой, с сестренками, взять рюкзак и вернуться к товарищам. Я весь дрожал как в лихородке. Все мое существо сопротивлялось и тянуло меня назад, а внутренний голос говорил: «Как это так ты бросаешь свою мать, малолетних сестреночек на произвол судьбы в центре Европы, в глубоком ущелье? Разве для того ты оберегал их от холода, зноя и голода долгие три года, что бы потом бросить и уйти? Что бы спасти собственную жизнь? На кого ты их оставляешь, кто теперь станет им опорой? Разве ты не бросаешь их в пасть крокодила, говоря: «На, бери!». О, Аллах в какое проклятое время мы родились. Лучше бы я не видел этого света! О, Аллах! Почему ты натравил англичан на нас?»

Я еле передвигал ноги, боясь приблизился к своей повозке. Тот, кто сам не испытывал муки той ночи, не в состоянии понять, что со мной творилось. И словами это невозможно передать. Пусть Аллах и врага моего не накажет таким горем!

Уже шел второй час ночи. Когда я подошел к нашему «двору», мама стояла у повозки, держа за ручки моих сестреночек. Все они плакали. Я знал, что меня ждут товарищи и что задерживаться мне нельзя. Волнение мое было так огромно, что сердце готово было вырваться из груди. Голова шла кругом, глаза ничего не видели. Я еле сдерживался, что бы не расплакаться и махнуть на все рукой. Но, собрав последние силы, я взял себя в руки, подошел к сестренкам, обнял, и припал к их мокрым глазкам.

Настало время прощаться с мамой. Не в силах смотреть в ее заплаканные глаза, я опустил свою голову на ее грудь. Она стояла молча, обняв мою поникшую голову. Я чувствовал, как ее теплые слезы струились по моим волосам.

— Уже поздно, — тихо сказала мама. — Не заставляй себя ждать. Пусть всем вам поможет Аллах! Не забудь взять свой рюкзак. — Я схватил рюкзак за лямки, крепко обнял мать, поцеловал ее в лоб и побежал...

Семеро моих единомышленников и я тихо ступая, двинулись в путь. Через охрану мы прошли благополучно и к рассвету добрались до густых лесов альпийских гор.

Из нашей общины убежало значительное количество людей и, видимо, они, как и мы, прятались где-то недалеко меж скал и кустарника или в лесах. Из других общин никто еще не бежал, хотя многие из них знали, что мы готовимся к побегу. Видимо, они еще находились во власти надежды. Особую пассивность проявила кабардинская община.

Я и мои друзья облюбовали узкую щель между двух высоких скал, заросших у подошвы густым кустарником и окруженных густым смешанным лесом. Наша колония отсюда была видна как на ладони. Я смотрю в бинокль, изучаю все, что попадет в поле моего зрения, но не вижу никакого необычного оживления среди колонистов и среди солдат, несущих караульную службу. Напротив, кажется, что сегодня англичане ведут себя значительно спокойнее, чем вчера. Я наблюдаю, как многим они разрешают сходить в село, обыскивая их для видимости. А возвращающихся в лагерь вовсе не замечают.

Я был убежден, что к ночи обстановка еще больше разрядится, охрана будет ослаблена и нам удастся вызволить и свои семьи. Я твердо решил вернуться в лагерь и забрать свою семью. Горе и радость будем делить вместе и я тем самым избавлю себя от угрызений совести. Надо еще раз испытать судьбу.

Кто знает может и на этот раз фортуна окажется на нашей стороне.

Решив поставить в известность своих друзей, я сказал им:

— Хочу вернуться в лагерь ночью и забрать оттуда мать и сестренку. Я дал клятву, что не расстанусь с ними и должен исполнить данное мною слово. Я покидаю вас. Нас ждет неизвестность. Вы, люди бессемейные, более свободны в передвижении, в выборе места обитания и образа жизни. У вас выбор большой. У меня дело посложнее и я не хочу быть вам обузой. Отныне каждый из вас волен в выборе своего пути.

Никто не промолвил ни слова.

Один из наших друзей тоже изъявил желание вернуться в лагерь, но с совершенно иными намерениями: он сказал, что хочет попасть в списки уезжающих на Родину и испытать судьбу там, у себя. Он заявил так же, что не хочет скитаться в горах и лесах на чужбине под страхом быть пойманным в любую минуту. Мы старались убедить, уговорить его, доказать ему не разумность такого поступка, но все было напрасно. Он упорно стоял на своем.

«Умиряющего и уходящего остановить трудно», — говорили наши древние Нарты. Мудрость этого изречения доказывало поведение нашего друга. Нам оставалось сказать ему: «Да благославит тебя Аллах. Счастливого тебе пути». Вот и все.

Но как не рвался он покинуть нас, всемогущей судьбе угодно было, чтобы он с нами прожил еще сорок четыре года и побывал во многих странах мира, но об этом поговорим потом...

Наш друг решил вернуться в лагерь сейчас, не дожидаясь вечера и он по-своему был прав. Я попросил его:

— Передай маме, что поздно вечером я приду за ними. Пусть соберет все крайне необходимые вещи в переметные сумки. Пусть оседлают двух лошадей и навьючат на них вещи. Все должно быть готово к

моему приходу, чтобы уйти сразу же, не задерживаясь.

Он трогательно, как настоящий друг, попрощался с нами и ушел обратно в лагерь.

Этот человек честно выполнил мое поручение. Когда я вернулся в колонию и пришел во «двор», все уже было готово, как я просил. Более того мама «навьючила» даже детей, снабдив каждую сестренку мешочком по ее возрасту. Она мне показала места, куда спрятала наши ценности.

Всем растерявшимся семьям я дал знать, что побег возможен и надо воспользоваться этой возможностью.

Узнав о том, что по сообщению английского штаба до отправки беженцев остается еще два дня, я совершенно успокоился. За эти два дня, следуя нашему примеру, могли спастись немало людей...

Глава пятая

Решение мое окончательно

Услышав, что я только что вернулся из леса и вновь собираюсь уходить туда, соседи прибежали ко мне, спросили меня кое-о чем, получили необходимые советы и ушли.

Тут же откуда ни возьмись, появился какой-то мальчик и сказал:

— Вас просит к себе Ер. Х.

Ер.Х. был из тех беженцев, которые начали свое жалкое, беспросветное путешествие с Кавказа и все время находились с нами рядом, пока не прибыли к берегам Драу. На последнем отрезке пути он сломал ногу и его тащили на носилках. Вчера ночью со мной бежали и его близкие друзья. Как мне рассказывали его друзья, он их благославил и сам настоял на том, чтобы они оставили его и спаслись сами. Я не понимал, что он хочет от ме-

ня, но, учитывая, что Ер.Х. прикован к постели, я пошел.

Он лежал внутри своего фургона. Я залез под тент и поприветствовал его.

— Спасибо, дорогой племянник, что пришел. Я много думал и принял окончательное решение, — сказал он мне. — Если ты когда-нибудь встретишься с моими близкими, передай им все, что знаешь обо мне. Если даже останусь жив, вернуться туда я не могу. Достаточно того, что я отбыл пять лет наказания на Беломорканале, коченея и воя от холода, как собака, сдыхая от голода, абсолютно безо всякой вины. На подобные скитания у меня уже нет сил. И я предпочел смерть здесь смерти там. Видимо, я утоплюсь в Драу.

— Как это так? — возмутился я. — Самоубийство — большой грех. Не дай Аллах, чтобы об этом услышал кто-нибудь. Я посажу вас на коня и заберу с собой. Там, в лесу, долечим ногу. — Но Ер.Х. был непоколебим.

— Мое решение окончательно. Иди. Да поможет всем вам великий Аллах! Не забудьте меня в своих молитвах, — сказал он и подал мне руку. Я пожал его руку двумя руками, залил его рукав своими слезами и, трепеща всем телом, с трудом сполз из фургона.

На следующее утро стало известно, что он в ту же ночь, после прощания со мной, утопился в реке Драу. Его вещи обнаружили утром, аккуратно сложенными на береговом камне.

Решив покончить с собой, Ер.Х. не думал о греховности своего поступка. Он ушел из жизни, и не потому, что не любил ее и не хотел жить. Он бежал уже не с Кавказа в Европу, а с белого света в иной мир, устав от режима, от гонений и репрессий, от духа сталинизма, чьи безжалостные щупальцы добрались уже и до реки Драу... Он стал первой жертвой, не устоявшей против темной силы...

Глава шестая

Расстреливайте нас здесь

Навьючив лошадей до предела, «навьючившись» и сами, мы гуськом отправились в путь. Проходя мимо повозок, я заметил знакомую девочку, которая с огромной для ее роста ношей на спине, стояла в стороне. Она была старшей в многодетной семье. Видимо, она поняла, что ее семье с многочисленными детьми трудно бежать и решила уйти сама. И, видимо, она ждала кого-то, с которым должна была бежать. Бедная, несчастная девочка! Она в темноте меня не узнала. Мои личные семейные заботы, сама обстановка, неизвестность, которая ожидала нас, не позволили мне сказать ей: «Пойдем», — и присоединить ее к своей семье. Черным кинжалом полоснуло мое сердце, оставив глубокие раны, весь я покрылся холодным потом.

Безвинное существо, которое стояло в полночь, с непомерно большим грузом на спине, ждало... ждало своего спасения. И эта безвинная горячочка осталась наедине с темнотой...

До сих пор судьба этой горячки тяжелым грузом лежит на моей совести. Я до сих пор не могу себе простить свой поступок, свою нерешительность взять девушку с собой. Как сложилась ее судьба? Жива ли. Или утонула в Драу? Может закончила свой жизненный путь, как многие ее соотечественницы в песках Средней Азии, или окоченела в Сибири? Кто знает. Но дай Аллах, чтобы она была жива!..

Не встретив никого из патрулей, мы благополучно пересекли шоссе и приступили к горному подъему. К рассвету мы достигли заветной цели в глубине леса, развьючили и расседлали лошадей. Рядом с местом нашей остановки оказалась поляна, покрытая пышной травой и мы пустили лошадей пастись.

Мы очень устали. Я понимал, что без хорошего отдыха никто из нас и шагу сделать не сможет, особенно дети. Словно птенцы, испугавшиеся яст-

реба в небе и спрятавшиеся под крылом куропатки, мы сидели под размашистыми плоскими ветвями огромной пихты, спрятавшись от постороннего глаза. Кавказские птенцы!

Не разобравшись в обстановке, бродить по чужой стороне опасно даже днем. Мы хорошо понимали, откуда нам удалось выкарабкаться и знали, что осторожность — неперемное условие нашей предстоящей жизни.

Итак, наше трехлетнее мытарство завершено. Теперь мы начинали не легкую, но свободную, независимую от чужих команд жизнь. Нам суждено было начинать эту жизнь в глубине альпийских гор. Если подняться на один-два километра выше, то можно было увидеть гнездовья куропаток и отары горных козлов. А еще выше — темные негостепримные остробокие скалы, бездонные пропасти, снега, ледники и лютый холод. Но делать там нам было пока нечего: в ясные дни там легко заметить не только человека, но даже летящего орла. А это никак не устраивало нас.

Для людей нашего положения главное условие — маскировка: не оставлять следов, говорить тихо, костров не разжигать, особенно ночью. Все это я подробно объяснил членам нашей семьи, дал необходимые наставления и в заключение сказал:

— Я должен спуститься вниз и забрать в колонии наши спрятанные вещи. Отдыхайте здесь, пока я не вернусь. — Не дожидаясь вопросов мамы, я встал и пошел вниз ускоренным шагом.

Первое, что я узнал в колонии, было то, что кабардинской общине было приказано быть готовым к отъезду на Родину к двум часам 30 мая. Община предупреждалась, что погрузка будет производиться во все машины одновременно и всякая задержка будет рассматриваться как нарушение режима.

Таким образом сегодня в два ноль-ноль состоится отправка кабардинской общины.

Кабардинцы видели, что почти все члены нашей общины, семейные и не семейные, уже убежали, они знали, что ни на телеграммы, ни на письма ответа нет, на наши плакаты и лозунги никто никакого внимания не обращает, голодающих никто не замечает. Они хорошо знали, что толку из всего этого никакого не будет и что настанет день, когда англичане начнут отправку людей в советскую зону. И тем не менее «сидели у моря и ждали погоды». Это были не глупые люди, но почему-то бездействовали. Безусловно они оказались под влиянием пропаганды, где говорилось, что в связи с Великой Победой Сталин всем все простил и никакому наказанию пленные подвергаться не будут.

Я взобрался на небольшое возвышение среди кустов и, приложив бинокль к глазам, наблюдал за кабардинской общиной. Стоял хороший ясный день. Солнце ярко освещало всю долину, подтверждая, что уже прошла половина дня. Время уже приближалось к двум. На шоссе уже стоял ряд крытых военных грузовиков, на которые должны были грузить кабардинцев. Рядом шныряли туда и сюда солдаты конвоя.

И в это время я увидел, как пришла в движение кабардинская община. Они все спешили к лужайке, что рядом с их повозками по непонятной для меня причине: по логике вещей они уже должны были двигаться к машинам, а не устраивать собрание. На лужайку подошло уже не менее 250—300 человек. Абсолютное большинство собравшихся — дети, женщины, старики. Все они тут же разделились на две группы. Выстроившись в два ряда и прислушиваясь к голосу стоявшего впереди муллы, старики начали свершать обеденную молитву — намаз. Женщины и дети, образовав свой круг, стояли в стороне обособленно. Потом мужчины сели на траву и начали петь молитву — зикир, к исполнению которой присоединились и женщины. Вокруг лужайки они повесили черные флаги и транспоранты. Их охраняла молодежь.

Я понимал, что никакие молитвы здесь не помогут и, что все это кончится плачевно, но помочь этим несчастным ничем не мог, потому что было уже поздно. И сердце мое разрывалось от обиды... что они так легко поддались агитации.

Ровно к двум часам к кабардинской общине подъехали трехтонные грузовики и, развернувшись, повернули задние борты к их лагерю.

Быстро сообразив, что здесь дело обстоит не совсем благополучно, глава охраны (как потом я установил, майор Грат) выскочил вперед и сердито крикнул:

— Мы предупреждали вас заранее, чтобы вы были готовы к погрузке ровно в два часа дня! Мы сообщили вам, что поедете в Россию! Разве вы не знаете, что русские — наши союзники? Нас просили передать вам, что Сталин простил вас. Не заставляйте ждать и рассаживайтесь в машины!

Все его слова переводил на русский молодой солдат, который стоял рядом с ним.

Один из стариков, одетый в великолепную кавказскую форму, с красивой седой бородой прервал свою молитву, встал и медленным, но полным величия шагом подошел к майору.

— Господин офицер, — обратился он к майору. — Пусть ваш переводчик доведет мои слова до вас. Вы видите, что и старики, и молодые, женщины и дети, все как один, молятся богу? — Он вытянул руку в сторону молящихся. — Вы говорите, что нам нужно вернуться в Россию, но ведь мы не русские! Мы все кавказцы и все мы мусульмане. И мусульман вы хорошо знаете. Мы, ни один из нас, против вас, англичан, ни одного шага не сделали. Мы раньше жили под гнетом русских царей, а потом оказались под гнетом Сталинского режима. Мы являемся беженцами от коммунистического ига. Мы искали у вас защиты и милосердного отношения.

Майор дальше не стал слушать старика, он что-то громко сказал и начал свое:

— Мы вам ничем не поможем! И предупреждали вас об отправке заранее! — он оттолкнул старика от себя и приказал солдатам: — Начинайте!

И в этот момент из группы кабардинцев буквально вылетел лет тридцати молодой человек и молниеносно очутился между стариком и майором.

— Вы нас отсюда живыми не увезете! Вам не удастся доставить нас к этому супостату Сталину! Вы глубоко ошибаетесь, господин майор, передавая нас в их руки! Лучше расстреливайте нас здесь!

Майор рассердился не на шутку и окриком преврал молодого человека.

— Хватайте их и бросайте в машины! — приказал он своим солдатам. Около 30—40 солдат кинулись исполнять приказ своего начальника. И в это время весь цвет кабардинской общины стеной встал между англичанами и своими соплеменниками.

Те кабардинцы, которых солдаты успели бросить в машины, выпрыгнули обратно. Тогда майор принял другую тактику. Он достал из своего «Джипа» кол и с размаху ударил по голове одного симпатичного молодого человека. Парень сразу свалился на землю. Из рта и носа потекла кровь. Его схватили и бросили в машину. Тех, кто выпрыгивал назад, солдаты жестоко избивали и бросали обратно. Скоро англичане смирили кабардинцев и загнали в машины.

Женщины, дети и старики уже не сопротивляясь, сами лезли в кузова. Когда все закончилось, их отвезли к железнодорожной станции, загнали в товарные вагоны для перевозки скота и заперли двери на замок.

На стенах вагонов было написано: «Советские граждане, возвращающиеся на Родину по собственному желанию».

Так первая партия нашей колонии — кабардинская община «кинулась» на «мягкую» грудь «великого» Сталина...

Глава седьмая

Собственные предатели

Английская комендатура была хорошо осведомлена, что мы партиями уходим в горы, но, казалось, не обращала на это внимания. Надо сказать прямо: тот, кто хотел бежать в горы, мог осуществить это безо всяких затруднений, особенно в последнее время. Командование англичан относилось к нам круто и безжалостно, но зато рядовой состав, несший караульную службу, проявлял к нам исключительную солидарность. Это доказывало, что именно младшие чины и рядовые больше сохранили гражданскую совесть, чем старшие. Видя как нас предают, они возмущались и покачивали головами. Если бы они не закрывали глаза на наши действия, ни одному из нас не удалось бы уйти в лес.

Но беда заключалась в том, что среди нас работали ставленники Сталина. Они совсем не прятались и действовали открыто. Они вели активную пропаганду против побегов, создали группы желающих вернуться на Родину и действовали через них. Руководил ими балкарец Энвер Ботдаев, человек невзрачный, но хитрый. И хотя наш побег англичан не особенно и беспокоил, Энвер Ботдаев информировал об этом делегацию Советской Армии. Узнав о наших побегах, глава советской делегации выразил протест английскому командованию.

Англичане народ опытный, особенно в таких делах: они умеют расколоть дерево деревянным же клином. Получив протест и зная, что сведения о побегах дает Энвер Ботдаев, они вызвали его в штаб, вручили оружие и сказали: «Вот тебе оружие, мы вооружим так же и твою группу, придадим тебе и отряд английских солдат. Иди и лови беглецов, о которых ты доносишь советским парламентариям», — и отправили их в лес.

«Мы вам не запрещаем уничтожать друг друга», — сказали англичане Энверу Ботдаеву в напут-

ствие. Забрав с собой таких же «голодных зверей» как и сам, готовых растерзать жертву, Энвер пошел по нашим следам. Они настигли беспомощных и изнуренных женщин, стариков и детей и расправились с ними.

Всех пойманных они пригнали в колонию и их постигла та же участь, что и кабардинцев. Те же из нас, кто был проворнее и физически сильнее, ушли в глубину лесов, поднялись на недосыгаемую высоту и спаслись.

Так, с помощью наших собственных предателей, агентам удалось вернуть часть беглецов (в основном стариков, женщин и детей), разбить их семьи и разлучить на всю оставшуюся жизнь. В последствии эти разбитые семьи были разбросаны, рассеяны по всему свету: кого отправили в Сибирь, кого на Север, кого в голодные степи Средней Азии...

Не легкая доля выпала и тем, кто спасся — одни оказались в Турции, другие — в Германии, третьи — в Австрии и небольшая часть — в Америке...

Предавший нас Энвер Ботдаев присоединился к нам в 1944 году в Италии. По национальности он был балкарец. Почти никто не знал кто и откуда он. Говорили, что он носил материнскую фамилию, ибо ни сам он и никто другой (кроме матери, конечно) не знали, кто его отец, то-есть он был незаконнорожденным. Как было выше сказано, он был одет в форму немецкого лейтенанта и на его груди висели две медали. Он хромал на одну ногу. Мы диву давались как этому невзрачному малорослому человеку со впалыми маленькими черными глазами удалось получить столь высокое для него офицерское звание. Его поведение, привычки, манера разговора свидетельствовали о его бесстыдстве и наглости. Если его послушать, биография его была довольно интересная: якобы учился военному искусству, сражался против немцев и за проявленное мужество получил звание Героя Советского Союза.

Далее, по его словам, он якобы будучи раненым, попал в плен к немцам, излечился и пошел служить к генералу Власову. Звание было присвоено ему в РОА, медали получены там же за отвагу, проявленную в боях против Советской Армии. Он объяснил свое прибытие в нашу колонию стремлением воссоединиться со своими земляками-балкарцами.

С первого же дня нашей встречи я всем нутром возненавидел этого человека. Очень скоро он нам показал свое истинное лицо — злоязычие, бессердечность, наглость... и трусость были основными чертами его характера, содержанием его души.

Он и ему подобные, организовав за нами погоню, поймав часть беглецов, хотели действовать по обстановке, приспособиться, замаскировать свои деяния и прикинуться патриотами Советской страны. И надо сказать прямо, своим хамелеонством им удалось достичь кое-чего.

На протяжении нашего долгого и безрадостного пути от Кавказа и до Альп эти агенты сопровождали нас всюду, сочиняли небывлицы, обливали нас грязью, чтобы показать своим хозяевам, что они работают, не покладая рук.

Когда среди нас возникал разговор об этих агентах, некоторые говорили: «Оставьте их в покое, разве они занимаются этим по собственной воле? Они такие же несчастные, как мы и работают ради того, чтобы прокормиться и спасти свою жизнь. И похоже, что они не совсем плохие люди». Они, эти защитники агентов, рассуждали так: «Та змея, которая не трогает меня, пусть живет сто лет». Но потом они вкусили всю «сладость» результатов своих суждений. Не зря существует поговорка: «Пусть первая мысль карачаевца останется ему самому, а заключительная — пусть принадлежит мне». Это говорит о том, что, мы, карачаевцы, будучи очень легковверными, к истинным выводам приходим с большим опозданием. И жнем плоды своей непрозорливости...

Глава восьмая

Черное пятно англичан

Итак, трагедия, разыгравшаяся на берегу реки Драу с 28 мая по 1 июня 1945 года, когда силой оружия были заперты в товарных эшелонах сотни ни в чем не повинных людей северо-кавказских национальностей и главным образом старики, женщины и дети и отправлены в неизвестность, этот насильственный акт, имевший в последствии печальный исход, полностью ложится на совесть английских войск, накладывает на их облик черное пятно.

В те дни английские военные статисты сообщали: «с 28 мая по 1 июня 1945 года согласно Соглашению между Англией и Советским Союзом разоружены и этапированы в Советскую зону 125 военнослужащих и 3160 гражданских лиц (старики, женщины и дети) по принуждению, а так же 169 человек на добровольных основаниях».

Возможно количественная информация и соответствовала действительности, но что касается 125 военнослужащих, то это была чистейшая ложь, ибо 80% этих самых «военнослужащих» были гражданскими лицами. И абсолютное большинство этих гражданских лиц ни разу в жизни не держали палец на спусковом крючке оружия. Не соответствует действительности и цифра 169, т.к. большая половина этих людей состояла из русских, украинцев, белорусов и других национальностей, примкнувших к нам совершенно случайно.

Таким образом в числе насильственно этапированных в страну, где свирепствовали репрессии и диктатура узурпатора Сталина были 3455 человек северо-кавказских национальностей которые, избавляясь от террора, репрессий, бежали в годы революции 1917 года и в годы Второй Мировой войны.

Судьба этих несчастных уже была predetermined, раз их передали прямо в руки Сталина и органов

НКВД, служивших верой и правдой своему диктатору. 2 июня 1945 года на берегу Драу, где располагалась Северо-Кавказская колония, не осталось ни души. Только темнеющие на поляне повозки, разбросанные вещи, темные следы костров, да тревожно ржавшие бесхозные лошади свидетельствовали, что совсем недавно здесь влачили свое жалкое существование тысячи человеческих душ.

Все, что им приглянулось, англичане забрали себе, а всю живность, за исключением лошадей, (коров, мулов, быков), а также повозки с ненужными англичанам вещами, велено было раздать нуждающимся из числа местного населения.

Оседлав «трофейных» лошадей, английские солдаты скакали по поляне, резвясь, развлекаясь и коротая свое свободное время.

Их сейчас совершенно не трогало, чьи это лошади, что станет с их хозяевами, которых они под дулом винтовок изгнали отсюда и заперли в товарных вагонах. Они свое сделали, а что дальше, не их забота.

Одни развлекаются, другие льют слезы — селяви — такова жизнь.

Тысяча благодарностей великому Аллаху, который в 1953 году избавил униженные и истерзанные народы России от ненавистного «отца» Сталина, и открыл им в 1955 году двери Свободы!

...У всех, кому удалось скрыться в лесах Альпийских гор, положение пока оставалось тревожным и опасным...

1-е отделение трагического спектакля, в котором мы «играли», началось с приходом Сталина к власти и закончилось в день нашего прибытия на берег Драу. Его 2-ое отделение началось 28 мая и закончилось 1 июня 1945 года после этапирования Северо-Кавказской колонии в Россию.

Здесь, в лесах высоких Альп начиналось 3-е отделение этого спектакля. Его занавес будет открываться и закрываться много раз во многих странах мира...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава первая

Кавказские абреки в Альпах

Как интересно устроена жизнь! Еще не родившись на свет, находясь в утробе матери, ребенок уже начинает борьбу за свое существование. Шевелится, крутится, толкает мать в живот, требуя у нее что-то. Появившись на свет, он начинает свою борьбу новыми способами — криком и плачем. Это борьба, то усиливаясь, то затихая, но никогда не прекращаясь, продолжается на протяжении всей жизни человека вплоть до его последнего вздоха.

У каждого человеческого существа есть свой жизненный путь, свое горе, свои радости, но путь у каждого свой — одинаковых путей и одинаковых судеб не бывает. Одни люди, наделенные достатком, живут долгие годы счастливо, не зная ни нужды, ни горя. Для других и ночь проходит как ночь, и день проходит как ночь: жизнь этих людей протекает в постоянной борьбе, в спорах, сплетнях, в нужде, в тюрьме и скитаниях, в изгнании и мучениях.

Борьба за свое существование происходит в остальном живом мире — и на небе и на земле и в ее недрах. Каждое живое существо борется за жизнь по разному, но закон для всех один: сильный пожирает слабого и живет за счет отнятой им чужой жизни. Этим законом пользуются все живые суще-

ства, кроме травоядных (но трава тоже «хочет» жить). Но, странное дело, ни один хищник не трогает своих сородичей!

Исключением из этого правила является разумный царь и повелитель природы — человек. Человек придумал оружие против самого себя — человека. Любое живое существо поедает других только для того, чтобы насытиться. Когда оно сыто, никого не трогает.

А у людей? Наибольшую опасность представляет сытый, сильный человек. Он стремится командовать слабым, эксплуатировать, поработить его. Он придумал тюрьмы для усмирения непокорных, он придумал расстрелы, чтобы избавиться от неудобных, он может проводить массовые репрессии и высылку целых народов, если и это сулит дополнительную пищу его ненасытной утробе.

Сытый человек на этом не остановился, ему мало единиц, десятков, сотен, тысяч, миллионов. Никакими войнами, даже такой истребительной, как Вторая мировая война, ему не удалось расправиться со всем человечеством. Тогда он начал думать и додумался: изобрел атомную бомбу.

Почему этот сытый человек действует так свободно? Да потому, что бездействуют миллионы и миллиарды человеческих умов, которые мыслят и живут на нашей прекрасной, но несчастной планете. Потому что бездействуем мы.

Разве не мы, вполне нормальные люди, привели к власти таких узурпаторов, как Сталин, Гитлер, Муссолини, Троцкий? Мы!

Разве не с нашего позволения создавались такие партии, как коммунистическая и национал-социалистическая, пришедшие к власти. Да, с нашего позволения.

Разве не мы, позволившие превратить себя в послушных рабов, виновны в зарождении и взрыве Второй мировой войны, унесшей десятки миллионов человеческих жизней в самом цветущем возрасте? Мы!

А что будет с человечеством, с самой планетой Земля, если у власти атомных держав окажется какой-нибудь Сталин, Гитлер или Муссолини? Кто может точно ответить на этот вопрос? Кто может гарантировать нас от появления у власти подобных страшных личностей?

Но не будем впадать в пессимизм. История человечества знает немало примеров, когда тысячи героев в борьбе за правду и справедливость жертвовали собой и отдавали жизни. Нет сомнения в том, что не будь этих героев, человечество подверглось бы значительно более страшным испытаниям, чем увиденное и пережитое нами. Но сейчас не надо надеяться на героев-одиночек! Героями в борьбе за правду, за мир на земле, за саму жизнь должны выступать целые народы!

Философ сказал примерно так: «Жизнь есть эксперимент. А мир — это лаборатория, где он проводится. Каждая эпоха будет порождать свои проблемы. Для будущих поколений придут новые проблемы».

А кто создает проблемы, не мы ли сами?

Мы прошли самые разнообразные эксперименты: то проходили через сито и «очищались», то падали, то сидели, то выходили, то боялись, то убегали и убежали до самой реки Драу. Бежали в борьбе за жизнь и проделали десять тысяч километров на лошадях и быках сквозь лютые морозы зимы и нестерпимую жару лета, сквозь разрывы оружейных снарядов и авиационных бомб. Не боясь смерти, ради жизни мы продвигались через гуцу сражений под свист автоматных и пулеметных очередей. И только благодаря стойкости, выдержке мы сумели преодолеть страшный путь и добраться до центра Европы. И мы избрали себе нелегкую долю беженцев не для того, чтобы сдать, не испытав свою судьбу до конца.

Мы и в леса Альп бежали, чтобы не унижить себя. Мы были полны решимости испытать свою судьбу

в этих горах и лесах. Нет никого кто бы хотел умереть. Но лучше умереть в борьбе, чем в мучениях и пытках. Так рассуждало абсолютное большинство тех, кто прятался в лесах. Теперь мы доверили себя Апсаты¹ и бродили в его владениях в поисках добычи. Альпийские горы не в пример англичанам, оказались гостеприимными, они приютили нас под своим крылом.

Мы старались расположиться так, чтобы быть вместе с близкими, или находиться рядом, чтобы держать постоянную связь. Нам, горцам по своей природе, не трудно было дышать на высоте, передвигаться по крутым склонам, добывать себе пищу. Каждый из нас, пусть по наслышке, был знаком с жизнью абрека и хаджирета². Запаса продуктов у нас хватит на две-три недели. Но все равно мы старались припасти еще что-нибудь. Так вблизи городов Обердраубруг, Даллах и сел-а Ир-схен, в горах Альп мы мужественно и терпеливо ждали свое будущее.

К нашему счастью в горах было тепло. Их склоны и впадины были покрыты пышной зеленью. Это было для нас большим подспорьем. Как и на Кавказе, Апсаты был богат красивыми «сыновьями» и «дочерьми». Всех кто просит, он все свое отдает щедро и мы всегда были сыты. Но как долго он будет поддерживать нас, никто не знал.

И хотя мы не нуждались почти ни в чем, покоя у нас не было — английские солдаты рыскали в лесах. Во многих случаях им удавалось напасть на наши следы, разогнать группы, а то и поймать некоторых и отправить в лагеря. Многим нашим соотечественникам удалось все-таки оторваться от них и спастись. Именно они и принесли нам кое-какие скудные новости. Других источников у нас не было. Связаться с местным населением мы боялись, боясь предательства.

¹ Апсаты — бог зверей по-карачаевский.

² Хаджирет — почти то же, что и абрек.

Уходить куда-нибудь, чтобы надежнее спрятаться, не было ни резона, ни возможности: страна для нас была чужая и незнакомая, языка мы не знали и, самое главное, война только что закончилась и передвижения пока были ограничены. Имело немаловажное значение и то, что повсюду плохо обстояло дело с продовольствием, а тут мы пополняли свои запасы за счет отстрела лесной дичи. Даже в собственной стране трудно жить абреком, а здесь тем более.

В этой обстановке напряжение не спадало. Аллах воздерживался говорить о предстоящих наших испытаниях.

Но мы верили, что каждый прожитый день работает на нас. Видимо дружба двух противоположных систем — коммунизма и капитализма, думали мы, — продлится не долго. И если наступит такая пора, нам станет проще легализоваться.

Мы, карачаевцы, составляли 50% от общего числа беглецов. Люди не карачаевской национальности последовали нашему примеру и спаслись. В знак благодарности они даже сочинили песню, посвященную нам:

Поклон вам наш, карачаевцы,
Путь указали нам только вы!
Смерти ждали мы, отчаявшись...
Благодаря вам все мы живы!

Находясь в бегах, абрек должен почаще менять место своего нахождения. Следуя этому правилу, мы через несколько дней тоже поменяли место своей стоянки. Пошли слухи, что некоторые из беглецов ушли через перевал обратно в Италию. Были и такие, которые вышли из леса и решили искать приют внутри Австрии. Но те, кто считал, что надо повременить с выходом и сохранить жизнь, оставались пока в лесу...

Еще через некоторое время мы поднялись на горы над знакомым мне селом Иршхен и, перевалив

через хребет, спустились в ущелье Мелл. Остановились в Рангерсдофских лесах. Многие беглецы последовали за нами. Видимо у них закончились продукты питания, несколько парней из них ночью спустились на берег Драу, доставили оттуда пару лошадей и зарезали их. Они принесли нам приличный кусок конины и мы были очень благодарны им за это. Мы с превеликим удовольствием съели конину.

Судя по сведениям спустившихся на Драу ребят, там, где стояла наша колония, осталось человек пятнадцать английских солдат для присмотра за конями, остальные уехали.

Но английские солдаты не переставали преследовать нас. Они тоже перебрались в ущелье Мелл и им удалось задержать здесь несколько семей и отправить их в лагерь. Нескольким людям из этих семей удалось бежать и вернуться обратно к нам. Один из наших тоже попался англичанам, но бежал. Затем все-таки он и его несколько товарищей вновь оказались в руках англичан. Их погнали в Япензский лагерь и сдали там. Рассказывали будто он там встретился со старым знакомым, русским эмигрантом. Тот, поздоровавшись, сказал ему:

— Опять ты попался, бедненький? Какой из тебя джигит? Разве из тебя получится абрек? — Русский смеялся от души.

Один из друзей К. тоже решил уколоть его.

— Оказывается, знакомых у тебя больше в лагерьях, чем в своем родном Гунделене! Ты — известный человек! Даже старые эмигранты узнают тебя...

— Видимо у меня в организме есть какой-то магнит и англичане притягиваются, куда бы я не бежал. Ах, если бы удалось бежать еще раз, я бы ушел на самые высокие вершины альпийских гор и черта с два они бы меня достали...

И им удалось бежать в следующую же ночь...

Глава вторая

«Проклятая поляна»

Однажды, когда мы только что сели позавтракать, мама вдруг сказала:

— Провизия у нас на исходе. Хватит ее от силы на два-три дня, не больше. «Когда еды мало — друзья в раздоре», гласит карачаевская поговорка. Ты знаешь где мы закопали запасы продуктов: муку, сахар, рис, а также одежду. Если некоторым удастся доставлять сюда лошадей, может вы спуститесь на эту проклятую поляну...

Маму перебил один из наших сотрапезников.

— Дорогая наша Гулистан, как удачно назвала ты эту поляну! — сказал он. Остальные тоже согласились, что названа поляна, так как она того заслуживает. С этого дня за местом, где располагалась наша колония, закрепилось название «Проклятая поляна».

Один из тех, кто участвовал в закапывании наших запасов, сидел рядом и сказал:

— Я хорошо знаю места, где мы их спрятали. Если их никто не тронул, доставить сюда большого труда не составляет. Нужно идти...

В тот же день мы, пятеро мужчин, решили с наступлением вечера спуститься вниз на берег реки Драу.

Мама оживилась, даже обрадовалась, что мы собираемся в путь и, взяв меня под локоть, сказала:

— В дупле кривого дерева, что стояло рядом с нашей повозкой, я спрятала свой Коран, амулеты и еще кое-что. Все это упаковано в одном мешочке. Обязательно доставь их сюда.

Перед нашим выступлением в путь, мама, как обычно она делала, прочитала молитву и «осветила» нас. Получив благословление, мы гуськом потопились вниз. Мы спускались с высоты 2623 м. от уровня моря. Когда мы, преодолев гору Крецехол,

вышли на склоны ущелья Драу, солнце уже скатывалось за вершины Альп. Отсюда хорошо просматривалась «Проклятая поляна». Но ее очертания начали исчезать, т. к. там, где мы стояли, было еще светло, а в долине начала хозяйничать темнота. Мне показалось, что там наступает не простая, а адская темнота. Это, видимо, потому что, мы все испытали там, на этой поляне, адские мучения.

Но в чем виновата сама земля, чтобы ее ненавидеть? Земля всюду земля. Только люди вынудили нас назвать эту прекрасную поляну «Проклятой».

Отдохнув немного и, установив между собой интервал сто-сто пятьдесят метров, мы двинулись дальше. Не теряя друг друга из виду, к полуночи мы добрались до бывшей стоянки.

К нашему счастью все оказалось в полной сохранности. Пока мои товарищи упаковывали продукты по рюкзакам, я пошел к кривому дереву, достал из дупла мамины реликвии и вернулся назад.

Мы нагрузили на себя все и в том же порядке, как и спускались сюда, один за другим пошли обратно в горы. Дорога предстояла тяжелая — спускаться с горы всегда легче, чем подниматься вверх, да еще с большим грузом.

К рассвету, когда просыпается лес, мы почти достигли цели и вдруг послышался человеческий крик, а затем и звуки, напоминавшие выстрелы из пистолета. Старший группы по возрасту, человек никогда не служивший в армии и не знавший что такое жизнь абрека и очень дороживший своей жизнью, испугался и крикнул:

— Беда! Давайте бежать отсюда. Слышали выстрелы? Это англичане. Куда же бежать, о Аллах? Что же вы стоите? — Не получив ни от кого одобрительного ответа, он подошел ко мне вплотную, желая что-то сказать. Я опередил его и с улыбкой на устах промолвил:

— Ради Бога, дай немного отдохнуть. Мы все

очень устали. И это никакие не выстрелы, а щелчок кнута, которым пастух гонит гурт скота.

Вся сила у этого старшего была на языке. Болтлив был невероятно. Все жаловались, что надоел он им своими разговорами.

После того, как я однажды одернул его грубо, общались мы с ним крайне редко.

Мой ответ, чувствовал я по его холодному взгляду, явно не удовлетворил его и он мне выпалил:

— Парень, не пойму я кто ты такой? На серьезные разговоры ты отвечаешь с ухмылкой. На реплики мастак. Почтения к старшим от тебя не дождешься!

Один из сидящих тоже возразил мне, сказав:

— Ей Богу, я отчетливо слышал выстрелы. Это были не щелчки кнута, как ты утверждаешь!

— Слышал, что говорит человек? — уставился на меня старшой. Потом, повернувшись к остальным, почти приказал: — Вставайте! Надо уходить! Здесь совершенно открытая местность. Надо спуститься вниз, где погуще лес!

Видя, что его слова никого не трогают, он снова прицепился ко мне.

— Если здесь с кем-нибудь из нас что-то случится, будешь отвечать ты, запомни, умник! — предупредил он меня.

— Господин хороший, по какому праву вы смотрите на меня такими глазами? Надо было смотреть так на англичан, а не на своих, если вы такой герой. Вы видите как все спокойно отдыхают? Никто не паникует и не собирается бежать. Надо вам сообразить и понять элементарную вещь: англичане сейчас только проснулись и чая еще не успели попить, — ответил я ему, сдерживая себя от явной грубости. — Лучше отдохните, как остальные.

Он еще больше вскипел, услышав мой нравоучительный ответ.

— Ты, оказывается, принимаешь меня за дурака и труса. Пойдем! Прямо к англичанам, если ты

такой герой! И посмотрим, кто из нас трусливее, паршивец! — сказал он, покраснев от злости.

— Я очень устал. Просто нет ни сил, ни желания ходить к англичанам. Мы скитаемся по горам и лесам не из желания встретиться с ними. Если вам охота, сходите. Никто вас не держит, — ответил я ему еще более спокойно, разулся, постелил куртку под себя и лег отдыхать.

Для него это было слишком дерзко с моей стороны. Он не выдержал и побрел в кусты, чтобы изолироваться, избавиться от моего присутствия.

В сумках у нас были черствый хлеб и сахар, а рядом журчал горный родничок и мы, не спеша, приступили к нашему скудному завтраку. Нам все равно торопиться некуда — надо было здесь ждать наступления вечерней темноты: чтобы попасть в ущелье Мелл, нужно было пройти значительное расстояние по открытой местности. А это было очень рискованно.

Все устроились так, чтобы можно было отходнуть как следует. Я нашел очень удобное для этого место в кустах и лег спать.

В полдень меня разбудили странные звуки: «Хой-ху, хой-ху!» и громкие щелчки. Я выскочил и увидел пастуха, который, щелкая длинным кнутом, гнал скот на водопой (на обратном пути мы видели длинные желобобразные корыта, заполненные хрустально чистой родниковой водой). Скот двигался в сторону этих корыт. Я увидел, что наш чванливый старшой лежит ничком, спрятавшись в кустах, как испуганный заяц. Убежден, что он понял, что зря паниковал утром, но это был не тот человек, кто признает свою неправоту. Поскольку среди нас таких людей считанные единицы, приходится терпеть. Видимо, подобная психология тоже имеет право на существование.

Напоив скот, настух пригнал его к опушке леса, осмотрелся и, взобравшись на высокий камень, сел. Он открыл пастушью сумку, достал что-то, поел и

запил из фляжки. Пообедав, он достал трубку, набил табаком и, не спеша, прикурил.

Приятный запах быстро добрался до моего чуткого носа. Страшно захотелось курить, но что делать, выхода не было. Надо терпеть. Посидев еще немного и раздражив нас своим табаком, пастух встал. Он также не спеша, как обедал и курил, пошел за своим удаляющимся гуртом скотины.

На наше счастье у него не было собаки.

Глава третья

Письмо матери

Я лежал как и все, удобно устроившись, но спать уже не хотелось. Мы все с нетерпением ждали наступления вечера. Когда ждешь чего-нибудь, кроме исполнения смертной казни, время течет очень медленно. И сегодня минуты шли, как часы, часы — как целая вечность. По крайней мере, мне так казалось.

Когда совсем надоело лежать и молчать, я вспомнил про мамин мешочек, достал его и вынул оттуда Коран. Читать его я, конечно, не умел, но было интересно держать в руках священную Книгу и полистать ее. Но прежде всего поразил меня его переплет, вернее кожаная обложка. На ней золотой нитью был вышит великолепный орнамент и выведены арабской вязью слова суры из Корана. «Какая титаническая работа? Сколько времени надо было потратить и какой глубокой верой надо было исполниться, каким талантом надо было обладать, чтобы осилить эту кропотливую работу. Золотые руки моей мамы», — восхищался я, глядя на сверкающую обложку Корана. Из Корана выпал лист бумаги.

Я развернул листок и сразу понял, что это было письмо моей матери. Судя по свежести строк и самой бумаги, оно было написано совсем недавно. Адресовано было письмо мне. Сразу понял, что

мама написала его сразу, после нашего побега в лес, на тот случай, если их куда-то увезут, она хотела сообщить мне что-то такое, о чем не успела сказать, дать какие-то наставления и советы, быть может проститься.

В самом же деле в письме было написано следующее:

«Хамит. Каждая человеческая жизнь, как зарождается, так и уходит, когда наступает смертный час. У всех поколений — у отцов и матерей, у их детей, есть священный долг быть преданными друг другу, жить, работать, созидать и вести себя так, чтобы это было во взаимных интересах, отражало взаимное уважение между родителями и детьми, чтобы они были предельно довольны друг другом. Это необходимо не только на время жизни на земле, но и для последнего часа, когда уходящий не мучился бы угрызениями совести перед остающимися и, когда провожающие были бы довольными умирающим.

Допуская, что нам больше не суждено встретиться вновь или смерть меня настигнет прежде нашей возможной встречи, я тебе говорю, сын мой, свое прощальное «прости» и торжественно заявляю перед Аллахом: я тобою очень довольна! Ты был не только достойным сыном, но и достойно заменял в семье своего отца! Я бы хотела, сын мой, чтобы ты был тоже доволен мной.

В ту ночь, когда ты ушел в лес, я не смогла заснуть и проплакала до утра. Не знаю что делать со своим сердцем. Воспоминания о тебе, о пережитом разрывают его на части.

Самый большой грех на земле — это лишение собственной жизни собственной рукой. Однако лучше наложить на себя свои руки, чем допустить душисть себя чужим рукам. Не будь у меня двух твоих сестреночек, я не, задумываясь, покончила бы с собой. Иногда я подумываю привязать детей к себе и прыгнуть в волны Драу. Но такие мысли пришли в мою голову лишь один раз. «Аллах их дал мне,

пусть он и заберет, когда ему будет угодно», — сказала я сама себе и несколько успокоилась. Были у меня и такие минуты, когда я подумывала оставить девочек на попечение Муксим, а самой расчитаться с жизнью. И как раз в эти минуты Нияз побежала к Муксим, обе обнялись и расплакались. Я не выдержала, пошла к ним, обняла их, тоже стала лить слезы. Придя в себя, я успокоила их как могла. Оказалось, что Нияз прибежала к Муксим, чтобы та повлияла на ее брата, который хочет натворить бог знает что в знак протеста против произвола англичан. Тут я выяснила, что Муксим в положении и запретила ее беспокоить. Я подумала с жалостью о ребеночке, который родится в этих кошмарных условиях.

Эта новость тяжелым бременем легла на мою душу, но в то же время придала мне силы, чтобы опомниться и взять себя в руки: раз ближняя собирается родить ребенка, я непременно должна быть рядом. Ведь новый человек рождается на свет! Я стала порицать себя за то, что до сих пор не замечала, что Муксим находится в положении. Теперь было совершенно очевидно, что, если я покончу с собой, Муксим сделает то же самое. Я поняла, что своим таким поступком я могла унести за собой две человеческие жизни, причем, одну из них в утробе матери, лишив ее права даже появиться и увидеть свет. Как считает Аллах, это самый тяжкий грех из всех грехов, которые совершает человек. Боязнь лишиться жизни не рожденного еще человека и заставила меня самой остаться в живых.

Приходил Кады и спрашивал о тебе. Когда я сообщила ему где ты, он сказал, что обязаны бежать все, кто может, в том числе старики, женщины и дети. Когда я намекнула о положении Муксим, Кады очень жестко сказал: «Пусть умрет в лесу, будучи свободной, чем в вагоне, как арестантка». Я поняла, что Кады уведет ее в лес. Далее он предложил мне, чтобы я забрала детей и тоже пошла с ними. «Тво-

его сына найдем в лесу,» — сказал он мне, но я не решилась. Не была убеждена, что я найду тебя в бескрайних лесах и горах. И это было резонно: не найди я тебя, чтобы я могла сделать в лесах с двумя детьми?

Все, что можно, я прячу туда, где ты указал (главным образом продукты и одежду).

Да хранит всех вас великий Аллах!

Если ты волею Аллаха останешься жив, забудь что на этой поляне многие пали жертвой произвола и насилия, многие семьи разлучены и разбросаны по белому свету. Как только появится у тебя возможность, организуй молебен (маулут) за упокой душ этих несчастных.

Я не обязываю, а прошу тебя об этой милости. Пусть Аллах поможет тебе!

В надежде на нашу счастливую встречу твоя мама.»

Я читал письмо матери урывками — слезы застилали глаза и закрывали лист бумаги в моих руках.

Письмо это призывало к размышлению, заставляло вспомнить наше страшное прошлое и думать о будущем. Оно раскладывало перед нами всю нашу жизнь.

Моя мать была женщиной, которая честно выполняла предначертания Аллаха, стараясь сделать больше, чем обязана. А Аллах всегда вознаграждает за это!

И мы убеждаемся в этом на конкретном примере: мама собирается покончить с собой, но в это время к ней приходит Нияз и сообщает, что Муксим находится в положении. Это спасает маму. Кто послал Нияз к маме в ее критический час, если не сам Аллах?!

Не означало ли это новый поворот в судьбе, в жизни нашей семьи.

Некоторые из нас проявляют непрозорливость, не замечая могущественные явления в нашей жизни,

неожиданные ее повороты и не понимают чья рука правит всем этим.

Я с благодарностью обращаюсь к маленькому человеческому существу, который тогда еще не родился, но который спас мою мать от гибели. Я был глубоко убежден в том, что этого не рожденного еще ребенка ожидает большое счастливое будущее. Пусть Аллах пошлет ему такое будущее!

Если Аллах решит помочь своим подданным, он это делает всегда.

В этом я убедился, когда он выручил мою семью из совершенно безвыходного положения, избавив мою мать от гибели и воссоединив ее со мной.

Сейчас я был занят мыслями и заботой о том, как устроить жизнь дальше. Нельзя же все время надеяться на Аллаха! И тут перед моими мыслями возникают вопросы: «Кому мы нужны и кто обязан заботиться о нас? Как долго мы можем продержаться в лесу в качестве беглецов? Допустим, что англичане оставят нас в покое. Не вечно же они будут сидеть в чужой стране. Но что скажет нам и как встретит, как отнесется к нам население Австрии? Эти размышления и вчера, и сегодня, и днем, и ночью не дают покоя.

Успокоившись таким образом, я спрятал письмо в карман, а Коран в мешочек, завязал шнурки и, положив мешочек у изголовья под куртку, лег спать. Проснулся я часа через три-четыре под вечер. Последние лучи заходящего солнца быстро ползли вверх по склонам островерхих вершин Альп и собирались покинуть нас, оставив на попечении ночной темноты.

Настала пора вставать и двигаться к своим. Мы окликнули друг друга, «навьючили» на себя наш нелегкий груз и стали подниматься по крутому склону.

Очень много сходного здесь с нашим Кавказом: за могучим пышным лесом — мелколесье, за ним — ароматные альпийские луга, кусты горной голубики,

множество дичи — куропаток, фазанов, перепелок, много горных козлов, оленей и туров. Этих животных здесь значительно больше, чем у нас, и, странное дело, в отличие от наших, они спокойные, почти ручные. Совершенно не боятся людей, но и люди относятся к ним заботливо. Отрывая от себя, местное население обеспечивает этих животных зерном, солью, сеном и другими кормами. Волков здесь, кроме двуногих, давно истребили.

Забота о диких животных возложена не на одного-двух человек, а на все население. Потому их здесь развелось так много. Охота на них разрешается в определенный сезон и ни один человек не нарушает этого закона. Браконьерство совершенно исключено.

На этом склоне горы снега нет и это облегчает наш путь. С вершины горы появилась луна, и мы, тяжело дыша, идем ей навстречу. Мы добрались до перевала только в полночь.

Наш «вожак», видимо очень устал, положил свой рюкзак на снег и сел на него. Мы один за другим, подтягивались к нему. Двое сильно отстали, долго не показывались и доставили нам не мало тревог. Оказалось, что один из них сильно заболел и второй вынужден был тащить его самого и поклажу. Мы разделили груз больного и после некоторого отдыха направились вниз. В ущелье Мелл. Одновременно с заходом луны и началом утреннего рассвета мы прибыли к месту нашей стоянки.

Все были безмерно рады нашему благополучному возвращению. Мама проявила эту радость молча и поочередно обнимала нас. Она сразу заметила болезнь нашего товарища и сказав: «Ты сильно замерз, я сейчас тебя вылечу», — засуетилась около кипящего котла. Она достала сушеное мясо, быстро нарезала куски и бросила в котел. Когда мясо сварилось, она заправила бульон чесноком, черным и красным перцем и налив в чашку, заставила выпить до конца. «Теперь я спокойна за тебя, бульон из сушеного мяса обладает большими целебными

свойствами». Потом мама обратилась к нам и попросила:

— Уложите его, пожалуйста, и укутайте теплыми вещами как следует. — И обращаясь к больному посоветовала: — Ты еще молод, все пройдет. Только надо вспотеть как следует. Не торопись вставать, пока не придет облегчение. — Мама прочитала молитву и прошептала над больным. Потом вернулась ко мне и спросила: — Ты принес мне мой Коран? — Я молча протянул ей мешочек. Она достала Коран, раскрыла его.

Все мои друзья относились к маме очень уважительно. Мы точно выполнили ее просьбу и уложили больного. Больной тоже четко выполнил рекомендации мамы и к вечеру был уже совершенно здоров.

Когда я и мама остались наедине, она спросила у меня:

— Ты не раскрывал Коран? В нем должна была лежать бумажка, на которой я нацарапала кое-что. Но этой бумаги в нем нет.

— Да, мама. Я раскрывал Коран и нашел эту бумагу, — ответил я, опустив голову, как провинившийся школьник.

— Ты порвал ее? Не все поймут правильно смысл написанных там слов и могут истолковать превратно.

— Ты права, мама. Я тоже был такого мнения и порвал...

Впоследствии мне выпало счастье жить с матерью еще целых 28 лет, но нигде ни разу к этому разговору мы не возвращались.

Письмо, конечно, я не порвал, оно хранится у меня до сих пор, как светлая и печальная память о моей любимой матери. Прошло четырнадцать лет как ее не стало. И все это время, день в день я живу воспоминаниями о ней и черпаю силы из уже пожелтевшего листка бумаги, который храню как бесценную семейную реликвию...

Глава четвертая

Зальцбург

Мы пока по прежнему скитаемся в лесу, хотя и появление английских солдат в этом краю почти прекратилось. Все понимают, что время работает на нас и опасность отдаляется все дальше и дальше, но выработанная привычка осторожности, страх перед возможным внезапным нападением заставляют бояться каждого постороннего звука. То оттуда, то отсюда к нам доходили слухи будто многие из беглецов открыто выходят из леса и уходят то в Италию, то в Германию, то еще куда-то, а некоторые остаются в самой Австрии.

Два дня назад к нам прибыл человек, которому удалось бежать из Лиенцкого лагеря. Он рассказал нам, что якобы в городе Зельцбург один русский инженер, получив разрешение от американского военного командования, открыл свое предприятие и назвал его своим именем «Каракин». Так вот этот инженер будто набирает рабочую силу из лиц, имеющих восточное, российское происхождение. Он оформляет им документы и устраивает их на работу у себя на предприятии.

Подобные слухи стали доходить до нас все чаще и чаще. Посоветовавшись с соседями, мы решили послать в Зальцбург человека, чтобы удостовериться в правдивости этого слуха. Выполнить эту миссию изъявили желание трое мужчин. Это были молодые, энергичные, преданные нашему делу люди.

Поскольку ни у кого из них не было документов, удостоверяющих их личность, предстояло идти в Зальцбург горными безлюдными тропами, а это не менее недели пути в одну сторону. На случай непредвиденных обстоятельств, задержки больше положенного срока, провала, и так далее мы договорились, что наши парламентареры оставят записки в

условленных местах. Пожелав успеха и благополучного возвращения, мы отправили их в путь.

Припасов продовольствия в нашей группе хватило бы еще на несколько недель, но соседи наши бедствовали и мы вынуждены были поделиться с ними. С учетом этого, мы нашли необходимым спуститься на «Проклятую поляну» еще раз и пополнить наши продовольственные запасы. Там у многих из нас были зарыты продукты. Без принятия этих мер нам пришлось бы жить впроголодь до возвращения наших посланцев в Зальцбург.

Было решено послать на берег Драу по два человека от каждой группы. Мы хорошо освоились в здешних горах и прекрасно знали кратчайший путь к перевалу и наиболее удобные пути, ведущие к нашему старому стойбищу. Прибыв туда, мы все заполнили свои переметные сумы и рюкзаки и в полночь двинулись обратно. Как и прежде, к рассвету мы миновали лес и вышли к альпийским лугам. Сделав здесь привал на целый день, к следующему утру прибыли к месту нашей стоянки.

Изредка мы встречаемся с австрийцами, но, к сожалению, среди нас нет никого, кто бы знал их язык, чтобы получить от них какие-нибудь сведения. А ведь тяжело жить, ничего не ведая об обстановке в ближайших районах, не говоря уже об обстановке в мире.

Срок возвращения наших посланцев в Зальцбург миновал, но их пока нет. Это обстоятельство тревожит нас очень сильно и мы уже прикидываем разные варианты причин их задержки. Но кроме как набраться терпения и ждать, выхода нет. И мы решили повременить еще неделю, от силы десять дней и по истечении этого срока, собраться, обсудить обстановку и принять другое решение.

Учитывая, что наше пребывание здесь может продлиться дольше, чем мы рассчитываем, на берег Драу, за пополнением продуктов, пошла еще одна группа, но вернулась она с пустыми мешками, при-

гнав двух упитанных лошадей. Оказалось, что кто-то из второй группы не прикрыл наши «погреб-ба», австрийцы обнаружили их и опустошили начисто. Было унесено все вплоть до лакомств привезенных с Кавказа. Но зато конины было вдоволь. К нашему счастью в прогалинах было много снега и мы запасы конины держали в выкопанных в нем «холодильниках». Другое наше везение заключалось в том, что в горах было много соли. Австрийцы постоянно поддерживали ее запасы. Нам помогало и то, что иногда удавалось поймать тура или горного козла.

До самого последнего времени, пока я не оказался в австрийских лесах в качестве абрека, я не знал что наш народ придает огромное значение снам.

Собираясь утром на завтрак, мы приветствовали друг друга и прежде чем приступить к еде, внимательно слушали кому какой сон приснился прошедшей ночью. Перед тем как кто-то начнет рассказывать свой сон, было положено сказать: «Пусть Аллах направит твой сон к хорошему, а пророк скажет «аминь»».

Выслушав сон, все как один (если даже он и не понравился) толкуют его так, чтобы он служил предвестником доброго, а не предрекал что-то плохое. Даже те наши земляки, которые встречаются в лесу, после первых приветствий, разговор начинают с увиденного им сна или спрашивают о сне, который приснился его собеседнику. У каждого человека своя привычка, свои интересы, своя профессия и свой характер и его сны почти согласуются с его мировоззрением и желаниями. И в каждом обществе, малом и большом, есть люди, которые слывут специалистом по отгадыванию снов и последнее слово в этом таинстве принадлежат только им.

Таким лесным людям, которые лишены радио и газет, которые абсолютно изолированы от внешнего мира, увиденный приятный сон оказывает огром-

ную моральную поддержку. Такой сон легче толковать в интересах текущей ситуации и «предсказать» именно то, к чему стремятся люди (в данной ситуации: и свободу, и здоровье, и радость, и достаток, и хорошее жилье и т. д.).

Размышляя об отношении наших людей к снам, о их приверженности к их толкованию и о глубокой вере в их предсказание, я понял, что это качество у нашего народа появилось не сегодня, а является древнейшей традицией. Ведь наш народ испокон веков жил в глубине Кавказских гор, в полной изоляции от внешнего мира. Единственным способом ориентировки в будущем, связи с близким (по признаку сна) было сноведение и его толкование.

Словно желая нам напомнить о древних традициях и культуре нашего народа, судьба изолировала нас от цивилизованного мира Европы и забросила вглубь высоких Альп. И не удивительно, что эта древняя традиция нашего народа расцвела и нашла свое применение именно в этой изоляции, в глуши. Думаю, что осуждать людей, находящихся в этой обстановке, за их веру в свои сны, мягко говоря, не тактично.

Бывает, конечно, и абсолютное совпадение снов с действительностью. Так, еще будучи на Кавказе, моя сестренка (ученица начальной школы) рассказала нам увиденный ею сон: «Кубань разбухла и вышла из своих берегов, сметая все на своем пути. Она снесла и наши дворовые построения. Мы, двенадцать детей отбежали в сторону, взобрались на высокую гору и спаслись».

А в жизни случилось вот что: Когда англичане 28 мая нагрянули на нашу колонию, и начали громить кабардинцев и грузить в машины, мы поняли, что пришла беда. Мы бежали в горы и спаслись там. Нас было ровно двенадцать человек.

Или другой пример. Один наш товарищ, сидя за игрой в карты, рассказал нам такой сон: «Я ехал

верхом на своем коне. Вдруг прогремели два выстрела и ударами двух пуль я был сражен намертво и слетел с коня».

Спустя три дня мы его нашли мертвым с двумя пулевыми ранениями.

В таких случаях русские говорят: «Сон в руку.» А у нас говорят: «Пусть Аллах бережет тебя от плохого сна». Моя мать очень боялась плохих снов и тоже твердила: «Береги нас, Аллах, от плохих снов». Боясь отрицательных потерь, она просила нас не рассказывать свои сны плохим людям и тем, кто не верит в сны...

Мы по прежнему находимся в лесу и ждем возвращения своих посланцев. Обстановка улучшается с каждым прожитым днем. Нет англичан уже и в помине. Не редки случаи, когда к нам поднимаются австрийские полицаи и уговаривают нас спуститься в населенные пункты. Они утверждают, что в городах уже созданы пункты помощи беженцам. И что не следует уже бояться преследования. Они, конечно, не принуждают нас к этому.

Языка австрийцев мы почти не понимаем, но судя по выражению их лиц, они к нам относятся очень сочувственно.

Здесь, в Австрии, давно истреблены волки. Поэтому недойные гурты пасутся вольно, без присмотра людей. Лишь в неделю раз поднимаются в горы их хозяева, чтобы рассыпать соль по установленным местам. Теперь мы с ними встречаемся, не боясь. «Беседы» наши протекают главным образом на пальцах. Но для нас это имеет неоценимо большое значение. Какая это радость: начались наши встречи с хорошими мирными людьми!

Глава пятая

Мы только что получили довольно приятную новость о том, что все старые русские и другие

эмигранты, сидевшие в Лиенцском лагере, отпущены на волю с правом свободного передвижения и проживания в Австрии. Что же касается таких, как мы, беженцев, то якобы им в каком-то пункте выписывают временные удостоверения, а за определенную плату даже поддельные паспорта. Сообщалось также, что отделения Красного Креста во многих городах Австрии создали пункты и лагеря для помощи беженцам и обеспечивают их продуктами, одеждой и жильем.

Не менее приятным был и тот факт, что не было никаких свидетельств о том, чтобы английские солдаты кого-то преследовали, кого-то поймали и отправляли в лагерь.

Все эти приятные сведения, естественно, говорили в нашу пользу, доставили нам огромную радость и круто меняли наше положение.

За время пребывания в лесу не было ночи, чтобы я разделся полностью и отдыхал бы как нормальный человек. Но, после этих успокоительных сообщений, я решил разложить постель как следует, раздеться и лечь отдохнуть по-человечески. Заснул я сразу и увидел невероятно интересный сон: «С группой своих товарищей я шел в сторону гор по берегу совершенно прозрачной горной реки. Кругом зелень и благоухающие цветы, освещенные яркими лучами солнца. Мы шли врассыпную по склону горы, подниматься вверх было чрезвычайно легко и я вырвался вперед. Прямо напротив меня, на вершине горы, я заметил большой зеленый шатер. Он стоял между двумя одинаковыми, как близнецы, буграми как бы в седловине. Шатер имел две двери. Задняя была обращена ко мне, а передняя, главная, дверь — в сторону юго-запада, то-есть в направлении святыни мусульман Мекки.

Я быстро поднялся, открыл заднюю дверь и вошел в шатер. В нем стоял высокого роста стройный очень благообразный старец с седой длинной бородой. Был одет старец в такого же цвета, как его

шатер, зеленый легкий халат. Он готовился к свершению полуденного намаза. Увидев меня, старец взглядом дал понять, что мне следует делать тоже, что и он. Я подошел и остановился прямо за его спиной. И тут не знаю по каким признакам, я узнал в нем пророка Магомета. Радости моей не было предела. Я был горд тем, что молюсь Аллаху под водительством самого пророка... Мне хотелось, чтобы это событие увидели мои спутники и я выглянул из шатра: они все еще поднимались в гору и почти достигли ее вершины...»

Я проснулся хорошо отдохнувший и бодрый, в отличнейшем настроении духа. Мать заметила это и, очень довольная сказала:

— Сын мой, я вижу на твоём лице первую улыбку за все время нашего скитания в лесах. И выглядишь ты отлично, наверное хорошо выспался...

В момент этого разговора рядом никого из посторонних не было и я рассказал ей свой сон, не упуская ни малейшей подробности. Неведомая доселе мне радость охватила все ее существо. Она расплакалась и стала покрывать мое лицо, глаза быстрыми горячими поцелуями, будто куда-то спешила. Потом резко оторвалась от меня, побежала, достала свой Коран и тихо сказала:

— Будем молиться...

Мы принялись читать суру из Корана, повторяя ее по нескольку раз и, когда завершили обряд, она торжественно заявила:

— Теперь все! Теперь мы свободны, можешь мне поверить. Какой великолепный сон! Никому из посторонних не рассказывай его. Аллах посылает такие сны только своим избранным.

С тех пор прошло ровно сорок два года. И пройденный мной за эти долгие годы путь, доказал, что мать моя была совершенно права: и свобода и счастье последовали за этим сном сразу, но об этом пойдет речь ниже: всему своя очередь...

Глава шестая

Винклерн

Условленное время своего возвращения наши посланцы просрочили ровно на одну неделю.

Но еще до их возвращения к нам поступила очень радостная весть: было официально объявлено, что в городе Винклерн организована выдача беженцам официальных удостоверений, позволяющих им передвигаться и жить в пределах английской, американской и французской оккупационных зон Австрии.

Мы решили больше не ждать наших посланцев, не тратить время попусту и сходить в город Винклерн для получения удостоверений. «Если ребята доставят нам что-то хорошее, лишним не будет», рассуждали мы.

Город Винклерн расположен в конце ущелья Мелл, за горным перевалом Гроссглокнер, там, где начинаются извилистые горные дороги. Это небольшой и очень чистый курортный городок.

Ущелье Мелл намного меньше ущелья Драу. Тут и деревушки совсем маленькие и разбросаны они всюду. Люди здесь занимаются главным образом животноводством. Скота не так много, но все особи высокопородистые, упитанные, крупные и очень красивые. Главный интерес представляют коровы: красные, бурые, горные пятнистые, темно-бурые с огромным выменем. Лошади у них тоже крупные, но предназначены они только для упряжи. Верховых лошадей у них очень мало. Мы удивляемся: «Как же так? Горцы да без верховых лошадей?» На Кавказе такое совершенно не мыслимо.

Народ здесь живет тоже хороший, трудолюбивый. Правда не такой уж щедрый и гостеприимный как итальянцы, но все равно хороший...

Чтобы добраться до города Винклерн, надо было преодолеть двадцать километров пути.

Уполномоченными для явки в Винклерн и получения там удостоверений наша группа выделила троих: меня и двух молодых энергичных парней. Каждый из нас должен был представлять семью из четырех человек и получить соответственно по четыре удостоверения. Так хотели и планировали мы, а что получится из этого пока не знали.

Но мы точно знали, что для нашего спасения требуется суметь получить удостоверения, которые выдавались только тем, кто из России выехал двадцать лет назад, не позднее, или тем, у кого был уже какой-нибудь иностранный паспорт. Ни одному из этих условий мы не подходили, ибо абсолютное большинство нашего контингента бежало из России совсем недавно и паспортов у нас никаких не было, кроме советских и то лишь у ничтожного числа людей. Стало быть нам необходимо было придумать себе новые биографии: новые имена, новое время рождения, новые места пребывания и так далее. Более того каждый должен был помнить на память свою новую биографию.

Вот это было единственным шансом для нашего спасения. И то если повезет!

Я назвал себя Владимиром Исламовым. В автобиографии указал, что мои родители с двадцатых годов жили в Польше, затем в Албании, Югославии и Италии. Каждый из нас, подобно мне, придумал себе новую биографию.

Сильный и волевой человек, если у него пошатнулась почва под ногами и его жизни угрожает опасность, боится, но из создавшегося положения найдет выход: любой честный или бесчестный. Лишь бы спасти свою жизнь. Исключение могут составить только единицы, готовые отдать жизнь за свои высокие идеалы.

Вполне естественно, мы таким исключением не могли быть, являясь обыкновенными простыми смертными. Поэтому без зазрения совести мы стали на путь обмана, предстали перед собственной сове-

стью новыми людьми, с новыми именами, с новым происхождением и национальностью...

Мы, трое уполномоченных, встали на заре и отправились в наш нелегкий путь. Прошли леса, где скрывались, спустились в село Лимниц, перешли мост через реку Мелл и вышли в Рангерсдорф. Откуда дорога шла прямо в город Финклен. Это был первый случай, когда мы за три месяца скитаний вышли в населенные пункты открыто и встречались с людьми, не таясь.

Боясь каждого встречного, полагая, что все смотрят на нас и затевают что-то, мы с большим напряжением двигались по дороге. Ровно в двенадцать часов дня мы прибыли в Финклерн.

Английскую комендатуру мы нашли сравнительно быстро. У дверей стояла небольшая очередь и мы пристроились к ней. Очень скоро подошла наша очередь.

За столом сидел комендант, блондин среднего роста тридцати—тридцати пяти лет. По тому, как он внимательно разглядывал нас, я не сомневался, что он точно знал кто мы такие и откуда. Комендант заговорил с нами по-английски, но никто из нас этого языка не понимал. Он посмотрел на сидящего рядом переводчика и он перевел вопрос коменданта на немецкий. И этот язык нам был почти не знаком. Поэтому я спросил по-итальянски:

— Никто из вас не владеет славянским?

Комендант улыбнулся, посмотрел на нас по очереди и по русски спросил:

— Куда вы собираетесь ехать?

— В Зальцбург.

— Все трое?

— Нет, нас двенадцать человек, — ответил я.

Комендант повернулся к секретарю и подал ему какой-то бланк. Тот его быстро заполнил и дал нам на всех разрешение на поездку в город Зальцбург. Протягивая нам документ, комендант еще раз посмотрел на нас, говоря глазами: «Я хоро-

шо знаю кто вы такие, поскорее убирайтесь вон отсюда».

Получив групповое удостоверение — пропуск, мы поблагодарили коменданта и покинули кабинет. Переступив порог комендатуры, мы все вздохнули свободно.

Обратно мы шли по центру дороги широко размахивая руками и громко разговаривая. Теперь мы никого не боялись. Вспомнили, как мы в течении трех месяцев из своего укрытия тайком наблюдали за этой дорогой и завидовали тем, кто по ней свободно передвигался.

Забыв про голод, мы шли не сбавляя темпа и весело разговаривая. Движение на дороге сравнительно спокойное. Редкие встречные австрийцы смотрели на нас как на своих знакомых и обменивались с нами сочувственными взглядами...

А мы все идем и идем вперед, не зная ни усталости, ни отдыха: надо скорее добраться до своих, чтобы поделиться с ними своей радостью...

Глава седьмая

Прощайте, вершины Альп

К своим мы вернулись поздней ночью. Костер горел вовсю и никто из наших не спал. Еще на подходе я заметил, что мама встала, отошла от света костра и начала чутко оглядываться по сторонам. Ее материнское чувство подсказывало ей, что сын где-то здесь вблизи.

Я ускорил шаг и вырвался вперед. Мама стояла неподвижно, как изваяние, и смотрела в нашу сторону.

Я чувствовал, что ее глаза, ослепленные ярким светом огня, нас не видят, решил ее успокоить:

— Мама! Мы вернулись.

Она приложила руку к сердцу и, повернувшись к сидящим у огня, что-то сказала и все они встали.

Тем временем мы подошли вплотную и попри-
ветствовали их. Все ответили нам хором, но наше
появление еще не сняло с их лиц утвердившегося
за многие месяцы напряжения.

Не дожидаясь расспросов, я полез в карман,
достал бумагу и сказал:

— Вот! Все! Путь свободен, друзья мои!

— Одна? — спросил тамада, не веря своим сло-
вам. Я понимал значение его вопроса. Предполага-
лось что мы принесем на каждого из нас отдельный
документ.

— Да, одна, — ответил я. — Но она дает нам
всем право свободного передвижения до Зельцбур-
га, всем нам без исключения. Вот смотрите! —
Документ я протянул тамаде и он пошел по рукам,
хотя никто из них не понимал что в нем написано...

Все наши моментально успокоились и радостная
улыбка поползла по их осунувшимся лицам. Улы-
бнулись и мои сестренки, хотя и с некоторым опоз-
зданием.

Мама отошла в сторону, вытирая мокрые от
радости глаза. Я подошел к ней и обнял за плечи.

— Это твой сон. Слава Аллаху, все будет теперь
хорошо, — шепнула она, пряча свой платок в кар-
ман...

Было решено с наступлением утра оповестить
всех наших соседей о возможности получить удосто-
верения для свободного выхода из леса и поездки в
Зальцбург.

Мы пока оставались на месте и ждали возвраще-
ния своих посланцев. Они прибыли спустя два дня и
подтвердили, что действительно есть в этом городе
инженер по фамилии Каракин и, что он действите-
льно набирает рабочую силу из числа семей стар-
ших эмигрантов. Но теперь это не имело для нас
существенного значения.

Договорившись с соседями поддерживать связь
и в дальнейшем, мы сообщили им, что выезжаем в
Зальцбург и начали готовиться в дорогу. Я оседлал

своих лошадей и навьючил на них весь оставшийся у нас скудный скарб. Когда все упаковались и были готовы, мы потушили огонь, помолились и выступили в дорогу.

Делая привалы через определенное время, к вечеру мы добрались до одного небольшого села и решили остановиться здесь до утра.

Я вышел во двор крайнего дома и тут громко залаяла небольшая лохматая собачка. На ее сигнал вышел хозяин и уставился на меня.

Зная, что местные жители владеют итальянским, я обратился к нему на итальянском языке и попросил приюта на одну ночь. Подумав некоторое время, он согласился.

Мы завели лошадей во двор, развьючили и расседлали их. Дав им немного отдохнуть, я напоил лошадей и положил перед ними охапку прошлогоднего, но хорошего сена.

Мы вошли в дом. Видно было, что хозяин живет очень бедно: мебели в доме почти не было, зато детей целая куча. Мы сидели молча, надеясь, что нам подадут что-нибудь на стол, как это принято у нас на Кавказе, но все было тщетно. Наоборот сам хозяин ждал, что мы предложим ему что-то. Я переговорил с мамой и она принесла в дом приличный кусок полусушеной конины и вместе с хозяйкой состряпала ужин.

Я диву давался, как австрийские дети с большим аппетитом улепетывали нашу конину.

У хозяина дома во дворе стояла одноконная бричка и она очень приглянулась мне. Я решил поговорить с австрийцем и уговорить продать мне бричку. Оказалось, что ему тоже приглянулась одна из моих лошадей и мы ударили по рукам.

Утром рано я запряг своего белолобого обозного коня в одноконку, уложил все наши вещи в кузов. Маму я посадил на «козлы», вручил ей вожжи, детей устроил в кузове и мы тронулись в путь.

Выезжая уже из предгорий, мы остановились,

оглянулись назад и в последний раз увидели сияющие под солнцем белоснежные вершины высоких Альп.

Я поднял руку, помахал ею и крикнул:

— Прощайте милые горы! Спасибо вам, что вы спасли нас под своим могучим крылом!..

Мы двигались свободно и спокойно: никто — ни англичане, ни полицаи ни разу нас не беспокоили в пути.

Город Зальцбург находился в зоне американских оккупационных войск и это вселяло нам какие-то светлые надежды...

Очень скоро нам стало известно, что все наши без исключения покинули леса и движутся следом за нами.

Всех нас ждала своя судьба. Кто-то из нас попадет в Зальцбург и попытает свое счастье в нем, кто-то уйдет в Италию, кто-то в Германию, но это уже другой рассказ. Главное мы уже были совершенно свободны!..

1987—89 гг. Нью-Йорк.